

12
ДЕКАБРЬ
1972

Планшет Ю. Трунева,
выпущенный коллективом
лекинградских художников
„Боевой карандаш“ к 50-летию
образования СССР

Мы живем в стране Советов дружную семью

Ядгар Садыковна Насриддинова родилась в 1920 году в городе Коканде Ферганской области в семье рабочего. Рано потеряв отца, в течение восьми лет она скиталась по чужим семьям.

В 1931 году ее определили в детский дом, открывшийся в Ферганской долине. В детском доме ее окружили лаской, заботой, любовным отношением старших. Девочка жадно тянулась к знаниям. Книги, которые она с интересом читала, раскрывали перед ней ясный путь в большую жизнь. От воспитателей она часто слышала рассказы о смелых большевиках, которые шли на смерть со словами: «Яша Совет!» — «Да здравствуют Советы!»

Тяга к знаниям привела четырнадцатилетнюю девушку Ядгар в 1934 году на рабфак. На рабфаке Ядгар упорно училась, а после уроков работала. За два с половиной года сумела на «отлично» пройти программу за среднюю школу и в 1936 году поступить в Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. Уже студенткой Ядгар Садыковна учебу в институте совмещала с работой на многих крупных стройках республики: на строительстве Большого Ферганского канала, Катта-Курганского водохранилища, а затем железной дороги Ташкент — Ангрен. Диплом инженера-строителя Ядгар Садыковна в 1941 году получила с отличием.

В течение 10 лет она работает секретарем ЦК комсомола Узбекистана, первым секретарем райкома партии КП Узбекистана города Ташкента. Далее работает министром

Я. С. Насриддинова
на заседании Верховного Совета СССР

промышленности строительных материалов республики. Более пяти лет занимала пост заместителя Председателя Совета Министров Узбекской ССР, а с 1959 года двенадцать лет работала Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1970 году на первой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва Ядгар Садыковна избирается Председателем Совета Национальностей

Костёр
12

ДЕКАБРЬ

1972

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Хотите видеть красоту? **4**

ПОСЛАНЕЦ ЛЕНИНА

47

ПУТЕШЕСТВИЕ
„КОСТРА“ **12**

У нас
в гостях
Джиртдан

63

Верховного Совета СССР и сегодня трудится на этом высоком государственном посту.

Накануне пятидесятилетия образования СССР Я. С. Насриддинова побеседовала с корреспондентом «Костра».

— **Расскажите, пожалуйста, Ядгар Садыковна, нашим читателям, что такое Совет Национальностей.**

— Наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик — это союзное (федеративное) государство 15 союзных республик, в состав которых входит также 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. Высший представительный орган государственной власти — Верховный Совет СССР — состоит из двух равноправных палат — Совета Союза и Совета Национальностей.

Двухпалатная структура Верховного Совета обусловлена многонациональным составом СССР. На территории СССР проживает более 100 национальностей и народностей.

Двухпалатная структура Верховного Совета СССР дает возможность успешно отражать в законах, народнохозяйственных планах, государственном бюджете СССР как общие интересы всех народов страны, так и специфические интересы каждого из них.

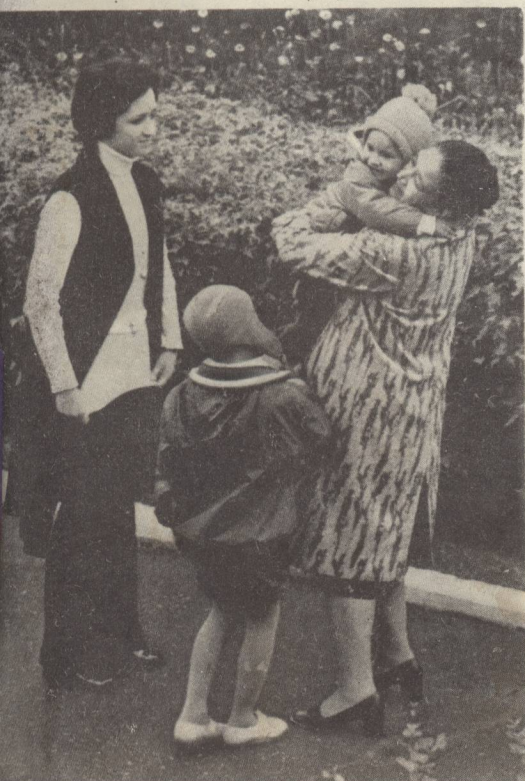
Обе палаты Верховного Совета СССР — Совет Союза и Совет Национальностей — избираются непосредственно гражданами

СССР. Совет Союза избирается по норме 1 депутат от 300 тысяч населения, Совет Национальностей избирается по норме 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по 1 депутату от каждого национального округа. Обе палаты Верховного Совета СССР избираются сроком на четыре года.

Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива. Законы СССР считаются утвержденными, если они приняты большинством голосов в каждой из палат. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно. Совместные заседания палат ведут поочередно председатели палат.

— **Ядгар Садыковна, не могли бы вы на конкретных примерах показать узы дружбы наших народов!**

— Примеров братской взаимопомощи советских народов, совместного труда во имя общей цели, труда, доставляющего радость и счастье, великое множество. Сегодня, например, представителями более чем 30 национальностей возводится Нурекская ГЭС в Таджикистане мощностью 2700 тыс. квт. Эта станция будет снабжать электроэнергией не только Таджикскую ССР, но и другие республики Средней Азии.

Очень рада бабушка, когда домой возвращаются внучка Лола и внук Бахтик

В воскресный день с сыном Борисом

Вечером надо успеть погладить внукам рубашки

Советские народы делятся между собой опытом хозяйственного строительства, научными и технологическими достижениями, помогают друг другу в решении хозяйственных проблем. Ученые Казахстана разработали эффективный способ борьбы с ветровой эрозией почв. Этот способ тут же был использован специалистами сельского хозяйства Краснодарского и Ставропольского краев РСФСР. Эстонские инженеры помогли внедрить разработанную ими технологию производства селикальцитного кирпича в Узбекистане. Специалистов из Баку — этой прославленной нефтяной академии — вы обязательно встретите в новых нефтяных районах страны. Любая большая стройка в СССР обязательно собирает людей из всех республик. О трагедии и подвиге Ташкента уже написаны многие сотни страниц. Поэтому я только хочу сказать, что восставшая из руин после разрушительного землетрясения столица Узбекистана — это также яркий символ нерушимой дружбы советских людей.

Народы нашей страны знают, что достижения каждой республики — результат усилий всех республик, и чтобы множить эти достижения, надо беречь и укреплять многонациональное содружество Советского государства, которое развивается как единое целое.

— Ядгар Садыковна, в каждой Советской республике есть читатели нашего журнала. Со временем они подрастут, станут взрослыми. Что бы вы посоветовали им, будущим хозяевам нашей страны?

— Дорогие ребята! Велика и могуча наша Родина — братский Союз Советских Социалистических Республик. Управлять нашей страной, приумножать богатство ее могут только высокообразованные люди — специалисты самых разнообразных профессий. А поэтому в качестве первого пожелания мне хотелось бы еще раз напомнить заветы нашей молодежи Владимира Ильича Ленина: учиться, учиться и учиться.

Живите дружно. Помните, в единстве и дружбе — успех любого маленького и большого дела. Активно участвуйте в общественной жизни школы, колхоза, завода, города и села.

Готовьте себя со школьных лет принять эстафету старшего поколения и достойно пронесите ее через все жизненные испытания.

Растите настоящими ленинцами, достойными строителями самого справедливого, счастливого строя на земле — коммунистического общества.

Алымкан Дегенбаева

Мы в трудные родились времена:
Была земля печальна и черна,
И в наши детские глаза глядела
Глазами воспаленными война.

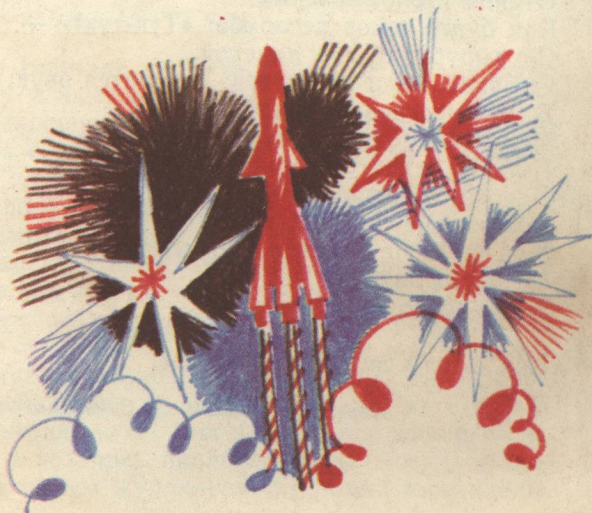
На запад, оседлав своих коней,
Отцы умчались из родных степей.
А мы у матерей просили хлеба,
Не зная, что на фронте он нужней.

Невесело игралось нам тогда.
В любой семье была своя беда.
Немногие джигиты возвратились
Из тех, что улетели из гнезда.

Мы помним жгучий траур матерей,
И нам хотелось вырасти скорей,
Чтобы они, как раньше, улыбались,
Встречая почтальона у дверей.

Теперь мы с вечно молодой Земли
Ведем к другим планетам корабли,
Гордимся, что отцам и старшим братьям
Мы стать достойной сменой смогли.

Перевела с киргизского Галина Гампер

БАЛЛАДА

Ибрагим Бабаев

Сошел я с коня под огромной Скалой, —
Светило исчезло за этой Скалой.
Сгустились потемки, костер мой мигнул
И вдруг мне таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, не хочешь ли, вместо Скалы
Чертог золотой я воздвигну из мглы?
— О нет! Мне привычней, стреножив коня,
Под буркой на камне сидеть у огня.

К рассвету вошла надо мною Звезда, —
Что в мире прекрасней, чем эта Звезда!
С предутренних гор ветерок потянул,
И снова таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, летим, если хочешь, к Звезде—
Такой красоты не отыщешь нигде!
— О нет! Не сойду я с пути своего,
Чтоб было любимой дожидаться кого.

Над диким ущельем поднялся Орел, —
Свободнее ветра был этот Орел.

Рисунки Ю. Бочкарева

С восторгом и трепетом вслед я взглянул,
И тот же таинственный голос шепнул:

— Эй, путник, не хочешь быть братом Орла—
Я дам и тебе два таких же крыла?!
О нет! Не хочу я иметь два крыла:
Земные меня ожидают дела!

Перевел с балкарского Гл. Семенов

Саида Зуннунова

СТУЧИТ ДЯТЕЛ

Имант Зиедонис

Как тихо... Лицо обжигает мороз.
Скрипит под ногами дорога...
В дремоте и сосны, и ветви берез.
До дома осталось немного.
Я слышу, как падает снег в тишине
С ветвей, над землею склоненных.
Они распрямляются, тянут ко мне
Отряды иголок зеленых.
Как будто топор лесоруба: «Тук-тук!» —
Я с вырубки слышу далекой...
Смолкает — и вновь этот слышится звук,
В мороз согревает жестокий.
То дятел в родимой стучит стороне
И летом, и долгой зимою.
Доносится звонкое эхо ко мне,
Ложится на снежную хвою.
Мой край! Не в почете ленивые тут —
Не зря на ладонях мозоли.
Пусть вечно не молкнет твой
радостный труд,
Как дятел в сосновом раздолье!

Перевел с латышского Семен Ботвинник

Хотите видеть красоту? —
От жажды вам невмоготу? —
Хотите слушать соловья? —
Весенним садом стану я,
А если вы души родной
Я буду ясною луной
А вашу горькую печаль
Что ваша горькая печаль
Но если вам любовь чужда
Мешать я буду вам тогда,
Колючей изгородью стать
И к добрым людям никогда

Я стану цветником!
Я стану родником!
Я стану соловьем!
чтоб вы гуляли в нем!
не можете найти,
светить вам на пути!
я занесу в такую даль,
вернется к вам едва ль!
и в сердце вашем — зло,
чтоб вам не повезло.
смогу на этот раз —
не подпущу я вас!

Перевела с узбекского Н. Слепакова

Качнулась белая ветка. Мелькнул пушистый хвост. Посыпалась серебряная пыль. Ветка позеленела.

— Почему позеленела ветка? — спросил папа Вову, остановившись возле большого-большого кедра.

— Наверно, зверек какой-то пробежал.

— Отгадай загадку: всадник в пушистой шубке на богатырском коне скачет.

— А, белка! — ответил Вова.

К этим странным загадкам, так не похожим на русские, Вова привык. Его папа — манси.

— Даже рябчик растревожил охотничью душу собаки, — сказал папа задумчиво. — Давно не ходили на охоту. Соскучилась бедная. Собаки острее чувствуют...

Папа работает на газопромысле. Он — рабочий. Оператор газосборной станции. Сейчас у него отпуск. А у Вовы — маленькие осенние каникулы. Поэтому папа и взял его на охоту.

Хорошо в тайге. Здесь все кажется волшебным. Под каждым кустиком живет своя сказка. Много сказок и историй знает папа. Но таинственнее всех — легенда про «Золотую ба-

РАССКАЗ

Юван Шесталов

Рисунки Т. Оболенской

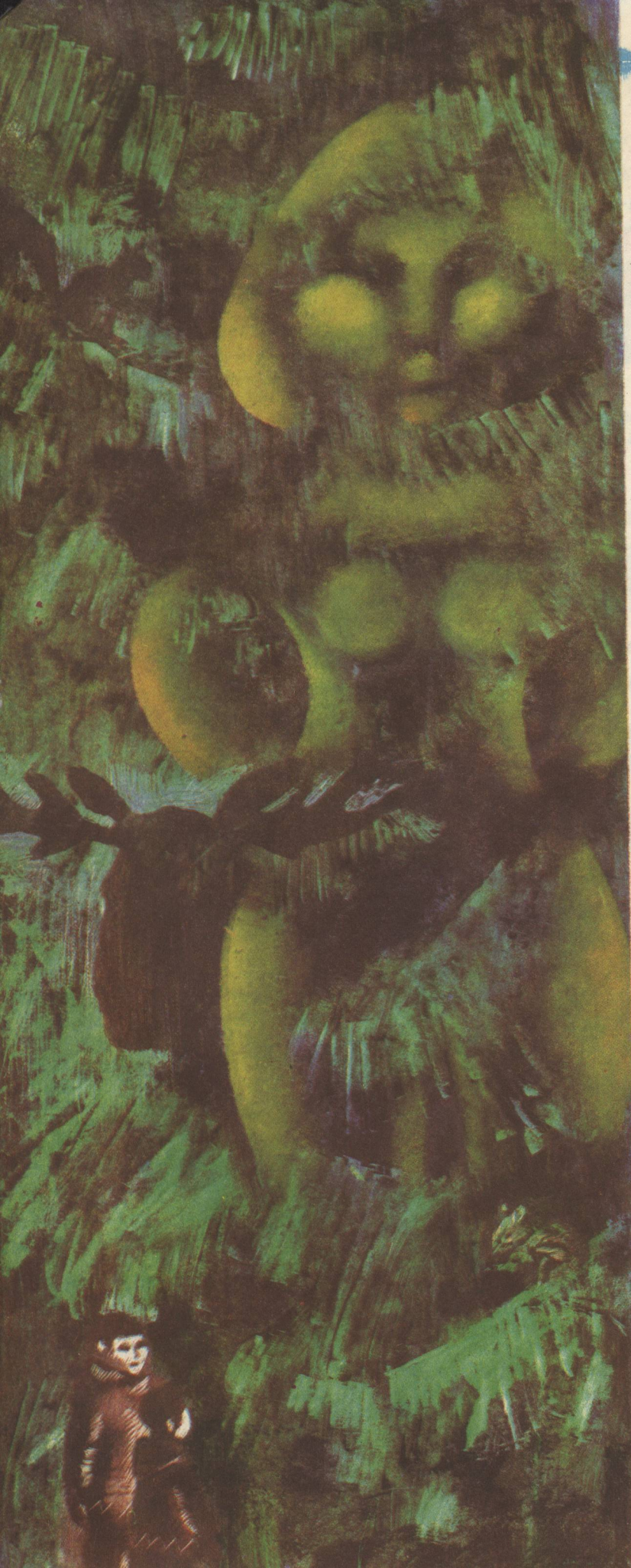
Он настоящий таежник. А мама — русская. Она никогда не была охотницей. Поэтому, наверно, она и не может разгадывать загадки так быстро. Если бы Вова не любил бывать в тайге, тоже ничего бы не понимал...

Похрустывал снег. Бегала лайка. Хвост калачом, уши наострены. Из ветвей курчавого кедра вылетела кедровка и затрещала на весь лес. Лайка остановилась на мгновение, прислушалась, но не стала лаять. Знает, умница, цену этой птице. Если бы глухарь или соболь, тогда бы она подала свой голос... Выпорхнула из ельника еще какая-то птица, рассыпав с ветвей радужный бисер. Музгарка радостно взвизгнула, но остановилась, поглядев на хозяина.

бу». Вначале на Севере искали эту Золотую бабу. А нашли нефть и газ.

Заросшую охотничью тропу, по которой шли Вова с папой, перерезала широкая и прямая, как улица, просека. Эта просека называется — профиль. Здесь когда-то прошли топографы, сейсмоки, геологи. С ними был и папа. Он помогал прокладывать эти широкие дороги в глухой и неприступной тайге.

Просека спускалась к таежной речке. Речка уже была белой: первые морозы заковали ее в ледяной панцирь, и снег прикрыл серебряной шубой. Лишь на каменистом перекате чернела, играя, вода. Она здесь была живой, звонкой и, казалось, приветствовала охотников своим веселым журчаньем. У кромки льда следы.

И помёт свежий, чуть подмерзший. Выдра выходила из воды. Ела, наверно, пойманную рыбу. Потом каталась с горки, резвилась...

Посреди речки громоздилось что-то черное, железное, чуть прибитое снегом. Подойдя ближе, Вова признал обыкновенный трактор. Их в поселке теперь больше, чем охотничьих собак. С утренней зари и до вечерней гудят они по улицам рабочего поселка. А этот провалился. И железным чудовищем застыл среди белой глади речки.

Когда-то здесь охотился дедушка, папин папа. На обрывистом берегу, где песок и галька, стояли его ловушки на глухарей. И папа, когда был маленьким, не раз охотился здесь. Не один, а со своей мамой. Она тоже была охотницей. Вот какая интересная бабушка у Вовы. И все же папа не стал охотником. Его увлекли своей работой люди из экспедиции да мечта открыть тайну Золотой бабы. Вот как это было.

...Все дальше и дальше от большой реки уходила экспедиция. Дремучий урман сменялся то болотами с карликовыми сосенками, то озерами с топкими, замшелыми берегами, то узкими таежными речками, одетыми в пышную зелень кедров и елей. На песчаных отмелях оставлял свои следы хозяин тайги — медведь, с густых еловых ветвей нередко прыгивала рысь, а в осеннем мареве болот каменными изваяниями стояли лоси. По душе все это было Сереже. Но грустно было сознавать, что он уже не школьник. Ребята помладше сидят в это время за партой, слушают учителей, живут в своем привычном книжном мире. Только робкая надежда открыть вековую тайну окрыляла его. О Золотой бабе Сережа узнал из местной газеты. Вырезки из газет он захватил с собой и в минуты отдыха, устроившись на мшистом пеньке или только что срубленном дереве, перечитывал их.

...Первые сведения о Золотой бабе, из Новгородской летописи, относятся к четырнадцатому веку. О Золотой бабе уже тогда писали книги, и место ее пребывания заносили на карты молодого Московского государства. Золотой бабой интересовались и западные страны — Польша и Литва, Франция, Англия и Священная Римская империя. Некоторые историки даже утверждали, что статуя Золотой бабы вывезена из Рима в четыреста

десятом году, после захвата его племенами варваров, в числе которых были и угры — предки современных манси и хантов.

Летописи рассказывают о неистовом Стефане Пермском, который жил «посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, камню и Золотой бабе, волхвам и дровьям». Без устали рыскал Стефан по болотам и ельникам, отыскивая идолов. Они стояли на холмах, покрытые белой тканью. Некоторые держали в руках серебряные чаши. И на земле перед ними тоже стояли серебряные сосуды, наполненные дождевой водой. Неведомые письмена и узоры испещряли их.

С болота полз белый туман. Ухала сова. Стефан, не ведавший страха, набрасывался на идолов с секирой в руках. Неистово рубил им руки, ноги, бешено разбрасывал серебряные чаши, в клочья рвал покрывала, швырял изуродованных идолов в огонь.

Стефан проник в самое сердце Великой Перми — в Усть-Вымь. Он посрамил Великого волхва Пама. Но Золотая баба ускользнула от него. Ее берегли.

Софийская летопись извещает, что Стефан Пермский скончался в 1396 году...

...Стефан Пермский... Пермь... А может быть, за Уралом, на Каме в самом деле жили когда-то угры? Сережа слышал, что с Вишеры приезжают иногда манси. Вишера — по-мансийски — Пашар-я. В переводе на русский — Рябиновая река. И Печора тоже Пашар-я. Неужели и на Печоре когда-то жили манси, раз дали ей имя?

Кто такой волхв Пам? Такой же великий шаман, какие были у манси совсем недавно? О них Сережа не раз слышал от стариков. А в «святом урочище» он был сам. Еще мальчишкой. Старики ходили туда, когда белки совсем не стало. Принесли жертвы духу тайги и молили его вернуть в мансийскую тайгу зверя, без которого оскудела охотничья тропа. Урочище было недалеко от деревни. На острове среди обыкновенных деревьев могучим великаном возвышался кедр. Ему-то и поклонялись. Старики и теперь отвешивают поклон и огню и воде, камню и дереву. И о Сорни-най — так по-мансийски называют Золотую бабу — нет-нет да и обмолвятся. Все было так, как описано в летописи. Может, и на самом деле права газета, что Золотая баба постепенно «двигалась» с Урала в глухие дебри северной Сибири?

...«Праздничный колокольный звон плыл над весенней Москвой в 1500 году. Возвращалась с победой рать после похода на Югру. Дружины Семена Курбского дошли до Печоры. Здесь,

на севере, был основан один из оплотов русского владычества — Пустозерский острог. Затем дружины двинулись на восток, к Полярному Уралу. Русские стяги преодолели снега и ущелья. Перед ними распахнулась Азия. Отныне Иван Третий именовался и князем Югорским, Обдорским и Кондийским. Воины видели Золотую бабу — великолепную богиню Югры.

Но захватить ее не удалось. Завернув ее в шкуры и привязав к нартам, в которые впряжены были лучшие олени, шаманы ударились в отчаянное бегство. Постепенно богиню увозили все дальше в дебри северной Сибири. В Кракове Матвей Меховский, королевский медик и звездочет, восторженно слушал рассказы о Золотой бабе. Он записал их в книгу и преподнес ее императору Максимилиану...»

«Вот бы прочитать книгу, которую написал неведомый Матвей Меховский! — мечтал Сережа, перелистывая чуть пожелтевшие уже вырезки. — В ней-то, наверно, побольше интересного, чем в этих скучных газетных строках. И какая страсть влекла королевского звездочета к загадочной богине? Вечная алчность людей к золоту или жажда открывать неведомое?»

Необычный интерес людей, живших давным-давно, к вековой тайне его родной сумрачной земли обострил внимание Сережи к окружающему миру. Он присматривался к деревьям и камням со странными очертаниями, всюду ему мерещилась та загадочная богиня.

Работал он в верховье безымянной речки. Речка вытекала из ржавого и топкого болота. Посреди болота зеленела роща. Над зеленым венцом ее золотились лучи заходящего солнца. Вечерний ветерок приносил с островка какие-то странные звуки. Они были не похожи ни на лепет листьев, ни на шум хвои. Когда ветерок усиливался, звуки становились громче. Тогда они напоминали звон колокольчика на шее оленя-вожака. Но стоило ветерку замереть — замирали и звуки.

Таинственные звуки, необычный вид островка среди непроходимого болота... Да, именно в таком месте могли укрывать Золотую бабу от постороннего взгляда.

На другой день работа никак не клеилась. Сергей был рубщиком. И визирка, которую он вырубал, не шла дальше. Душа его была уже там, на островке. Но как туда добраться? Пробовал, да чуть не утонул. Хорошо, что рядом оказалась кочка. Присмотревшись, он заметил, что к островку тянется целая цепочка таких кочек. Но пройти по ним все равно невозможно. Они далеко друг от друга.

Островок так бы и скрыл свою тайну, если бы не лыжи. Сережа нашел их во мху под ветвями поваленной бурей ели. Лыжи были ши-

рокие-широкие, не похожие на обыкновенные охотничьи. Нетрудно было догадаться, для чего они предназначались. Теперь уж Сережа был вполне уверен, что перед ним настоящее «святое место». «Но здесь ли капище Золотой бабы? А может, это обыкновенное «священное урочище», каких немало на севере? И зачем ему, манси, покушаться на святая святых предков?» — засомневался Сережа.

Впервые у него было такое чувство. Может быть, потому, что раньше все было теоретически. А теперь это рядом. Стоит только пройти — и там Сорни-най, та самая Золотая баба.

— Что ты делаешь? — раздался вдруг голос, когда Сережа вытаскивал из-под сухих ветвей и мха вторую лыжину.

Он вздрогнул. Чуть даже присел. Это было так неожиданно. Перед ним стоял Ермолаич. Тоже рубщик.

— Вон там... Золотая баба! — пролепетал Сергей, точно испуганный ребенок, показывая в сторону островка.

— Золотая баба? Та самая, что в газете? А не врешь?! — не то шутя, не то всерьез, строго глядя в глаза, попытался Ермолаич.

— Может быть... Точно не знаю... Наверно, святое место...

— А ну, давай лыжи!

Сергей еще не видел Ермолаича таким. Глаза его заблестели. И весь он как-то преобразился. Визирку рубил не так, всегда казался усталым и вялым. А сейчас будто подменили.

— Чего ты как тетеря? Становись и ты! — приказал Ермолаич, указывая на другие лыжи, кончики которых торчали из-под сушняка.

Хотя лыжи были широкими, но под грузным Ермолаичем они вязли. Он еле вытаскивал их из шипящей топи. Сергей пошел по цепочке кочек. Здесь почва была менее зыбкой. Его примеру последовал и Ермолаич.

Когда добрались до островка, Ермолаич приказал держаться сзади. Сам он шел осторожно, приглядываясь и прислушиваясь. В шелесте листьев и хвои иногда что-то словно позванивало. А ведь и в легенде говорилось, что Золотая баба то кричит как дитя, то звенит колокольчиком, предупреждая, что она здесь, и к ней, священной, не следует подходить. Сереже то было жарко, то бросало в дрожь. Ноги слабли. Он спотыкался на каждом шагу. Его охватил какой-то неведомый страх.

И все же он шел вперед по еле приметной тропинке, петлявшей между деревьев. Рядом с ней зияли глубокие ямы, заросшие зеленым ельником, травой, мхами. Из ям торчали колья, какие-то острые железяки, даже ножи на древках, покрытые кое-где мхом.

— Осторожно! Самострелы! — предупредил Сережа Ермолаича, который почему-то ускорила шаги.

Про самострелы Сереже рассказывал дед Илья-Аки. Они бывают только на самых боль-

ших «святых местах», где самые большие боги манси.

— Какие еще самострелы?! — буркнул Ермолаич.

— Обыкновенные. Лук, стрела с кованым наконечником. Даже медведи, лоси от них падают.

— Да?! — удивился Ермолаич, озираясь вокруг.

— Может, самострелы еще не сгнили. Тетива из лосиных жил. Просмоленная тетива...

— Дикость!

— Может, вернемся? — вырвалось вдруг у Сережи, который теперь почему-то пожалел, что сказал Ермолаичу и про «святое место», и про Золотую бабу.

— Э-эй! — протянул Ермолаич, обернувшись к нему. — Трусись? Не выйдет!

Он приказал вооружиться палкой и «прощупывать дорогу».

Сережа нашел длинный шест, стал бить по каждой ветке, тянувшей колючие лапы к тропинке.

Если поставлен самострел, то тронешь ветку — и зазвенит тетива лука, полетит оперенная стрела. Но не зазвенела тетива, не полетела стрела. Не «ожили» и колья в темных ямах. Лишь слетали с древка поржавевшие ножи. До кольев дотронешься — и они валятся. Истлела, видно, и тетива луков. Все же Сережа шел осторожно, как и Ермолаич.

Тайга была тайгой. На каждом шагу она могла таить неведомую опасность.

Тропинка, по которой пробирались Сережа и Ермолаичем, из-под темных ветвей вывела к светлой полянке. Посреди поляны «упиралась в небо лиственница». Так говорят про высокое дерево в сказках. Эта лиственница действительно казалась сказочной. Сережа такого дерева еще не видывал. Толстое-претолстое. Втроем еле обхватишь. На ветвях, похожих на корявые руки великана, висели и рога оленей, и черепа лошадей, и какие-то чаши, и стрелы с поржавевшими железными наконечниками, истлевшие лоскутья каких-то шкур, тряпочек. На одной из веток под дуновением ветерка позванивал колокольчик. У корней валялись котлы, поржавевшие ведра, причудливые изделия из рогов, старинные бутылки, каких Сережа и не видывал. На вершине чернело гнездо какой-то большой птицы. Вернее всего, орлиное. Орел — птица священная. И дерево, на котором он вьет гнездо, тоже священо. На стволе такого дерева вытесаны топором не случайные узоры, а «священные знаки жизни». О жизни волшебной и обыкновенной говорят эти узоры. Они напоминают знаки, которые Сережа видел на «говорящих дощечках» старого Илья-Аки. Старик пытался научить его читать эти знаки, а Сережа тогда посмеялся над ним.

Теперь вот, разглядывая почерневшие от времени зарубки, он пытался что-нибудь

вспомнить и угадать значение узоров. Один из них оказался очень знакомым. Грубо вырубленные линии напоминали «лягушку» — собственный знак Илья-Аки. У него он был отлит из меди. Старик часто рисовал его на своих вещах и просто на дереве. Его род произошел от лягушки. Смешно было представить, что и он, Сережа, имеет отношение к лягушачьему роду: ведь мама была двоюродной сестрой Илья-Аки.

Ниже был знак, похожий на щучью челюсть. Чуть правее узоры напоминали то ли соболя, то ли еще какого-то таежного зверька. «Летели» по стволу и крылатые рога лося. И маленький тетерев «сидел», склонив набок голову. Но больше всего было на лиственнице узоров медвежьих лап. Такая пятипалая лапа вырезана и на прикладе ружья, которое осталось Сереже от отца. Были здесь и другие, совсем непонятные узоры. Может быть, это подписи людей, приезжавших сюда из других краев? Неужели это на самом деле «главное священное урочище»?

— Ну! Где твоя Золотая баба? — пробурчал Ермолаич.

— Вот. Дерево. Святое, — растерянно пролепетал Сережа, оглядев поляну: не было на ней даже крошечной избушки на столбе, где обычно хранятся идолы, шкурки, одежда шамана.

— Сам ты святой!

Нагнувшись к дуплу, Ермолаич вдруг как-то весь переменялся. Он стал торопливо что-то вытаскивать. Подойдя ближе, Сережа увидел, как Ермолаич из кучи трухи выбирает монеты, кольца, серьги, бусы.

Вспомнилось Сергею, как он сам бросал монеты в такое же дупло. Делал так, как Илья-Аки наставлял. Тогда Сережа его слушался: еще не было у него школьных учителей. Это было в году, когда тайга потеряла беличий след. Старики сказали, что надо идти к колдовскому дереву и принести жертвы лесным духам. Рядом с деревней было «святое место». Под колдовским деревом закололи петуха. Взамен жертвы попросили белок и соболей. В дупло бросали монеты, кольца. Сергей сам все это видел.

«Может, и это такое же обыкновенное «святое место»? Наверно, суеверные люди просто поклонялись этому дереву, на вершине которого большая птица свила большое гнездо. А большая птица орел вьет гнездо лишь там, где тайга полна красных и черных зверей. А лес, где много красных и черных зверей, священный, заповедный. В таком лесу бить зверя и птицу можно лишь в год плохой охоты, а в обычное время нельзя сломать даже веточку. В таком лесу ножи должны дремать в своих ножнах, а топоры — за поясом. Если здесь и летит стрела, то лишь в ствол самого высокого дерева как знак его священности.

Золотой бабы не было. Было просто высокое колдовское дерево. На стволе этой гигантской лиственницы торчали стрелы. Звенели монеты. Ермолаич улыбался. Эта улыбка показала Сереже злой. Ему было больно. Он тогда не знал еще, что Ермолаич все кольца, бусы и монеты сдаст в музей.

Лишь потом Сережа понял, что тайна Золотой бабы — не главная загадка жизни. Тайн и рядом много. Главная из них — человек. Его не так-то легко разгадать. Понять человека — значит открыть самую великую тайну. Много дорог исходил потом Сергей в поисках Золотой бабы. Не нашел ее, как многие другие. Зато встречался с разными людьми, открыл их для себя.

Это ли не главное открытие?..

А тогда... Восемнадцать лет назад...

Только Сергей вернулся из тайги, не успев даже сбросить свое экспедиционное обмундирование, как на пороге появился Илья-Аки.

— А, вернулся странник! Сколько вод, земля смирил? — заговорил он словами традиционного мансийского приветствия.

Старик тряс его руку, похлопывал по плечу, задавал какие-то пустячные вопросы. Но по его возбужденному взгляду Сергей чувствовал, что старик не только с этими словами пришел. И правда.

— Слышишь, внучек, сказка-то сбылась, — старик хитровато подмигнул. — В Березово она! Там ведь когда-то было наше самое древнее священное урочище. Около трех колдовских лиственниц, выросших из одного корня, стояла кумирня. В соболям и куньем счастье восседала золотая Сорни-най. С великих и малых речек текли к ней дары, со всех концов света шли сюда с молитвами...

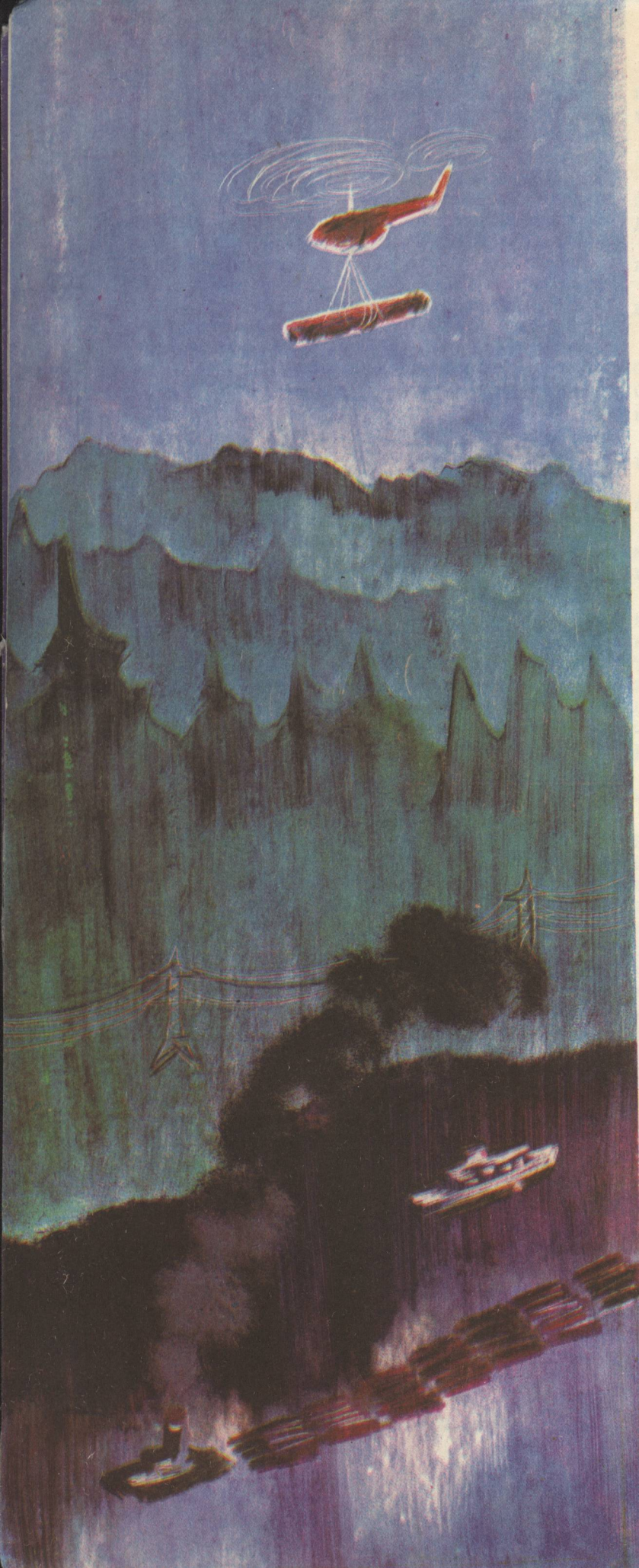
Не торопясь старик достал из кармана трубку удивительно уродливой формы. Из кисета, расшитого обычным мансийским орнаментом, положил махорки. Так же медленно закурил.

— Ты на меня не смотри так! Илья-Аки с ума еще не сошел. Вещие слова говорит Илья-Аки.

Как ошалелый влетел в избу Венька Мартынов — топограф из экспедиции.

— В Березово газ! Фонтанирует! Открытие! Понимаешь, открытие! — закричал он. — Поехали! Сейчас пароход подойдет...

В тот же день Сергей и Венька прибыли в Березово. Там действительно творилось что-то невообразимое. Еще километров за пятнадцать до пристани загудела палуба, на которую высыпали пассажиры. А гладь реки, где золотым бубном сияло осеннее солнце, словно дрожала. С каждым поворотом реки шум рос. Не слышно стало ни шипенья лопастей, ни гудения машинного отделения. А когда в лу-

чах вечернего солнца засверкали окна поселка, раскинувшегося на четырех холмах, загремело, кажется, и небо. Грохот стоял над Березовом.

Но это был не небесный гром, а крик земли. За каменной школой, на краю поселка, там, где стояла буровая вышка, ревела земля.

Венька Мартынов кидал в небо свою форменную фуражку и что-то кричал, как мальчишка. Голоса было не слышно. Но глаза его сияли от радости. А чему бы радоваться? Грохоту земли, гари и копоти, горячему дождю, летевшему сверху?

Верхушки кедров и сосен почернели, будто съжились. Огромными изломанными макаронами валялись трубы. На подступах к скважине копошились люди. Они пытались усмирить, закрыть скважину. Отскакивали, как ужаленные, но снова и снова приближались к ней. Сверху лил горячий дождь с песком. Окна домов стали белыми, будто просоленными. Пахло «мертвым духом». Это-то и был газ.

Говорят, ночью, когда вдруг рывкнула, взревела земля и стальные трубы ракетой рванулись в небо, люди выбегали из домов, в испуге спрашивая друг друга, не перевертывается ли земля.

Говорят, все бежали к реке, чтобы переправиться на другой берег. И мало кто мог предположить, что он стал свидетелем «открытия века» — как потом назовут тюменскую нефть и газ.

Похрустывал снег. Папа говорил. Вова слушал. Он учился уже в шестом классе, а учительница почему-то об этом еще не рассказывала. И в учебнике истории ни слова нет. Даже в рассказах о далеком прошлом нашей Родины.

Вова любил историю. Эта легенда разожгла его воображение. Ему казалось, что деревья расступаются перед ним, заманивая его в волшебный мир. Но вдруг залаяла Музгарка.

— Ав-ав-ав!

— Ав-ав-ав! — повторило большое дерево.

— Ав-ав-ав! — разносило лай эхо.

Вова побежал на этот страстный зов, не чувствуя под собой ног, не слыша больше поскрипывания снега. И папа поспешил в ту же сторону, сняв с плеча ружье. Наверно, подумал, что лайка нашла соболя...

— Ав-ав-ав!

Голос лайки звенел то звонкой струной, то вдруг что-то в нем обрывалось. Будто слезы застревали в горле ее. Не слезы ли утерянного собачьего призванья?

А может, это слезы счастья от прикосновения к своему привычному делу? Музгарка кричала, визжала, пела, плакала, звала. Она была в своей собачьей стихии.

Когда охотники подошли, она бросилась к ногам хозяина, заскулила, растянувшись перед ним, повела счастливыми собачьими глазами — и с лаем полетела к кедру. Она прыгала вокруг могучего дерева, кусала ствол, царапала кору.

А с зеленой ветки глядели черные глазки. Они удивленно смотрели вниз. Наверно, не совсем понимали: почему такое большое существо шумит? Вова и на себе ощутил изучающий взгляд острых глаз бурундука. Этого зверька Вова уже знал.

Папа опустил ружье. Лишь Музгарка продолжала лаять, умоляя охотников стрелять, бить.

Пришлось ей растолковывать, что бурундук не главный зверь.

Папа говорил с собакой, как с человеком. Объяснял ей, что так рычать, так убиваться — просто расточительство. Не за бурундуком пришли они в тайгу. Музгарка хотя и была собакой, но что-то, видно, поняла, успокоилась. И когда под ногами охотников снова захрустел схваченный морозцем снег, она последовала за ними. А потом рванулась вперед, рассыпая с веток белую радугу, обнюхивая каждый след на белом, как лебяжий пух, снегу.

Вершина лиственницы вдруг ожила, взмахнула крыльями большая птица, царь таежно-го неба — глухарь. Он парил спокойно и величаво, распластав черные крылья.

Где-то недалеко залаяла Музгарка. Вдруг загудело, загремело небо. Появилась другая птица, громадная, железная. От грохота ее дрожала даже промерзлая земля. По золоченому зимнему небу плыл могучий вертолет «Ми-6». Вова сразу его узнал. Он возит трубы для строящегося газопровода «Надым—Пунга». И сейчас в его железных когтях чернела труба.

Раньше газопровод строили здесь — рядом с Игримом. А сейчас строители ушли дальше, в сторону Надымской тундры. Там, говорят, такие запасы газа, что во всем мире нигде подобных не отыщешь. По трубам газ пойдет на Урал, а потом и дальше, в Европу, в социалистические страны. Папа работает на газопромысле. Поэтому Вова все знает. Даже про нефть на Самотлоре, в Сургуте, Урае. Там то-

же стройка. Настоящие города. Железная дорога. Нефтепроводы. Там тоже летают вертолеты и самолеты...

Просека вывела охотников в гарь. Лес жил своей обычной жизнью.

Звенело дерево — то стучал дятел-работяга. Здесь его дом, исполненный по всем правилам плотницкого ремесла. Дятел строит жилища и для других. В морозы лютые ему благодарны и белка-летяга, и мелкие птички-пташки, нашедшие приют в удобном и теплом дупле...

Взвихрился снег здесь, ожил снег там. На черных крыльях полетел снег. В черные крылья превратился белый снег. А что еще тает под этим сверкающим снегом?

Только тишина и смерть?

Нет! Вот норка горностаю. Чуть подальше вторая, третья... Это выходы горностаю на белый свет. Они как станции метрополитена. А там, внизу, целый лабиринт ходов, целый подснежный город. Если даже мороз трескучий ходит, если метель гуляет, горностаю не страшно: тепло в снежном жилище, просторно — сколько хочешь бегай, мышей лови, пока лисица не цапнет...

Лиса любит порезвиться в гари. Здесь она охотится не только за мышами и горностаями, но и куропатки и рябчики оказываются в ее ловких лапах, несмотря на то, что у них есть крылья. Вот что верно, то верно: не всякий летающий истинно крылат.

Снег разрисован узорами птичьих и звериных следов. Вот прошла куница. Зайцы натропили тропы. Не разберешь, откуда пришли, куда ушли и под каким кустиком замерли, свернувшись в калачики белые. Волк вездесущий здесь шлялся. Его большие следы как раны на снегу. Соболь из кедрового урмана зачем-то сюда заглядывал. Может, полакомиться живой, свежей кровью. Ведь в урмане нет столько зверья.

А весной здесь жизнь кипит, шум и гам, песни и пляски. На широких полянах, между пнями и трухлявыми колодами, глухари играют. А глухарки вертят хвостами, распутив их роскошным веером...

К веселым опушкам, звонким ручейкам слетаются рябчики. И тетерева справляют шумные свадьбы... Для птичьего мира и зверья нет привольнее места, чем таежная гарь!

Может, не зря здесь прошелся когда-то огонь, превратив темную и дремучую чащу в светлую гарь, где закипела новая жизнь?!

10-е БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

„Костра“

На юге Европейской части Российской Федерации, там, где поднимаются к небу Кавказские хребты, расположены четыре автономные Советские Социалистические республики. По этим республикам — Дагестану, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии — и начинается 10-е Большое Юбилейное Путешествие „Костра“.

Оно проходит накануне празднования пятидесятилетия Союза Советских Социалистических республик и этой славной годовщине посвящается.

В.И. Ленину
от горцев
Куртатинского ущелья

установлен 1924 г

В 1924 году в Куртатинском ущелье
был установлен первый на Кавказе
памятник основателю
Советского государства
Владимиру Ильичу
ЛЕНИНУ

Маленькое предисловие к Десятому Большому Путешествию „Костра“.

Случилось так, что наш лучший друг, КОСтя ТЕРнин, который очень хотел путешествовать с нами, поехать не смог: экзамены были на носу. И вот, чтобы КОСтя не скучал в далеком Ленинграде, и было решено — писать ему с дороги...

Письмо первое

Дорогой КОСтя, здравствуй!
Долетели мы хорошо. В шесть часов утра сверкнул под нами плоский, как персидский серебряный поднос, Каспий с мелкой чеканкой волн, самолет лег на крыло и скользнул к аэродрому.

И когда мы вышли из самолета, каждая заклепочка которого потрескивала от усталости и напряжения, с гор потянуло запахом трав и ласковым теплом. И это уже был ветер Дагестана.

Потом мы поехали на машине по шоссе. Слева был Каспий, справа — далекие голубые горы. А потом мы заблудились. Наш шофер, загорелый даргинец Магомед, и наша проводница из Обкома ВЛКСМ, кумычка Рукият, спорили, как проехать в аул Кубачи, куда и был наш путь. Рукият считала, что мы проехали нужный поворот, а Магомед, напротив, что не доехали... Тут неподалеку остановился грузовичок с пионерами, которые приехали чистить виноградники — вырубать старые сухие лозы и убирать мусор между рядами. Пионеров было пятеро, и они объяснили, что нужный поворот — неподалеку, всего три километра назад по дороге, и это будет самый короткий путь на Кубачи...

— Что скажут наши гости! — всплескивала руками Рукият. — Они скажут, что мы собственных гор не знаем...

Наконец мы нашли поворот и свернули прямо к горам.

Письмо это я тебе пишу из аула Уркарах, отсюда уже Кубачи видно, на соседней горе прилепились, рассыпались сотней саклей...

Ну, до свидания! Бегу опускать письмо в почтовый ящик.

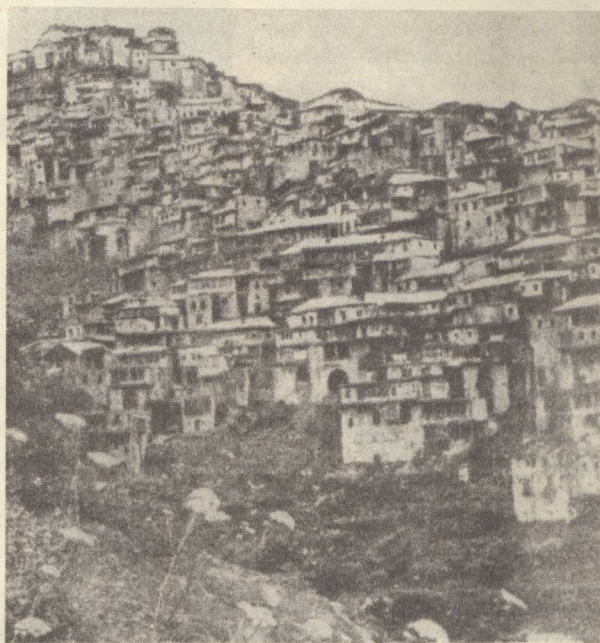
Художник нарисовал всех нас вот так.
Не скучай. Твой Командор.

И ВДРУГ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА

(смотри дневник Бородача на стр. 17)

КУБАЧИ — ДАГЕСТАНСКИЙ АУЛ

Высоко в горах аул Кубачи — родина искусных золотокузнецов, легендарных кольчужников — зерихгеранов, талантливых резчиков по камню и дереву.

Проходишь тесными улочками Кубачей и невольно задумываешься: чьи это терпеливые руки выстроили аул? Здесь, кажется, стоят не отдельные каменные дома — сакли, а один огромный многоэтажный дом со множеством входов и выходов, коридоров и тропок в гору и под гору. Иной раз и не понять, что это — стена дома или скала? Стены здесь как бы продолжение скал.

Словно стрекотание кузнечиков разносится по всему аулу — удары молоточков по серебру. Это трудятся чеканщики, которыми испокон веков славятся Кубачи.

Одна из улочек приводит нас в дом Расула Алиханова. Одна комната этого дома напоминает музей. На полках и стенах огромные серебряные декоративные блюда, медные тазы, свадебные котлы с крышками, и каждый предмет — произведение искусства. И всюду всевозможные металлические кувшины и кувшинчики, те, что переходят по наследству из поколения в поколение.

Хозяин дома, так же как и его отец, — талантливый мастер чеканки. Но искусство отца

(Продолжение см. на стр. 16)

Рассказывает МАГОМЕД АЛИЕВ, секретарь Областного комитета ВЛКСМ Дагестана

— Счастливого пути по Дагестану! Вы поедете в горы и увидите строительство Чиркейской ГЭС, подниметесь в знаменитый аул Кубачи, побываете на берегу Каспийского моря, в молодом порту Каспийске, в крупнейших совхозах и колхозах республики — например, в совхозе имени Алиева, — познакомитесь с писателями и художниками Дагестана. Уверен, вы полюбите Дагестан! И еще не раз вернетесь сюда в будущем...

Иной раз говорят, что наш Дагестан — СССР в миниатюре. А ведь и правда, — на территории Дагестана живут люди более тридцати национально-

стей. В некоторых аулах в одной школе учатся и даргинцы, и лакцы, и кумыки, и аварцы, лезгины и кубачинцы.

Мне кажется, что самые дружные, самые трудолюбивые пионеры — у нас в Республике.

...В Чантаульской средней школе пионеры проводят тиму-

ровские сборы. Они назвали их — «Бабушки и дедушки, мы готовы помогать вам!» Председатели советов отрядов получают накануне сборов пакеты с заданиями. А как эти задания выполняются — докладывают совету дружины сами бабушки и дедушки...

Знаменита на весь Дагестан Кулинская средняя школа, пионерская дружина которой всегда помогает совхозу имени Гаруна Саидова. В совхозе работают бывшие ученики школы. Это крупнейшее овцеводческое хозяйство края.

Весна — напряженное время года. Весной начинается отгон скота на летние пастбища. Тут даже помощь школьников необходима: каждый человек на вес золота. Пионеры на хорошем счету в совхозе. Честь и хвала им!

Эту картинку художник нарисовал, когда мы были на строительстве ЧиркейГЭС.

Чиркей — одна из ключевых, самых значительных строек страны, родной брат Токтогула и Нурека. Киргизия, Таджикистан, Дагестан, — и там и здесь великанские горы, глубокие ущелья-каньоны и бурные реки, которые нужно обуздать.

Шевелятся стрелы подъемных кранов, растет плотина, по отвесным склонам взбираются скалолазы.

В летописи комсомольской организации Чиркейстроя записано: «Бригада Магомеда Магомедова была создана еще в начале строительства ГЭС.

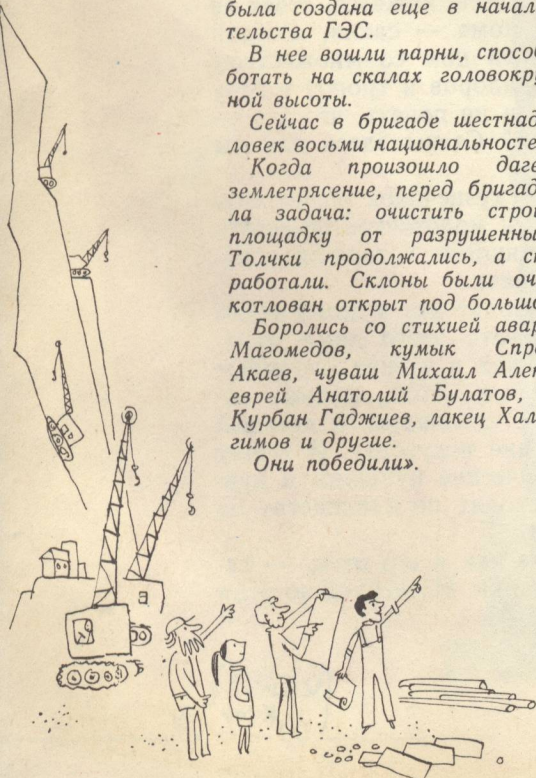
В нее вошли парни, способные работать на скалах головокружительной высоты.

Сейчас в бригаде шестнадцать человек восьми национальностей.

Когда произошло дагестанское землетрясение, перед бригадой встала задача: очистить строительную площадку от разрушенных скал. Толчки продолжались, а скалолазы работали. Склоны были очищены и котлован открыт под большой бетон.

Боролась со стихией аварец Абас Магомедов, кумык Спражуждин Акаев, чуваш Михаил Александров, еврей Анатолий Булатов, даргинец Курбан Гаджиев, лакец Халил Ибрагимов и другие.

Они победили».

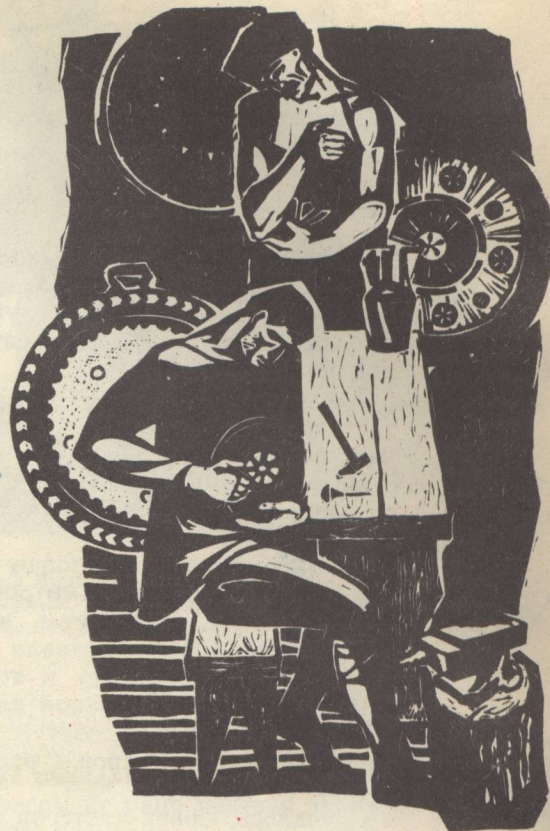
ляли себе рослым, широкоплечим, крепким...

Шел мимо арыка пятиклассник Алигасан Эльдерханов из совхоза имени Алиева, нес в ремонт ботинки. Вдруг услышал детский плач. Двое ребят-дошкольников катили в коляске своих братьев-близнецов. На склоне ребята коляску не удержали, она скатилась в арык. Старшие бросились спасать младших. В арыке воды взрослому по грудь, а никто из детей плавать не умеет.

Алигасан вытащил малышей из воды и пошел в мастерскую. О том, что случилось дорогой, никому рассказывать не стал. Но в школу прибежал отец спасенных ребятшек. Благодарил Алигасана и плакал от счастья.

Мы попросили познакомить нас с Алигасаном. Пришел маленький хрупкий мальчик — мужественный сильный человек.

Каким вы можете представить себе человека, который спас четверых детей, тонувших в реке? Мы представ-

«Медники». Гравюра дагестанских художников, братьев Гусейна и Гасана Сунгуровых.

«Девочка с джейранчиком». Эта скульптура дагестанского скульптора Анатолия Ягудаева установлена в казахском городе Шевченко.

Второе письмо

Дорогой КОСтя!

После поездки в Кубачи я плохо спал. Все мне казалось, что мы валимся в пропасть. Представь, КОСтя, ущелье в 'полкилометра' глубиной, а внизу — речка и долина, по которой овцы — с высоты не больше козявок — ползают. А дорога выше забирает, к белым снегам. По скалам кое-где ручьи сочатся... Ущелье то сжимается так, что все звуки гулко отдаются и эхом раскатываются и делается тревожно в полутьме высоченных стен, то ущелье раздается широко и выпустит на солнечный простор ревущую мотором машину.

И смотришь на все это и про опасную дорогу забываешь.

Кстати, ты обратил внимание на то, как в прошлом письме нас всех очень верно изобразил наш Художник?

А вот с тем, как каждому в путешествии называться, было много споров. Ну, КОМАНДОР ясно — самый главный. Журналиста Феликса Нафтутьева тоже назвали быстро, раз борода, значит — БОРОДАЧ. Художник Михаил Беломлинский стал ХУДОЖНИКОМ, а фотограф Юлий Колтун, хотя и утверждал, что фотографирует как истинный художник, стал ФОТОГРАФОМ. А вот как быть с нашими журналистками Галиной Георге и Лидией Пожидаевой? Назвать их: „ЖУРНАЛИСТКА № 1“ и „ЖУРНАЛИСТКА № 2“? Нехорошо... Долго мы думали и спорили и решили называть их в путешествии просто ГАЛЯ и ЛИДА...

Твой КОМАНДОР

КУБАЧИ — ДАГЕСТАНСКИЙ АУЛ

Окончание. Начало см. на стр. 13

было знакомо только в родном ауле, а об искусстве сына знают далеко за пределами Дагестана. Расул Алиханов заслуженный деятель искусства республики, лауреат государственной премии имени Репина.

Так же, как и некогда отец, Алиханов работает дома. Но основная его работа на кубачинском художественном комбинате.

Наш гостеприимный хозяин охотно рассказывает о нравах и обычаях старых кубачинских мастеров.

Старые мастера, по словам Алиханова, бывали неразговорчивы. Смотреть — смотри, а слов не трать. И секретов выдавать не любили. Главное же — похвала односельчан.

Покажи работу другу и терпеливо выслушай его мнение. Это закон для каждого. И с младшим за работой советуйся, говорят в Кубачах. А возникает спор — рассудит Совет мастеров.

Случалось, Совет мастеров находил нужным испытать работу двух чеканщиков, и тогда оба получали одно и то же задание.

Мнение мастера уважал каждый кубачинец. Бывало, войдет чеканщик в мастерскую приятеля, поглядит на его ювелирную работу, выждет, пока тот глаза на него поднимет, и спросит: сколько же тебе заказчик заплатит? И услышит в ответ: оплата — что, а вот порицания своих не заслужить бы.

Показал нам Расул кубок тончайшей чеканки и рассказал такую историю. В Кубачах считали, что это работа самых талантливых персидских мастеров. Но вот Алиханов привез кубок в Эрмитаж, и там академик И. А. Орбели признал в нем кубачинскую чеканку.

Потомки старинных умельцев работают ныне на комбинате. Среди них много молодежи — юношей, окончивших восемь классов. Они продолжают учиться и работают в цехах под началом мастеров.

Художник провел нас на древнее кладбище. Здесь, вспоминает он, впервые обратил внимание на орнаменты из листьев. Здесь и листья яблонь, и виноградные листья с закругленными концами, завитки, напоминающие желуди. Современные мастера ценят старинные узоры за их удивительное разнообразие и тонкость исполнения деталей.

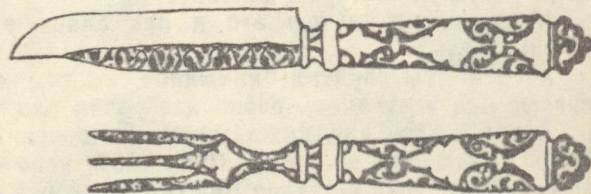
В одном дагестанском краеведческом музее мы видели дагестанскую резьбу по камню. Обломки больших отесанных камней — части кубачинских построек — мечети, крепости, сакли XII—XIII веков.

Мы тоже ездили в Кубачи

Эта девочка учится в школе имени профессора Алиева. Искусством чеканки школьники овладевают уже в младших классах

Орнамент для украшения вилки и ножа выполнен семиклассником Абдулгамидом Гусейновым

...Двести с лишним километров дороги, петляющей среди скал, в сторону от столицы республики. Не раз наш выносливый «газик» спотыкался, выбивался из сил. Узнаем, что по этой дороге уже дважды ездили к своим кубачинским друзьям пионеры махачкалинской школы № 6. Расстояние им не помеха. Ребят

из аула и ребят из столицы связывают творческие интересы, дружба.

...Кружок любителей искусства в школе № 6 Махачкалы существует уже пятнадцатый год. Основные занятия: рисование и инкрустация по дереву... Искусство национального дагестанского орнамента, о котором нам рассказывал художник Алиханов, интересует и этих городских ребят. Они знают, что резьба по дереву и резьба по камню — не основное занятие кубачинцев. Но в Кубачах принято дарить изделия с резьбой. На деревянных пряхках, хлебных полках, сетках-сушилках для колбас можно увидеть и крупные пышные цветы, и пучки листьев.

Встречается и другой орнамент на деревянных изделиях — он напоминает листья малины, земляники, цветов, растущих на склонах вблизи Кубачей. Некоторые орнаменты подобны «мархараю» (зарослям), узору для гравировки на металле.

Махачкалинская школа № 6 — участник республиканских выставок детского художественного творчества награждена дипломами ВДНХ.

О поездке в Кубачи рассказывают дневники махачкалинских школьников. Рамиз Шихамедов подарил редакции целую тетрадь записей. Тут и рассказ о мастерах из Кубачей, о знакомстве с художником Алихановым. Руководитель кружка прислал фотографии участников поездки.

Запись первая.

«Ура! Наш кружок — почти в полном составе — едет в прославленный аул Кубачи.

Сопроводить нас будет студентка педагогического института Насипли Акаевна...»

Запись вторая.

«Берем с собой не только вещи, нужные в походе, в дороге, но и наши инструменты.

Прощаемся с родителями. Едем!

...В Маджалесе (это пока единственное дорожное приключение) хотели пообедать, но столовая на замке. Когда узнали, откуда мы, предложили открыть специально для нас. Мы, конечно, отказались. Правда, хорошо, что были бутерброды!

Дорога петляет по горам. Когда же долгожданные Кубачи?

Поднимаемся в гору — аул на высоте 1600 метров над уровнем моря. Видим только часть аула. Со всех сторон его окружают горы.

Посмотрели на Кубачи с другой стороны, увидели как на ладони остатки старинной мечети, башен, крепости...»

Запись третья.

«Кубачинская школа нам понравилась. Счастливы! У них малыши первого класса изучают знаменитые кубачинские орнаменты, делают зарисовки под наблюдением мастеров. «Тут-

Художник Расул Алиханов у себя дома. Эту комнату можно назвать музеем. Здесь хранятся работы его одноклассников, его отца, его собственные.

та накыш», «мархарай» — им знакомы с семи лет. В прошлом, когда мастера работали дома, они тоже обучали детей лет с шести-семи. Значит, совсем не рано учиться этому искусству с первого класса!»

Запись четвертая.

«Познакомились с главным художником. Вот это человек! Побывали на комбинате. Целый день провели с шестиклассниками из школы имени профессора Алиева.

Любопытна запись в дневнике Люды Акатовой: кубачинцы очень приветливый и доброжелательный народ. Многие приглашали нас к себе. В интересных беседах прошел первый день нашего пребывания в ауле...»

Ребята узнали, что изделия кубачинских школьников были представлены на зарубежных выставках.

Лидия Пожидаева

ИЗ ДНЕВНИКА БОРОДАЧА:

12 апреля. Сегодня на утренней летучке КОМАНДОР был очень недоволен. «Все наши материалы, — сказал он, — ну, просто никуда не годятся. Нет неожиданности! Все как-то спокойно, плавно. Нет того самого, ЧТО ВДРУГ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА...» Мало ему, видите ли, поворотов... Тогда в пику Командору я предложил каждый материал ставить под рубрику — «И ВДРУГ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА».

РАССКАЗ

Бадави Рамазанов

Рисунок М. Беломлинского

Когда я покинул мельницу, лучи заходящего солнца еще горели на вершинах гор, а внизу, в долинах, уже наступили сумерки и над рекой подымался туман, похожий на дым.

Я брел за ослом, на которого нагрозили мешок муки, и ломал голову, пытаюсь понять напутственные слова мельника: «Мешок не трогай, но и упасть ему не дай». Интересно, как же это можно не дать упасть и в то же время не трогать? А если мешок начнет падать?

Хитро сказано. Недаром говорят: хитрее мельника человека нет! Поди пойми его!

Узенькая каменистая тропинка уже просохла, хотя утром, когда я шел на мельницу, всюду лежал снег. Наверное, потому, что здесь солнечная сторона.

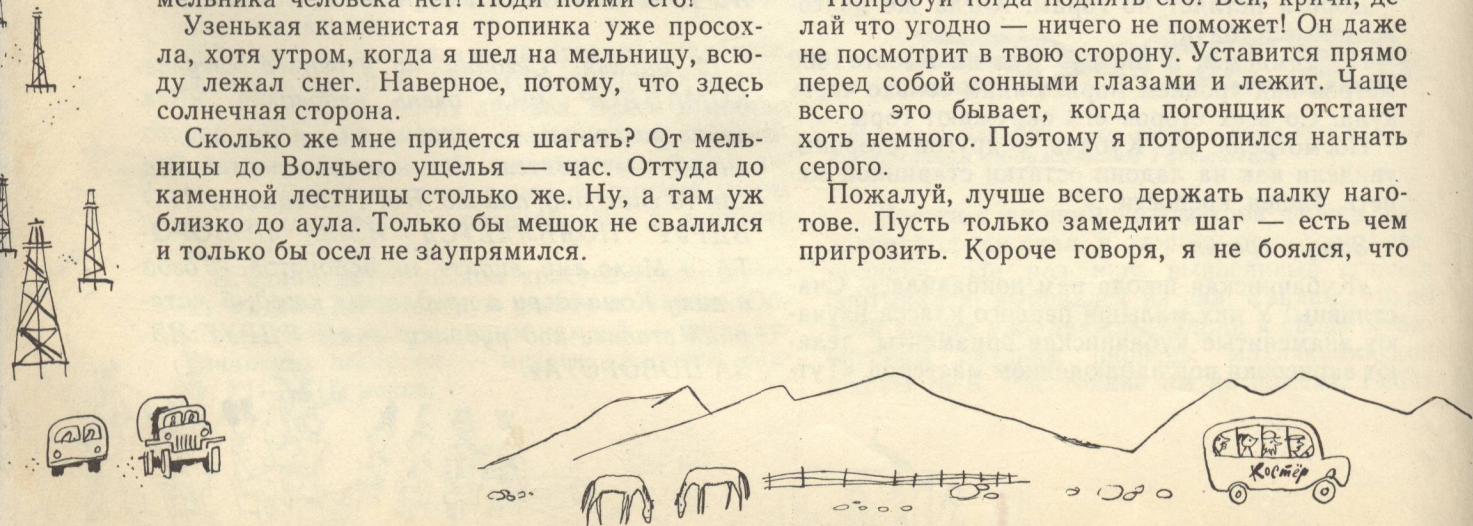
Сколько же мне придется шагать? От мельницы до Волчьего ущелья — час. Оттуда до каменной лестницы столько же. Ну, а там уж близко до аула. Только бы мешок не свалился и только бы осел не заупрямился.

Вдруг что-то вылетело из-под копыт осла. Я увидел на тропинке небольшую железную гайку. Замечательная вещь! У Султана дома были две такие гайки, у меня же ни одной. А для рыбной ловли это вещь незаменимая.

Пока я поднимал гайку и очищал ее от земли, осел ушел вперед, пришлось догонять его. Я хорошо знал нашего осла. Он у нас хороший, сильный, быстрый, не брыкается, но с норовом. Идет будто спокойно, потом вдруг ни с того ни с сего возьмет и ляжет на дороге.

Попробуй тогда поднять его! Бей, кричи, делай что угодно — ничего не поможет! Он даже не посмотрит в твою сторону. Уставится прямо перед собой сонными глазами и лежит. Чаще всего это бывает, когда погонщик отстанет хоть немного. Поэтому я поторопился нагнать серого.

Пожалуй, лучше всего держать палку наготове. Пусть только замедлит шаг — есть чем пригрозить. Короче говоря, я не боялся, что

мешок упадет, мельник привязал его крепко. А вот капризов осла я опасался.

Что может быть хуже, чем застрять на дороге! Зима, людей в это время не встретишь. В горах волки. Говорят, что для волка нет животного милее, чем осел. Лошади, быки, буйволы, даже коровы не дают волкам близко подойти. Осел же кричит: «Иа! Иа!» — и стоит, застыв на месте, как вкопанный, а тем временем волк хватается длинноухого глупца за горло.

Сумерки поднимались все выше и выше и достигли Волчьего ущелья почти одновременно со мной. Еще издали я увидел на развилке дорог машину и людей. Наверное, машина отъехала в кювет и сейчас ее будут подталкивать.

И в самом деле, люди облепили трехтонку, как муравьи кочку. Незнакомый шофер в отслужившей срок армейской гимнастерке громко командовал:

— Раз, два — взяли!

Что же мне было делать — идти мимо и глядеть, как люди надрываются? Я, дескать, посторонний. Я — не я и машина не моя?

И сам не заметил, как очутился я у заднего борта машины, налег плечом на доску, уперся ногами в грунт...

— Эх, пошла! — весело закричали вокруг.

Машина выкатилась на дорогу. Меня хлопало по спине, по плечам и весело говорили:

— Он пришел — сразу вытащили!

— Когда все помогают — и войлочный кол в землю войдет!

— Общий котел и на льду закипит!

А про осла-то я забыл. Оглянулся и вижу: серый преспокойно улегся в сторонке и жуёт травку.

Я подошел к нему, попробовал поднять, но осел не обращал на меня никакого внимания. Мне стали помогать пассажиры: кричали, поносили его, но осел никого не слушался.

Тогда пассажиры с шумом и смехом полезли в кузов. У меня было не очень-то хорошо на душе. Вот они уедут, а я на ночь глядя останусь в глухом ущелье один с этим упрямым. Шофер заметил, что я смотрю на него как-то необычно, и спросил:

— Ты хочешь что-то сказать, мальчик?

Я вытащил из кармана гайку, ту, что нашел на дороге, и протянул водителю:

— Я хотел спросить, может, пригодится на что-нибудь?

— Молодец парены! — похвалил водитель. — Семь восьмых — самая нужная.

Он сел в кабину, рядом устроился какой-то толстяк. Неужели они уедут?

Но шофер посмотрел на меня и сказал:

— А что с мальчиком делать?

Все молчали, а толстяк поинтересовался:

— Вы предлагаете везти осла?

— Как? — спросил я, еле сдерживая слезы.

Но шофер, видя, что я расстроился, весело крикнул:

— Ничего, друг, не горюй! Сейчас мы сдвинем с места твое «Иа-сто один!»

И сразу возле осла оказались все, кто сидел в кузове. Водитель, конечно, тоже. Только толстый человек остался в кабине.

Осел, конечно, не трехтонка, его не сдвинешь с места.

— Хочешь пройти с ослом через мост, тащи его за хвост! — кричал один.

— Не хватай за хвост осла — это не грива коня! — кричал другой.

А третий кричал что-то уже совсем невразумительное.

Осла тащили, толкали, лупили, тянули, сдвигали, подпихивали, уговаривали, грозили, просили, умоляли... Результат был один: серый невозмутимо лежал на земле. Шофер первым вышел из себя. И не удивительно, он-то привык иметь дело с послушными машинами.

— А ну-ка, на руки его, ребята! — закричал он.

Все дружно взяли и положили осла в грузовик.

Так мы и ехали. Осел — на машине, мешок — на осле, мука — в мешке.

Теперь мне нечего было бояться, что мешок упадет.

Получилось, что я выполнил совет хитрого мельника: и мешка не трогал, и упасть ему не дал.

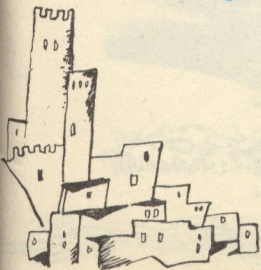
А гайка так и осталась у шофера.

Перевод с лакского

ТЕЛЕГРАММА (СРОЧНАЯ) "СЛУЧИЛОСЬ СОВЕРШЕННО НЕПРЕДВИДЕННОЕ! КУДА-ТО ИСЧЕЗ НАШ КОМАНДОР ! ПОИСКИ ПОКА НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИВЕЛИ... ОПАСАЕМСЯ, ЧТО ПУТЕШЕСТВИЕ СОРВЕТСЯ..."

Из Махачкалы в Ленинград

БОРОДАЧ"

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

Этот номер «Морской газеты» тоже был сделан в путешествии. Вы скажете: «Какое же море в горах?» А посмотрите-ка на карту. На двести километров тянется прибрежная полоса, которой Дагестан выходит к Каспийскому морю. На север взглянешь — порт Махачкала — десятки кораблей. А самому порту двести с лишним лет. Еще Петр Первый положил на берегу камень, отметил место, где быть Форту Петровску (так раньше Махачкала называлась). На юг посмотришь — Дербент, старинный портовый город, да что там старинный, стариннейший; Петербург еще только начинал строиться, а Дербент уже старик был, полторы тысячи лет ему было...

В горах Дагестана вырос герой-подводник Магомед Гаджиев, а в горах Северной Осетии — знаменитый советский адмирал Головкин. В горных аулах ребята рисуют море и корабли. А суда Дагестанского рыбного флота ловят вкусную рыбу для всего Советского Союза. А вы говорите: «Какое море в горах?»

ГЕРОЙ — ПОДВОДНИК

О знаменитом подводнике Герое Советского Союза Магомед Имадутдинович Гаджиев рассказывает капитан-наставник порта Махачкала Алим Махмудович Тарканов.

— Магомед Гаджиев о море мечтал с детства. Росли мы с ним в одном ауле Кумух, высоко в горах. Магомед был старше меня и первым уехал к морю в Махачкалу. Только я с гор до махачкалинского порта до-

брался, а Магомед уже в Буйнакске, на матроса учится. Я в Буйнакск, а он уже в Ленинграде, в военно-морском училище... Так я его все время словно бы догонял. Я в Ленинград — учиться, а он уже на Тихом океане! Командует «щучкой», подлодкой. Я тоже после училища на Тихий океан был направлен, а Магомед как раз на Северный флот уходил. Распрошались мы с ним на причале, можно сказать. А в сорок первом узнал я о его подвиге. Случилось это у норвежских берегов. Гаджиев командовал подлодкой. Встретил он в море фашистский транспорт и три корабля охранения.

Как полагается, послал торпеды в транспорт, потопил. Фашисты забросали его глубинными бомбами. И тогда Магомед всплыл неожиданно для фашистов и начал с ними артиллерийскую дуэль. Снарядами из пушки поджег один сторожевик, расстрелял другой. А третий, увидев все это, скрылся с поля боя, бежал...

Вот какой смелый человек был наш Магомед Гаджиев...

И ВДРУГ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА (см. дневник Бородача на стр. 17)

К ДАГЕСТАНЦАМ В ГОСТИ

В порту Махачкала даже названия кораблей напоминают о том, что в Дагестане много разных национальностей. Что ни название корабля, то название народности. Вот идет теплоходик, название его — «Даргинец». Если на карту Дагестана посмотреть, даргинцы в горных аулах Андийского хребта живут... А вот «Кумык» швартуется. Кумыки севернее живут, в предгорье... А вот разворачивается к выходу морской буксир «Аварец» и рядом «Лакец» машины пробует. Лакцы и аварцы — самые высокогорные жители Дагестана...

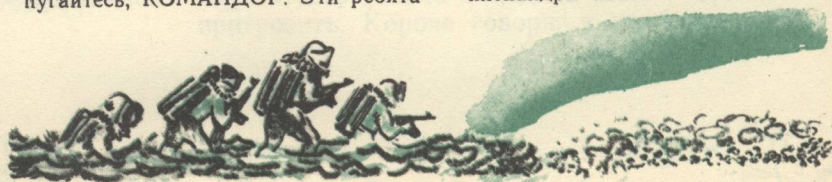
А это что за гудки? Это на подходе к порту теплоход «Бакинец». Ну, а где Баку, вы и сами знаете. Это уже в Азербайджане.

ПОКАЗАЛИСЬ ИХТИАНДРЫ

Схлынула волна, и в водоворотах пены заблестели черные, странные тела. Марсиане не марсиане, морские существа неведомые, что ли?

КОМАНДОР, решивший отдохнуть немножко от интервью и прочих трудов на пустынном пляже, в ответ на такое явление природы подхватил полотенце и приударил от берега подальше.

А дело оказалось очень простым. Ребята из морского клуба ДОСААФ города Каспия проводили морской десант. За старшего у них — специалист-водолаз Николай Рукельский. Он их обучает подводной стрельбе, выходу из-под воды на ориентиры и еще многому другому. Так что не пугайтесь, КОМАНДОР. Эти ребята — ихтиандры из Каспия.

УПРАВЛЕНИЕ ДАГРЫБХОЛОДФЛОТ ПРОШУ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ ТЧК-ВЫШЕЛ В МОРЕ НА ТРОЕ СУТОК
РАДИОГРАММА НА РМС "КИЗЛЯР" ТЧК КОМАНДА ПОСЫЛАЕТ ПРИВЕТ ВСЕМ ЧИ-
ТАТЕЛЯМ "КОСТРА" ТЧК **КОМАНДОР**
Передал оператор Сухоруков

ПРО КИЛЬКУ И ПРО СПИЧКУ

Белая тень «Кизляра» летит по сиреневой волне Каспия. Мы идем на ночной лов рыбы.

В ходовой рубке тихо, тепло, надежно. От ленты эхолота пахнет йодом.

В сумерки радист включает вспомогательную радиостанцию и капитан слушает голоса судов.

— Я на банке Борисова, на изобате 50... Рыбы мало...

— Я на банке Андреева, рыбы нет, идем на норд-вест...

— Я у «Грязного вулкана». Рыба есть...

Это переговариваются капитаны, помогают друг другу искать рыбу.

«Кизляр» полным ходом идет к «Грязному вулкану».

— Эхолот на промысел! — говорит капитан.

Защелкал самописец эхолота. Капитан молчит. Капитан читает ленту. Раз, раз — черкнуло по ленте. Проскочили под днищем «Кизляра» быстрые стайки. Снова — раз, раз — черкнуло. И вдруг плотно пошли штрихи на ленте, жирно. Есть рыба!

Капитан скорей к громкоговорителям.

— Боцману, брашпиль к отдаче! Штурману — к спуску манилку!

Манилка — это свет, лампа в пятьсот киловатт. Мы ведь не сетью будем ловить, а шлангом, на свет.

Отгрохотала якорная цепь. Стали. Внутри только машины гудят.

— Шланги к спуску! — снова командует капитан.

Иду на палубу. Шланг — гибкая труба, толстая, как слоновья нога, качается под грузовой стрелой.

Сейчас где-то в темной-темной глубине вокруг лампы-манилки закружился рыбий хоровод. И туда же опускается шланг насоса, нащупывая косяк...

И пошло, и загудело, и полилось — пена, вода и, походя на сотни серебряных листочков ивы, рыбешка-килька.

Штурман на палубе, рядом со мной стоит.

— Простите, — говорит, — дайте мне спичку.

— Пожалуйста, — говорю, — вот вам спичка, вот вам сигареты.

— Спасибо, — говорит, — я некурящий, мне только спичку.

Подхватил одну килечку, спичку к ней приложил. Раз и другой. Новую рыбешку взял, снова к спинке спичку приложил.

Рыбоморозильное судно «Кизляр»

выходит в море

— Простите, — теперь я уже говорю, — что это вы с ними делаете?

— Очень просто, — отвечает, — если килька меньше восьми сантиметров, ловить нельзя, рыбнадзор нас оштрафует. А мерка — вот, самая надежная, как раз две спички. — Ну и как? — спрашиваю.

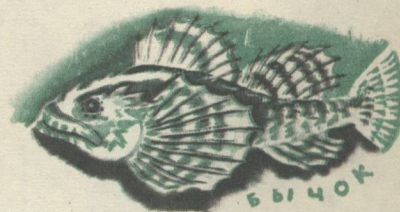
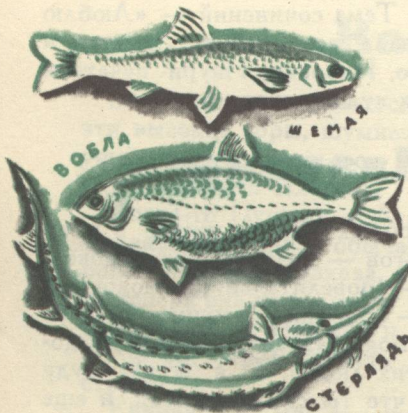
— Отличная, — говорит, — килька, упитанная... Можно ловить...

ПРО РЫБИ ИМЕНА

Почему на Каспии одну рыбу «шемая» зовут, а другую — «севрюга»? Эту «бычком», а ту — «воблой»? — задумался Командор.

Оказывается, разные происхождения у названий. Бычок, понятно — голова на бычью похожа. Воблу в старину «облой» звали, а «облый» — значит, круглый. Облая, воблая — так «вобла» и получилась. Лещ — рыба плоскотелая, словно сдавленная с двух сторон, а имя ее от «лещеди», расщепленной доски, в которую что-нибудь зажимали, чтобы придать плоскую форму. У «севрюги» происхождение идет еще со времен татарского нашествия. «Севрук» — по-татарски «острый». Взгляну на се-

врюжью морду — она и есть острая. А у «шемаи» имя персидское, старинное. По-персидски «шах махи» — царская рыба... Самая-самая вкусная на Каспии. Только едят ее теперь не шахи и не цари. Можно шемаю купить в гастрономе:

И наконец, что сообщили КОМАНДОРУ перед самым его отъездом в Чечено-Ингушетию пионеры Безодовской средней школы в Дагестане:

«Мы живем на берегу Каспийского моря. В сильные штормы вода поднимается. У нас это называют «перелив». Потом море отступит, и в осушающих лужицах остаются мальки, много мальков. И тогда мы выходим их спасать. Мы спасли уже тысячи мальков ценной рыбы.»

Саша Юртась, 10 лет

В ГОРАХ

Край родной

Вижу зори над тобою, милая Чечня.
 От тебя, мой край, не скрою,
 Как люблю тебя!
 Солнце ласковое светит
 Над родной Чечней.
 Здесь Толстой встречал рассветы
 Раннюю весной.
 Вижу я, орел летает,
 Крылья распростер,
 Терек волнами играет
 И спадает с гор.
 Водопад сквозь тучи рвется,
 В скалы бьет.
 Солнцу весь народ смеется,
 Весело поет.

Руслан Магомаев

Кавказ

...Не могу налюбоваться природой своего Кавказа. Люблю я эти высокие горы, шумные реки, с грохотом несущиеся между ущельями, зеленые леса, таинственные и глухие, которые влекут к себе каждого человека.

Когда-то Пушкин и Лермонтов писали про суровую природу Кавказа, про дикие обычаи этой страны. Но мне не кажется суровой природа Кавказа. Быть может, тогда она и была сурова, но теперь она не такова.

Увидели бы Пушкин и Лермонтов сейчас наш Кавказ! Они были бы рады увидеть неугнетенный народ этой маленькой страны.

Кавказ! Что мне дороже тебя?

Куда бы я ни поехал, все равно я возвращусь на Кавказ!

Ирис Абаева

И ВДРУГ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА

(смотри дневник Бородача на стр. 19)

показалась башня Шамиля (что в ауле Ведено), где наш Командор, он же Олег Орлов, провел в исторических разговорах два часа.

В БАШНЕ ШАМИЛЯ

В жаркий полдень мы сидели с Мусой, человеком двенадцати лет от роду и большим патриотом своих мест, в башне Шамиля на сухих прошлогодних дудках лопуха, и Муса рассказывал мне разные истории, случившиеся некогда в его родном ауле Ведено...

Мы сидели на втором этаже башни. Первый этаж давно уже служил складом для кукурузного зерна, третий обвалился много лет назад, и видны были глубокие ниши, куда упирались когда-то мощные бревна стропил... До второго этажа, где сидели мы с Мусой, добраться было нелегко, зато здесь никто нас не мог потревожить и можно было за этими стенами, скрывавшими от нас приметы современного мира — стоящий возле башни трактор и только что выгруженные в магазин кооператива газовые плиты, прислушиваться к гомону истории и представлять себе, как цокали по недалекой отсюда дороге копыта коней и Грибоедова, и Пушкина, и Лермонтова... И можно было без помехи слушать Мусу...

— Так вот, — говорил он, — я тебе не рассказывал еще про Шамиля... Было это давно. У нас в прошлом году умер очень старый человек, и было ему сто пятьдесят лет, а может быть, и больше. Наверное, больше. Звали его Мужият. Он видел, как Шамиль въезжал в наш аул со своими мюридами. Мюриды джигитовали и палили в воздух... Он и рассказывал про Шамиля. Зна-

ешь, какой был Шамиль? Он был очень силен и смел. Он переплывал Аварское Койсу и умел ходить по тропам Гимринского хребта, где не ходил никто... И вот однажды царские солдаты окружили Шамиля со всех сторон в этой самой башне, где мы теперь сидим с тобой. Они хотели взять в плен Шамиля, хотели пленить горца, а? Вот ведь какое дело. Все кругом Шамиля были уже побиты, а Шамиль взял шашку-гурду в зубы, вот так, и два больших пистолета-дабанчи в руки — вот так, — и прыгнул сверху на солдат... Как барс... Солдаты бросились в стороны, а Шамиль побежал, хромая, к реке... Но все-таки один солдат вонзил в грудь Шамиля штык, и штык вышел в спине. Ты думаешь, Шамиль пошатнулся? Или упал? Нет, Шамиль вырвал штык, выстрелил из пистолетов, пробился шашкой, бросился в волны реки и ушел от погони... Ты не веришь мне?

— Верю, — говорю я, — верю, Муса...

То, что рассказывает Муса, было, но не совсем так, да и не в этой крепости. Но я не хочу разочаровывать Мусу. Пускай думает, что это было здесь, в его ауле...

— Послушай, Муса, — говорю я. — Учительница Айшат преподает в вашей школе, в Ведено, да?

— Ой, — говорит Муса, — конечно. Она и живет в Ведено. Вот что я забыл. Учительница Айшат учит меня... Айшат Билалова — дочь уважаемого человека Билала Шамилева, а Билал Шамилев сын дочери Шамиля...

— Вот, вот, — говорю я. — Правнучка смелого, как барс, Шамиля...

— Как я мог это забыть? — удивляется Муса...

Гудят в знойном воздухе пчелы, на короткий миг умолкая и покачивая головки цветков... Хитрая мышь, пробираясь в подвал, нет-нет да и осыплет камешки с карниза старой башни...

— А хочешь, — говорит Муса, — я теперь расскажу тебе

о Зелимхане? Зелимхане Хара-чоевском, который был родом из наших мест? О Зелимхане, знаменитом абреке, заступнике бедных... Вот посмотри в эту бойницу... Видишь, вон там был раньше, когда в крепости уже хозяйничали царские слуги, городской парк. И вот приглядишься, видишь, стоит старая-престарая груша. Запомни ее, потому что сейчас я расскажу немного о другом. Был в те годы в Ведено царский полковник Гулаев, каратель и вешатель. Зелимхан долго терпел, глядя, как свирепствует полковник. Он предупреждал полковника: «Ты, полковник, берегись, собака, я тебя убью...» Зелимхан, знаешь, как стрелял? Птицу на лету сбивал. Но полковник его не послушал. Полковник повесил чеченца из Ведено... Тогда Зелимхан засел на той самой старой груше, что я тебе показал, и стал ждать. А полковник вышел пить чай на балкон своего дома вон в той стороне, очень далеко от груши. И знаешь, что сделал Зелимхан? Думаешь, просто за-

Настоящая Зарван Седиева

Председатель Грозненского райисполкома Тамара Мухтаровна Эсенбаева посоветовала познакомиться с Зарван Седиевой, уроженкой Ведено: «Пятнадцать лет Седиева работает на ферме. Вначале дояркой, теперь заведующей. Семь лет ее выбирали депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Как депутат она добилась, чтобы асфальтировали дорогу к поселку, а в дома провели водопровод. Зарван добрая, работающая, умная женщина!»

Три домика под цветущими сливами и коровник разбросаны на четыре стороны света. А между ними пятна вечного снега. Это отделение фермы.

Вышла из коровника загорелая женщина. Обняла меня, прижала к себе. В здешних местах так принято встречать гостей.

Предложила:

— Пошли в коровник!

Между коровами, осторожно ступая, бродили телята. Одни уже большие и обыкновенные, другие — непривычно крохотные, с огромными беспомощными глазами. Ножки у них торчали в разные стороны, будто развезжались на льду.

Наверное, потому, что Тамара Мухтаровна назвала уж очень много разных заслуг Зарван Седиевой, я представляла ее себе немолодой, солидной, может быть, седой женщиной. А встретила молодую, веселую, бойкую. Может, это дочка той, знаменитой, Седиевой?

Ферма пока еще не механизирована. Все здесь делают вручную: доят коров, раздают корма, убирают коровники. Нелегко трудиться на ферме.

Зарван тем временем расспрашивала скотника, как здоровье телят. Быстро бросила мне:

— Знаешь, какая у нас нынче зима была холодная? До тридцати градусов морозы! А в январе телята стали нарождаться!

— И как они, перенесли морозы?

— Перенесли! Ни одного теленка мы не потеряли! Нет, конечно, эта, деловитая и энергичная, — настоящая знаменитая Седиева!

— Хочешь, — спросила Зарван, — покажу тебе любимую корову?

Она стояла в дальнем конце коровника, коричневой масти, ничем не примечательная корова.

— Маруся! — с нежностью позвала ее Зарван.

Рядом с Марусей бродил бежевый изящный теленок.

— Ему всего один день.

Мы подошли к Марусиному сыну, и он сразу уткнулся мягким своим носом в загорелые руки Зарван.

стрелил полковника? Нет, Зелимхан был не из тех, кто стреляет в спину, Зелимхан первым выстрелом отбил самый краешек чашки, из которой полковник пил чай с кизилковым вареньем. Полковник обернулся, и тогда Зелимхан убил его, собаку... Вот что случилось когда-то в нашем Ведено...

Я слушаю Мусу и вспоминаю бедный домишко Зелимхана, который видел в ауле Харачой, Зелимхана, который иногда отбивал у царских чиновников сотни тысяч рублей и раздавал их беднякам и сам был беден и нищ.

И то, что Муса опять немножко, совсем немножко путает и фантазирует, — это ничего.

— А знаешь, — говорит Муса, — я еще тебе вот что расскажу... Про танк я тебе расскажу. Это уже было совсем недавно, правда, меня тогда еще не было, не родился еще, но отец мой уже был... Это про то, как фашисты выбросили в горах десант. Фашисты хотели прорваться к Грозному, но у

Малгобека их остановила Красная Армия.

— Фашисты опустили на парашютах в горах и не знали дороги, как оттуда выбраться, хотели обмануть чеченцев и найти в горах проводников. Но нашли они в горах только свои могилы.

— И знаешь, есть одно место в горах, где болото, и там до сих пор стоит фашистский пятиный танк с крестом на боку.

«Вот это интересно, — думаю я, — я слышал не раз о фашистском десанте в горах Чечено-Ингушетии и о том, как он был уничтожен, но нигде и ни от кого не слышал я о тан-

ках, которые фашисты сбрасывали в горах на парашютах...»

— Послушай, Муса, — говорю я осторожно, — про танк ты придумал, да?

— Муса никогда не врет, — говорит Муса, и жилка на его загорелой шее напрягается. — Если ты не хочешь пойти со мной в горы, то я могу нарисовать тебе точно этот танк. И Муса быстро-быстро и уверенно рисует на листке бумаги горы, деревья, траву на болоте и башню немецкого танка «Т-3». Он рисует так уверенно, как не может рисовать человек, выдумывая, но как рисует человек, вспоминая.

— Прости, Муса, — говорю я. — Ты прав... Я просто не знал об этом.

И я смотрю на этот нарисованный Мусой пятиный памятник фашистского разгрома и думаю о том, как долга и как трудна была история маленькой Чечено-Ингушетии, как прекрасен этот край и как смел, благороден его гордый народ.

Третье письмо

Добрый день, КОСтя!

Путешествие наше идет своим чередом. И очень, конечно, жаль, что ты не поехал с нами...

Десятки километров проехали мы по дорогам Чечено-Ингушетии и только лишь кое-что успели повидать, так, мелкие штрихи к огромной картине. Я вспоминаю нефтяные факелы ночью в горах вокруг Грозного и родники с холодной водой в скале по дороге в Ведено, знакомство с гимнасткой Людмилой Турищевой и древние боевые башни ингушей, чеканку по металлу и свадьбу в ауле Мужичи...

Да, интересную историю узнал я здесь. Но прежде сходи, КОСтя, в Русский музей и посмотри там картины художника Захарова. А вот тебе и обещанная история. В 1819 году царские солдаты захватили чеченский аул. Солдат по имени Захар подобрал маленького мальчишку. Мальчишку назвали Петром, а фамилию ему дали по имени спа-

сителя — Захаров. Мальчишка вырос, выучился рисовать в Петербурге и стал академиком живописи.

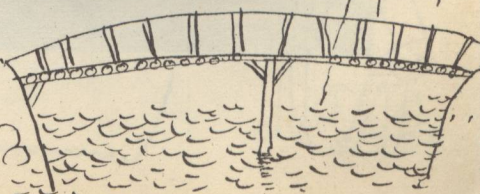
Посмотри его картины и портреты.

Между прочим, считается, что этого спасенного чеченского мальчишка видел Лермонтов и описал его в своей поэме „Мцыри“.

Будь здоров!
Командор.

Олимпийская чемпионка Людмила Турищева в гостях у партизана гражданской войны Мажды Дадаева.

С Украины, из Белой Калитвы, прислали латунные наконечники.

Из Московской области — пасту.

Из Сухуми, Куйбышева и Омска — шарик.

Горловский хижкомбинат прислал пластмассу для корпусов.

ВМЕСТЕ ДЛЯ ВСЕХ

А здесь, в Грозном, на заводе «Электроприбор» прессовали, отштамповали, соединили одно с другим, как нужно, — и получилась авторучка «Грозненская».

Теперь такими ручками пишут в Белой Калитве, в Сухуми, в Куйбышеве и в Горловке — и всюду довольны.

Авторучку сделать, конечно, не просто, но все-таки проще, чем электрофотографическую машину. Эти машины могут очень быстро размножить любой текст и чертеж; устроены они чрезвычайно хитроумно и сложно. Их тоже делают здесь, на «Электроприборе».

И опять: с Украины присылают для этих машин сталь, с Урала — цветные металлы, зеркала — из Умани, двигатели — из Краснодара, трансформаторы из Батуми, оптику — из Ленинграда и Москвы.

А готовые машины отправляются обратно, в Москву, в Ленинград, на Урал, в Прибалтику, на Сахалин, — туда, где их ждут, на предприятия, в конструкторские бюро и научно-исследовательские институты.

ГАЛЯ и БОРОДАЧ побывали на заводе «Электроприбор». Они попросили секретаря парткома Вениамина Андреевича Телегина:

— Напишите, пожалуйста, для читателей «Костра» несколько слов вашей грозненской авторучкой, а потом скопируйте эти слова на вашей грозненской электрофотографической машине!

Вениамин Андреевич задумался:

— О чем же написать!

— О том, — посоветовали ГАЛЯ и БОРОДАЧ, — что всякое дело, большое или маленькое, ладится, когда его делают все вместе и для всех.

— Вот так открытие! — засмеялся Вениамин Андреевич. — Кто же в этом сомневается? Нет, лучше я напишу про другое!

И написал:

Читатели журнала «Костёр»

Знаю вас с новой точкой, пишу вам отменные чернила в чужде, приобрели претических навыков в работе и использовали их в трудовом коллективе после окончания средней школы, так как современному производству нужны высококвалифицированные кадры рабочих всех специальностей.

*От имени коллектива рабочих
завода «Электроприбор» г. Грозного
секретаря партийного комитета
завода П. Пасечник В.А. 11/11-72.*

Рассказывает **НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЖУКОВ**, директор Детской художественной школы города Орджоникидзе, заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской АССР

— Вот уже тридцать лет работает наша художественная школа. Добрая слава о ее учениках вышла за пределы Северной Осетии. Где работают выпускники школы? В Ленинграде, в Москве, в Тбилиси, в молодом башкирском городе Салавате. И, конечно, во многих городах и селах Северного Кавказа.

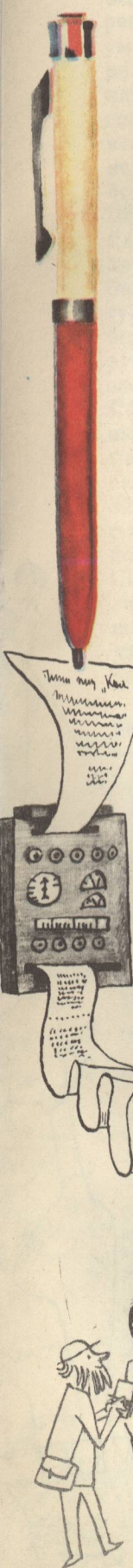
...Радостно было видеть рисунки ребят на Шестой республиканской выставке художественного творчества, устроенной в честь 50-летия Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Зоркость, выдумка, чувство цвета отличали работы наших ребят. А ведь многим авторам всего 9—10 лет. Они приходят в школу семилетними малышами, занимаются в подготовительной группе, потом сдают экзамен и поступают в первый класс нашей школы. Бывает так, что уже через год-два работа ребят вызывает серьезный интерес художников.

Знают о нашей школе за рубежом.

За рисунок «Мы идем на демонстрацию» девятилетней ученице школы Ире Акоповой вручен приз Детского фонда ЮНЕСКО. На выставке в столице Индии Дели отмечен наградой рисунок семилетнего Владика Рязанова.

В 56 странах мира, на 250 выставках побывали работы наших воспитанников. Всего около 700 рисунков.

Я убежден, что художественное творчество помогает воспитать хорошего человека, человека, любящего свою родину, свой край.

Наташа Жукова, 12 лет

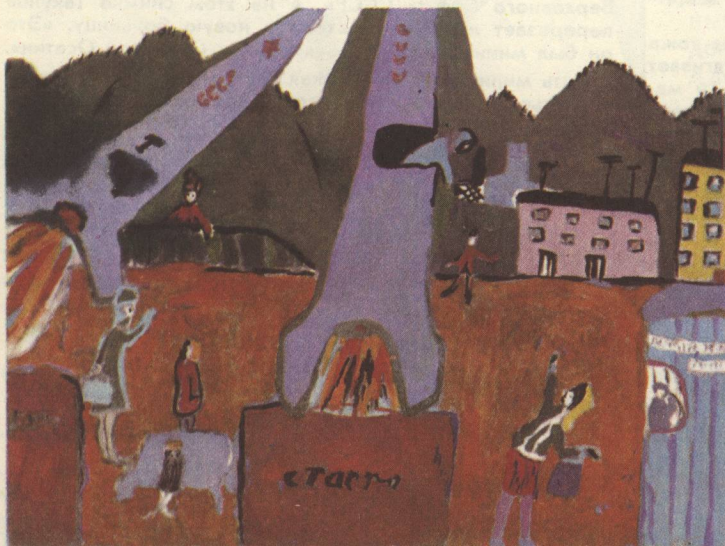
ПЕСЕНКА

Миша Заматохин, 9 лет

МАШИНИСТКА

Люда Куракина, 11 лет

КОСМОДРОМ

ИЗ ДНЕВНИКА КОМАНДОРА: «Орджоникидзе, 16 апр., 2 часа дня.

Ну вот, ругали меня, что я исчез в Махачкале, а теперь куда-то пропала ГАЛЯ. Нужно ехать в горы, машина ждет... Если не появится в течение часа, придется уехать без нее... А ведь я же за нее отвечаю головой... Тяжки заботы командора!...»

«Три часа пополудни того же дня. Ура! ГАЛЯ нашлась. Она появилась в холле гостини-

цы, повторяя странные слова: «Человек со скальпелем! Человек со скальпелем!» — «Что случилось?» — спросили мы хором. «Я задержалась, потому что брала интервью у хирурга Такулова... А «Человек со скальпелем» — так будет называться мой очерк о нем». Таким образом, все разъяснилось наилучшим образом. ГАЛЮ все-таки хорошенько отругал за опоздание...»

ЧЕЛОВЕК СО СКАЛЬПЕЛЕМ

— Ложись!

Пули попали в мешки с медикаментами, пробили котелок.

Не доплыли еще до берега — команда «вылезай».

Попрыгали в речку, и сразу почувствовали, какая студеной вода в октябре.

С откоса навстречу бежал солдат:

— Мы уходим. Вон наши блиндажи — занимайте!

В блиндажах разместили раненых, поставили печурку, чтобы хоть как-то их согреть. На берегу разбили операционную палатку. Четыре стола в палатке: здесь оперируют, там — готовят к операции, там — накладывают шины... Хирург ходит по кругу от стола к столу. Сколько пройдено таких кругов, сколько сделано операций — никому теперь того не пересчитать!

Остывает вкусный олибах — осетинская лепешка с творогом. Я сижу в гостях у известного профессора, доктора медицинских наук Урусхана Татаркановича Такулова и не могу поверить, что я в Орджоникидзе. Мне кажется, что это в Ленинграде я пришла в дом защитников Невской Дубровки.

Жена профессора Антонина Михайловна — она тоже вместе с мужем прошла всю войну — протягивает знак — боец с гранатой и моряк с винтовкой — и маленькую книжечку: «Удостоверение № 0390 на право ношения нагрудного знака «Ветерану Невской Дубровки». Время участия в боях на Невском плацдарме — октябрь — декабрь 1941».

Звание военного врача Такулову присвоили досрочно. Он заканчивал Ленинградскую Военно-медицинскую академию, когда началась война. Двенадцать слушателей Академии были командированы в направлении Кингисеппа проверять медицинскую работу на фронте.

Выезжали три раза. Вернувшись, продолжали учебу. Выпуск слушателей состоялся 8 сен-

тября 1941 года. В этот день был первый массированный налет на Ленинград.

Врач 9 полка 20 стрелковой дивизии Такулов формировал санчасти. Помогал отправлять потоки раненых. Сшивал, ампутировал, переливал кровь, промывал раны. Стал руководящим хирургом дивизии.

Так он прошел дорогами войны с Ленинградским и Первым Украинским фронтами — через Польшу — до Германии.

Антонина Михайловна приносит альбом и папку с фотографиями. Урусхан Татарканович морщится: «Ну вот, мать за свои архивы!»

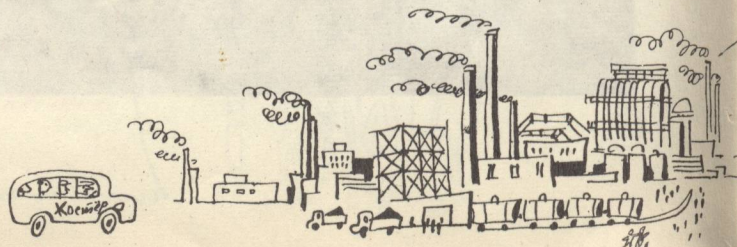
Стоят под яблоней два военврача, заразительно смеются. Будто вовсе не они провели пять лет в полевых операционных, в самой бездне человеческих мук, будто не они отмахали пол-Европы по пятам армий, исцеляя тех, кто и сам не надеялся выжить. Вот Урусхан Татарканович при всех боевых наградах: орден Красной Звезды, орден «Знак Почета», медали «За боевые заслуги». Фронтовые друзья — с одними переписываются, другие — неизвестно, живы ли, погибли... Два снимка: люди в строгих костюмах посреди больших парадных залов. «Это Урусхан Татарканович был депутатом Верховного Совета Северной Осетии, депутатом Верховного Совета СССР». А на этом снимке Такулов перерезает ленточку у входа в новую больницу. «Это он был министром здравоохранения Северной Осетии».

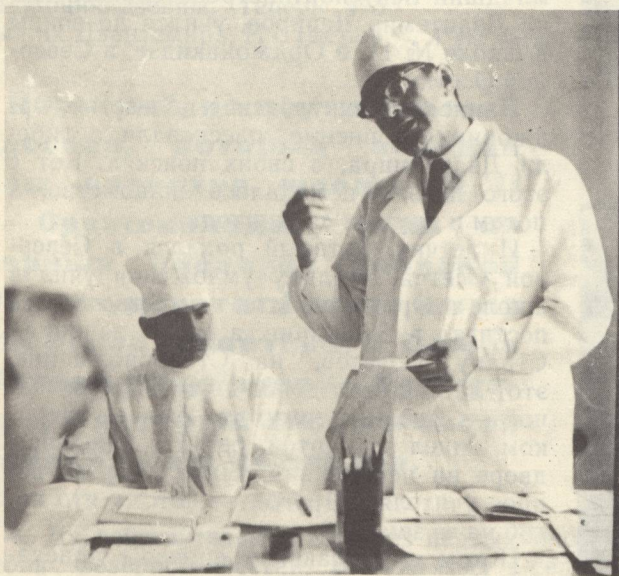
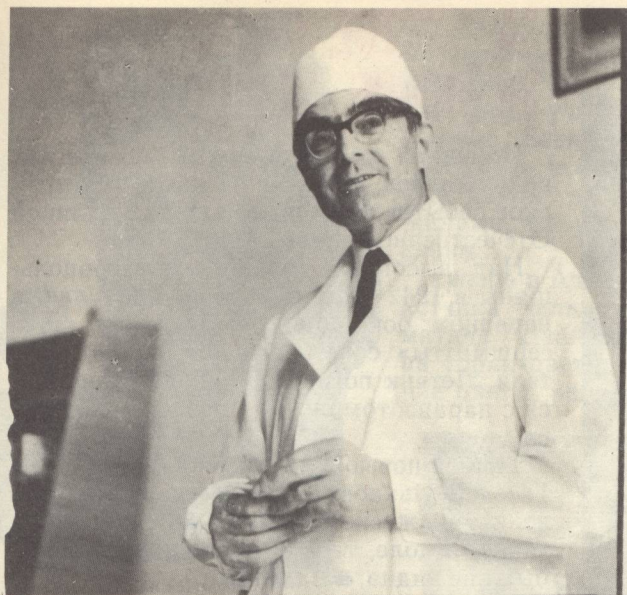
Быть министром — высокая честь. Но Такулов мечтал вернуться к хирургии. К этому времени он выбрал в хирургии одну область — онкологию. Она изучает различные опухоли, в том числе и самые опасные — раковые.

Выбор был сделан еще в 1948 году, в Ленинграде. Демобилизовавшись, Такулов приехал на курсы в Институт усовершенствования врачей. Лекции по онкологии там читал известный ученый Александр Иванович Раков.

Когда курс лекций был закончен, Такулов пришел к Александру Ивановичу и сказал:

— Вы вселили в меня желание поработать.

— Пожалуйста, — ответил Раков, — вот вам темы для самостоятельной научной работы. Выбирайте.

Такулов выбрал и уехал в родную свою Осетию.

В течение пяти лет они переписывались. Раков настойчиво подгонял, если работа замедлялась, советовал, ободрял. А когда в Ленинграде Такулов защищал свою научную работу, Раков сказал, что она выполнена самостоятельно, поскольку он, руководитель, находился так далеко от ученика!

Потом А. И. Раков был помощником Такулова в другой научной работе — докторской диссертации.

Профессор все время настаивал, чтобы я побеседовала с его учениками. Все его ответы на мои вопросы начинались словами: «Ну что обо мне говорить! Вот вы поведите моих учеников, пусть они о себе расскажут».

Ученики — это опытные уважаемые врачи. Ким Георгиевич Дзотцоев и Батырбек Георгиевич Мамиев.

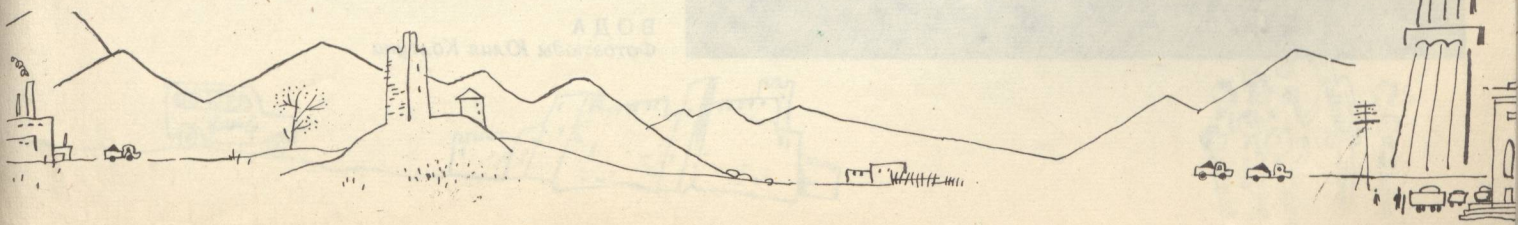
Ким Георгиевич учился в Дигоре. В той самой Дигоре, где родился, учился и сразу после школы преподавал биологию Урусхан Татарканович. Работал Ким Георгиевич в горном далеком районе врачом. Потом работал бортхирургом. Что это такое? Это операции в любую минуту. Уходил в кино — оставлял записку. Среди сеанса часто кричали: «Кима Георгиевича на выход!» Он знал: значит, машина у подьезда, саквояж с инструментами в кабине, а на аэродроме уже ждет самолет, надо лететь к больному и делать операцию.

Московский ученый Никифорова и осетинский ученый Гаджиев помогли Киму Георгиевичу провести важную научную работу и стать кандидатом медицинских наук.

У Батырбека Георгиевича родители были неграмотными крестьянами (точно так же, как у профессора Такулова), а он сам окончил школу с золотой медалью. Батырбек Георгиевич скоро станет доктором наук. Ему в научных исследованиях помогал член-корреспондент Академии медицинских наук ленинградец Алексей Николаевич Максименков, а теперь помогает профессор Николай Платонович Бисенков, тоже ленинградец.

Судьбы Такулова и его учеников схожи, и так же связаны они с Ленинградом. Ну, а самое главное — ученики продолжают его дело.

Миша и Саша, сыновья Урусхана Татаркановича и Антонины Михайловны, — студенты медицинского института. Наша группа уезжала из Орджоникидзе накануне свадьбы Миши. К семье Такуловых прибавлялась Тамара. Еще один медик.

ЗА ЧИСТОЕ НЕБО, ЗА ЯСНОЕ СОЛНЦЕ...

Причиной тому, что эти две школы так подружились, было вот какое трагическое событие, случившееся в дни Великой Отечественной войны.

Над высокими тополями Ставропольщины в 1942 году, близ села Ачикулак, в неравном бою сбили фашистские «мессершмитты» советского летчика-истребителя. Летчик погиб. Он успел выброситься с парашютом, но парашют не раскрылся...

Темной ночью ачикулакская крестьянка Татьяна Ивановна Тимофеева унесла тело от вражеского позора и похоронила тайно, в поле, так, чтобы и могила героя была не видна, незаметна.

Война кончилась. Над тысячами солдатских могил России поднялись обелиски и памятники. И первыми, кто разыскивал и приводил в порядок могилы героев, кто узнавал их имена — были пионеры. Пионеры шли партизанскими тропами, повторяли маршруты боевых дивизий, отыскивали очевидцев боев и архивные документы, записывали рассказы тех, кто видел, тех, кто уцелел...

Вот так и к Татьяне Ивановне, похоронившей в сорок втором безвестного героя, пришли ачикулакские пионеры.

Очень медленно, по строчке, по словечку, восстанавливали они биографию летчика. Наконец узнали, что погибший, младший лейтенант истребительного полка Дзантемир Чепилов, учился до войны в школе № 11, в Орджоникидзе, в Северной Осетии...

Написали ачикулакские пионеры в Орджоникидзе письмо, рассказали о гибели Дзантемира, о своих поисках. Вот с этого письма и началось знакомство, а потом и дружба двух школ.

И летчик, который родился в Северной Осетии, таблицу умножения учил в школе в Орджоникидзе, искусство летать постигал в Башкирии, а погиб, защищая Страну Советов, на Ставропольщине, этот летчик стал дорог двум школам. Одной — еще и потому, что был ее учеником, сидел за партой, бегал в школьном дворе на переменах, тянул руку на вопрос учителя... Другой — потому что погиб на ее земле...

Потом ачикулакские пионеры приеха-

ВОДА
Фотоэтюды Юлия Колтуна

*Почетный пионерский караул
у памятника
Дзантемиру Чепирову
в Ачикулаке.*

ли в гости к пионерам одиннадцатой школы и привезли горсть земли с могилы Дзантемира и розы. А осетинские ребята эти розы посадили во дворе своей школы. «Наш Дзантемир», — говорили ачикулакцы. «Наш Дзантемир», — говорили орджоникидзевцы. Теперь это был их Дзантемир... И с тех пор

они уже делали одно общее дело — искали свидетелей воздушных боев Чепирова, сослуживцев его, учителей, родных... Письма, воспоминания, фотографии — все это собиралось уже двумя пионерскими дружинами, в двух уголках боевой славы...

Теперь в Ачикулаке — музей летчика Чепирова и стоит памятник Дзантемиру. И когда на горах цветут первые весенние цветы, ребята приносят их

к памятнику. А когда у памятника принимают в пионеры, салятуют пионеры Дзантемиру Чепирову... За чистое небо, за ясное солнце...

...Нет ничего более святого, чем память о солдатском подвиге. И нет дружбы крепче, чем та дружба, которая родилась из уважения к солдатскому подвигу, к подвигу, без которого не было бы и самой жизни на нашей советской земле.

А это октябрята со своими вожатыми на перемене во дворе школы № 11.

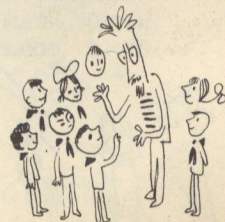
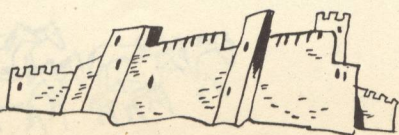
Короткий, но поучительный рассказ, который поведал нам директор школы № 11 г. Орджоникидзе, один из первых пионеров Северной Осетии, делегат I слета юных пионеров Советского Союза Михаил Заурбекович Уруймагов, и который слово в слово записал наш Командор.

— Да, действительно, я один из первых пионеров Северной Осетии. В 1923 году в селе

Христиановское, где я тогда жил, повязал я свой первый красный галстук... Дел тогда у пионеров было много, нам они казались мелкими делами, но вот сейчас вспоминаю я это время и вижу: нет, государственной, можно сказать, важности делали мы дело...

Я, к примеру, учил свою мать и наших соседок грамоте, а «школу» открыл в своем доме. Неграмотный же ведь был кругом народ, расписываться не умел, закорючку ставили вместо подписи, вывеску прочесть не каждый мог, если в город попадал...

Потом помогали мы старшим в борьбе за хлеб. Мы, пионеры, разыскивали спрятанное кулаками зерно. От нас, от мальчишек, в селе трудно ведь было что-нибудь скрыть, все знали...

Раз меня кулаки едва на вилы не подняли, едва не убили...

Было нас уже тогда несколько человек пионеров. Комсомольцы нам помогали и следили, чтобы мы хорошо учились.

Больше всего, пожалуй, мы любили походы. В настоящие походы ходили, с ночевками в горах. Разведчиков посылали вперед, они заброшенные тропы осматривали, искали дорогу и отряду оставляли знаки на камнях: как и куда идти, где вода, где можно костер разложить. Мы не просто так в походы ходили, мы в окрестных селах выступали со спектаклями. Я ведь был еще и режиссером нашего кружка самодеятельности... Спектакли мы давали

платные, а деньги шли в фонд помощи детям-сиротам.

Да, вот еще был случай. По правде вам расскажу — едва меня из пионеров не исключили. Знаете за что? За семечки. За семечки подсолнуха... Я любил грызть семечки. А у нас, у местных пионеров, тогда был принят закон: семечки не грызть. Почему?

Очень просто, считалось, что семечки грызть, во-первых, негигиенично, во-вторых, от шелухи — грязь и мусор всюду... А я семечки очень любил и грыз потихоньку...

Ну, ребята узнали и хотели меня исключить. Не столько за семечки, сколько за то, что потихоньку грыз.

А как меня делегатом на Первый слет юных пионеров послали? Вот как. До этого я делегатом областного слета был в городе Шахты. Потом меня ребята в бюро пионерской организации села выбрали, считали, что достоин... Ну, а в 1929 году направили меня в Москву, на Первый слет юных пионеров.

Парень я был смелый и на слете записался на доклад. Записался-то сгоряча, а потом стало страшно. Голов — сотни, все ждут, меня слушают. Что сказать? Ну, думаю, ладно, у вас у всех — хорошо, а у нас хуже, что ли? И вот все, что вам рассказал, я и им то же самое — с трибуны: и про то, как мать грамоте учил, и как хлеб искали, и про походы, и про спектакли... И даже про семечки рассказал... Смеялись, хлопали мне.

Тетвертое письмо

Привет тебе, КОСтя, из Северной Осетии!

Знаешь, как говорят здесь? „Тот не джигит, кто сидит на месте“. Мы-то уж можем считаться настоящими джигитами... Только и делаем, что едем и едем...

Что тебе написать об этом крае? Что такое Осетия? Казбек — это Осетия. Тысячные стада овец и табуны коней — это Осетия. Гигантские трубы, уходящие на вершину горы и подводящие потоки воды к турбинам Эзмин ГЭС, — это Осетия. Необозримые поля пшеницы и кукурузы в долинах — это Осетия. Громадные башни маисового комбината в Беслане — это Осетия. И еще, знаешь, конники Али-Бек Кантемирова, которых ты видел в цирке, — это тоже Осетия. Санатории, куда приезжают отдыхать тру-

дящиеся со всего Советского Союза, — это Осетия. Богатейшие и обильные села и солнечные просторные города — это Осетия! Прекрасная, трудолюбивая и гостеприимная республика — Осетия! Вот каким стал народ, о котором Пушкин писал когда-то: „Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе...“

Да, заметь кстати, как называют двойку осетинские школьники — „куропатка“... А отец сыну, принесшему домой двойку, говорит примерно так: „Что я вижу? Ты что же это, недостойный, принес в мой славный дом на своих плечах презренную куропатку?..“

Но прощай! Автобус отходит. Впереди — Кабардино-Балкария. Как говорят в Северной Осетии, — „бандараст“ — счастливого пути!

Положи свой ковер нетерпения в сундук ожидания... До следующего письма.

Твой Командор.

Рассказывает **МУХАМЕД ТУТОВИЧ ХАСАНОВ**, заслуженный учитель Кабардино-Балкарской АССР, директор средней школы № 17 города Нальчика.

— Все ребята нашей школы знают, что во время Великой Отечественной войны на борьбу с фашистами ушли тысячи сыновей и дочерей Кабардино-Балкарии. В школе есть зал боевой славы. Красные следопыты разыскали немало героев войны. Бережно собрано все, что напоминает об участниках боев на Северном Кавказе. Эти люди учат наших ребят по-коммунистически строить свою жизнь, учат любить свою советскую родину.

...К 50-летию образования СССР в школьном зале интернациональной дружбы появился новый экспонат — карта всех пятнадцати республик СССР.

Ребята сами электрифицировали карту: зажигаются огоньки во всех уголках нашей страны, где есть друзья, откуда приходят в школу письма и рассказы о пионерской жизни.

У пионеров нашей дружины любимый маршрут — «Сильные, смелые, ловкие!»

Зайдите в любой дом, в любой двор, на соседнюю со школой улицу, спросите, знают ли там наших футболистов. Знают? Еще бы! Одиннадцать улиц в микрорайоне школы. И

на каждой есть детская футбольная команда. Где — «Алмаз», где — «Торпедо», где — «Непобедимые». Названия командам дают сами ребята, а вот переменить название можно только с разрешения Совета физкультуры. В этом Совете главные — тоже ребята. Строго поддерживается дисциплина в команде: не успеваешь в учебе — не приходи на тренировки. Иногда даже родители просят за «освоенного» от тренировок сына и горячо уверяют, что он подтянется в учебе.

На республиканской спартакиаде прошлого года школа заняла второе место.

КРАСИВОЕ УЩЕЛЬЕ БАКСАН

Феликс Нафтульев

Я давно мечтал сюда поехать, точно даже помню, с какого дня: с того, когда в туристском походе по Карпатским горам мне вдруг стало плохо.

То ли марш-бросок оказался длинен, то ли рюкзак тяжел, но едва подошли мы к реке Стрый, над которой навис — в буквальном смысле навис, на канатах, — дощатый мост, и едва я себе представил, что сейчас должен буду идти по этим — мало сказать шатким — доскам, хватаясь за веревки-перила, раскачиваясь, как на качелях, — что-то сломалось во мне, и я свернул в

сторону и побрел вброд, как есть, во всем снаряжении, не скинув ботинок.

Тут мне и помог один человек. Он и раньше помогал, учил меня, новичка, премудростям: если лямки режут, подсунь под них скатанную ковбойку, если пить хочется, сорви стебелек дикой мяты — вон ее сколько на обочине — и вдохни запах, здорово освежает...

Так вот, этот человек не оставил меня. Он тоже ступил в реку в полной амуниции, сделал вид, что так и нужно, и пошел рядом, и завел речь о совсем посторонних вещах.

Он рассказывал о том, как в феврале сорок третьего поднимались на Эльбрус альпинисты с заданием особой важности: сорвать с отвоеванной вершины фашистский флаг.

Звучали слова, не совсем понятные: «камин», «колуар», «связка». Товарищ не растолковывал тонкостей,

он просто заговаривал меня, как шаман, старался воодушевить и даже пел для этого, хотя всякому ясно, как трудно петь, бредя по колено в быстрой холодной воде.

«Тропка, как ленточка, вьется, горная речка шумит...» — весь его рассказ продолжался минут пять, от берега до берега, но этих пяти минут оказалось достаточно, чтобы взгляду открылась легендарная страна Баксан, где над безымянными могилами высятся ледорубы, воткнутые в камень до половины, где на скалистых гребнях в пирамидках-турах до сих пор лежат лимонки с прощальными записками внутри, адресованными будущим поколениям.

С того дня Баксан стал моей болезнью. Сердце шемило, когда слышал о нем, и в памяти все сплелось и перепуталось накрепко: Эльбрус и мост над Стрыем, ветки потрескивают, в ко-

телке дымится крепкий чай, товарищ сушит у костра промокшие джинсы, —

Надо ли говорить, как я обрадовался и встревожился, узнав спустя много лет, что еду в Баксан?

В маршруте путешествия он значился последним, и от этого на все предыдущие недели поездки пал особый, прекрасный отблеск, имя которому — ожидание.

Не хочу врать, что томился и торопил время, — разумеется, нет, и Дагестан, и Чечено-Ингушетия, и Северная Осетия были полны чудес. Но даже когда мне было особенно хорошо и привольно: на берегу Каспия, где случай свел меня со смышленными парнишками Нуратдином и Магомедом и мы не спеша собирали ракушки, беседуя о разных любопытных вещах, и на полночных улицах Грозного, после возвращения из высокогорного села Харачой, родины отважного абрека Зелимхана, и в Верхнем Фиагдоне, в радушном доме шахтера Петра, с которым мы до того разговорились, что автобус чуть не ушел без нас обратно в Орджоникидзе, — даже в те незабываемые часы я не переставал помнить: впереди — Баксан.

И, наконец, он настал.

Отъехали на двадцать с лишним километров от Нальчика и остановились у широкой, почти пересохшей реки, с каменистыми серыми отмелями, с желтоватой струйкой посредине, —

— Что это?! — спросил я.

— Баксан, — отвечали мне. — Баксан.

В сущности, я сам виноват. Я считал, что все должно понимать, чего хочу, с полуслова. Я твердил всюду, где мог: «Баксан» да «Баксан», и в горьком комсомола, и шоферу Юре, и провожатой Любе, — а Баксан ведь прежде всего река, и длинная, и в каком месте

к ней ни подъедешь, везде будет Баксан. Меня и привезли — в точности, куда просился.

Что ж вы, братцы, со мной сделали? Где горы, где ущелье, «стройный лес Баксанский», заросли барбариса на склонах? Нет, пожалуйста, где-то должен быть другой, настоящий Баксан, — едем!

— Далеко, — объясняли мне. — К ночи не обернемся, и бензина не хватит.

Но я и вообразить не мог, что не повидаюсь с истинным Баксаном сегодня же, нервничал, сердился, уговаривал своих спутников скорей продолжить дорогу —

и едва согласился на минутку задержаться здесь, в поселке Кызбурун I.

Его окружали горюшки, поросшие жидким кустарником. «Высота девятьсот десять», — указали мне на одну, и я понимающе кивнул, я решил все здесь понимать и со всем соглашаться, лишь бы быстрее уехать. Что, в интернат, к краоведам? Конечно, немедленно, с удовольствием, — что у них там? Альбомы? Дневники? Стенды?

В таком нетерпеливом состоянии духа я вошел в комнатку, премаленькую, где и лишний стул не мог бы поместиться и где, дей-

ствительно, были дневники, альбомы и стенды, и взглянул на них с вежливой скукой, которая тут же сменилась раскаянием и жгучим стыдом.

А преподавательница Клавдия Трофимовна Романенко не замечала смены моих настроений, она радовалась неожиданным гостям и жалела, что с ребятами не встретимся, они на каникулах, и говорила быстро-быстро, ухитряясь рассказывать сразу как бы две истории.

История первая. Август сорок второго года. Фашисты рвутся к Нальчику, напрямик, легчайшей дорогой, — на их пути всего лишь речка с мостом, да как на ладони — Кызбурун, да эта «девятьсот десять», на нее бегом взбежишь — не запыхаешься.

Там и встретили врага батальон Второй Гвардейской дивизии — впоследствии она стала знаменитой Таманской — и курсанты эвакуированной сюда из Подмосковья командирской школы «Выстрел».

Они обороняли высоту месяц. Выиграли время. Заслонили собой Кавказ.

История вторая. В Кызбурунском парке стоит памятник. На нем высечены шестьдесят три фамилии. А несколько лет назад их было всего семь. А еще годом раньше не было ни фамилий, ни памятника. И к тому, что это здесь появилось, самое прямое отношение имеют красные следопыты из школы-интерната номер два.

Они устанавливали имена и адреса, списывались с оставшимися в живых, навели справки у историков и в военных архивах, — проделали работу непостижимую и необъятную, которая и теперь не кончена, хотя те, кто ее начинал, давно уже получили аттестаты и уже состоялся здесь, на ба-

зе интерната, слет ветеранов-таманцев, их уцелело четыреста восемьдесят, и со всеми ребята держат постоянную связь.

Клавдия Трофимовна показывала бесчисленные грамоты и дипломы за следопытскую работу, а со стен, с шеренг фотографий на нас глядели солдаты.

Там были совсем юные лица, с размытыми, нерезкими чертами, переснятые с таких затертых, ветхих карточек, что ни одно ателье не соглашалось их брать, а школьные фотографии взялись и совершили максимально возможное.

Имелись там и четкие, недавние снимки, — но лица на них, увы, не были молодыми. Не старятся лишь погибшие. А к живым неминуемо рано или поздно приходят морщины и болезни.

Иван Миронович В. долго лежал в больнице. К нему в палату пришло одно за другим сорок восемь писем из Кызбуруна, и в каждом его настоятельно просили, прямо-таки заклинали поправиться. Иван Миронович не мог не послушаться. Он выздоровел, почти чудом, и телеграфировал в интернат: «Письма вылечили, спасибо!»

Василий Степанович К. вскользь, случайно упомянул в переписке, что у него плоховато с жильем. Ребята тут же обратились в райисполком, поторопили, чтобы скорее везли Василию Степановичу лес, шифер, и вскорости он сообщил радостно и благодарно: «Дети, я теперь под своей крышей живу!»

Вспомнив об этом, Клавдия Трофимовна всхлипнула и не сразу смогла продолжить рассказ. И тут я понял, что больше всего волнует меня в работе кызбурунских следопытов: они не только славят героев за былые подвиги, — а видят в них прежде всего обыкновенных лю-

дей, вот уже тридцать лет в разных концах нашей страны живущих обыкновенной, не всегда безоблачной жизнью, и стараются помочь им в этой жизни, не ради грамот и дипломов, а по искреннему зову души.

Пока мы разговаривали, шофер Юра успел разжиться бензином, а Люба созвонилась с горкомом и получила «добро» на дальнейший путь. Их обоих, и Любу, и Юру, заботила моя обида, и они радовались, что могут исправить ошибку. Однако теперь уже я упирался. Немыслимо было уезжать отсюда, недослушав, незнакомившись, не повидавшись с той же Дарьей Игнатьевной Ольховой, первой помощницей интернатских краеведов; с нее, в общем, все здесь и началось, это она предложила в свое время начать поиски, — и когда я увидел в парке Дарью Игнатьевну, в халате, с засученными рукавами, с лопатой — она окапывала вокруг памятника саженцы, — показалась мне она солдатской мамой, общей мамой для всех, кто лежит под камнем, звездный свой час пережив на скромной высоте близ Кызбуруна.

Какая пологая, какая неприметная дорога вела туда! Ни перевалов, ни пропастей, — тропинка и кустики, и полянка на вершине, которую, наверно, и вершиной по всем географическим канонам назвать нельзя. Но именно здесь, а не в романтических, прекрасных и впечатляющих каньонах Приэльбрусья — а там он тоже позже сражался, — завещал похоронить себя командир таманцев, генерал Захаров. Видно, он считал, что именно здесь был его главный пик. И его привезли из Одессы, где он умер, и на руках подняли его тело сюда, на полянку, и поставилиobelisk со звездой.

Нас привел сюда Хусен

Гедграфов, учитель кызбурунской школы, черноволосый, небольшого роста, с грустными глазами. Гедграфов в августе сорок второго года был мальчишкой. Когда Кызбурун уже вот-вот должен был пасть, Хусен с приятелем — тоже Хусеном — вспомнили, что в школе на стенах классов висят портреты вождей, и побежали туда под выстрелами, чтобы снять, унести и спрятать. Осколок немецкого снаряда ударил младшего из Хусенов в шею, перебив зажим пионерского галстука, — до войны галстуки скрепляли зажимами, а не завязывали узлом.

О тех днях Гедграфов написал песню. В ней говорится о том, что видел он сам на высоте 910, тогда, мальчиком, после того как бойцы Таманской дивизии и курсанты «Выстрела» выполнили боевую задачу.

Он пел мне ее по-кабардински, негромко и хрипло, kloкочущие сочетания согласных звуков были непривычны, и казалось, что Гедграфов спотыкается оттого, что в горле у него стоит комок:

«Я помню, какой была эта высота, сколько вражеских ударов она выдержала, сколько солдатских шинелей осталось в развороченных окопах, сколько красноармейцев здесь полегло.

Я видел: лежал боец и не снимал пальцев с курка, — он лежал лицом к врагу, погибший, но совсем как живой.

Кто была мать этого бойца? Остались ли дети у него? Откуда бы ни был он родом, — он защищал нашу землю и погиб за нее. А где-то его ждут до сих пор...»

Назавтра я все же побывал в настоящем, желанном своем Баксане.

Увидел горы и ледники, побродил в лесу, том самом, о котором поется, умылся ледяной, хрустальной водой реки, которая здесь, в верховьях, была точно такой, какой я себе ее представлял, бурной, молодой и шумной.

На полную мощность работала альпинистская база Терскол, горнолыжники в разноцветных куртках болтали ногами в креслах ка-

натной дороги. Было многолюдно, пахло шашлыками, звучал разноязычный говор, из репродукторов гремела «Баксанская». Я слушал ее с ощущением, что все это мне снится, — так долго я сюда стремился, так хотел попасть сюда, так счастлив был и взволнован, —

«Помнишь, товарищ, белые снега, стройный лес Баксанский, блиндажи врага, помнишь гранату и записку в ней...»

Но одновременно мне слышался и другой напев, kloкочущий, негромкий, далеко не столь известный:

«Я помню, какой была эта высота, сколько вражеских ударов она выдержала...»

Теперь я уже знал, что такое Баксан. Баксан — длинный, есть по его течению и красивые грозные ущелья, и равнины, совсем как где-нибудь под Ленинградом или на Волге. Это ведь как и в жизни: у каждого из нас свои Эльбрусы и свои «девятьсот десять», не на всякой карте обозначенные, — но и там и здесь одинаково важно не оплошать, не сдать и до конца исполнить свой долг.

Последнее письмо

Ну вот, КОСтя, и заканчивается наше путешествие... Завтра мы вылетаем из Нальчика в Ленинград и, наверное, обгоним это письмо, и оно прилетит нам вслед, немного запоздав...

Сегодня рано утром я вышел из гостиницы, сел в трамвай, идущий за город, и сошел почти в том самом месте, где город кончается и начинаются сады и поля, а потом курчавая зелень кустов взбирается на ближние, еще пологие склоны гор. Отсюда видны и дальние горы, вся гряда гор — синяя, фиолетовая, черная, голубая и белая. И видно, как дороги протянувшиеся от равнин Ставрополя и Краснодарщины, уходят в горы и теряются в темных пространствах лесов, снова появляются и белеют тысячелетней пылью по обрывистым

граням и поднимаются все выше и выше — к вечным снегам и лдам, к перевалам.

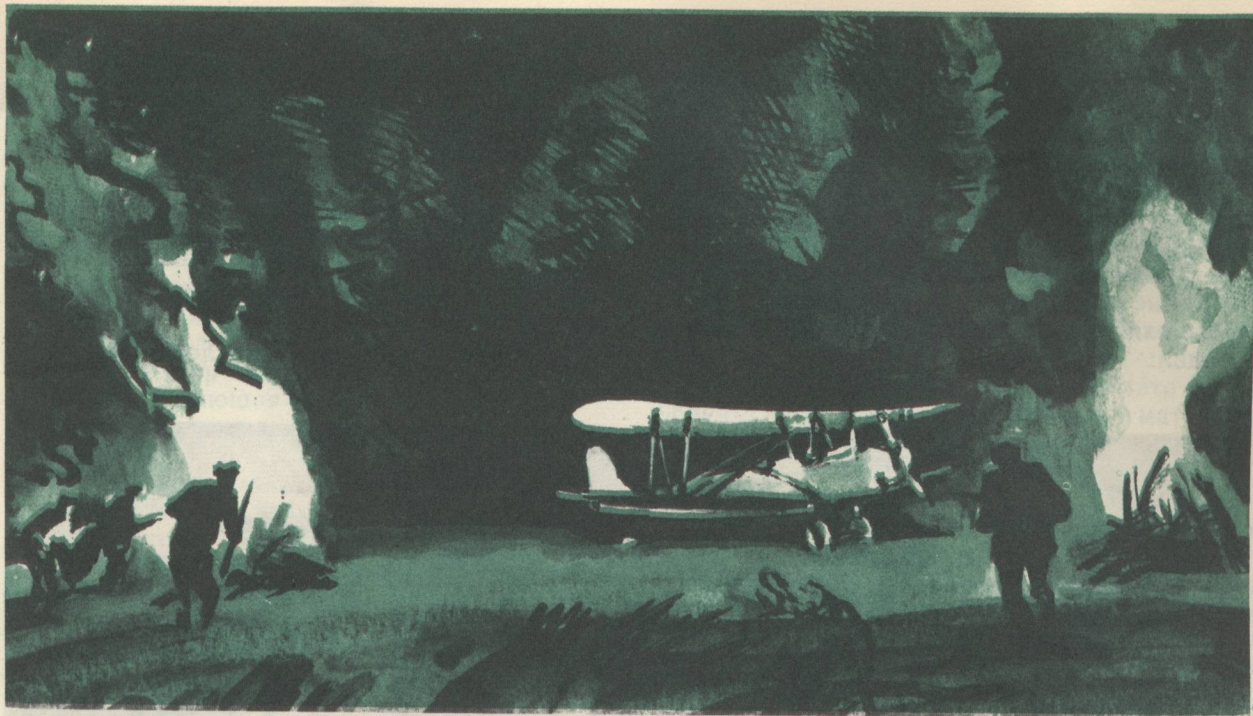
И знаешь, КОСтя, что почувствовал я, Командор, уже уставший от всех забот путешествия, от всех гостиничных хлопот, от билетов, от составления маршрутов, от сроков, в которые не укладываешься? Знаешь ли ты, что захотел я страстно, всей своей душой, уставшей от вечного гудения автомобильного мотора, от лиц, имен, названий аулов, рукопожатий, от летящей под колеса ленты шоссе?

Я захотел, КОСтя, только одного — подняться по этим дорогам выше и выше, чтобы увидеть, что там, за этими снегами и за этими перевалами... Так уж, наверное, устроен человек...

На этом кончаю письмо. До встречи в Ленинграде!

Твой Командор.

ПАРТИЗАНСКИЙ ВРАЧ

В. Лебедев

Рисунки Ю. Шабанова

В ту ночь снова никто не спал.

С двенадцати часов сигнальщики проверили в последний раз три кострища на поляне. Сухой хворост — три огромные кучи — оставалось только облить керосином и поджечь.

— Иметь запасные спички! — послышался в темноте голос командира. — Коркин? Где Коркин?

— Я тут, товарищ командир! — где-то рядом ответил Иван.

— В караул ушли по двое?

— По двое!

— Хорошо... Вавилов!

— Тут Вавилов! — послышался испуганный голос Сашки Перца.

— Принести к каждому костру по ведру воды! После посадки самолета костры тотчас потушить!

— Понятно, товарищ командир! — и только осторожный топот после этих слов да тонкий звон ведра...

К часу ночи напряжение достигло предела. Все были на местах, никто не ходил по лагерю без нужды. Приказано было не разговаривать и слушать, когда возникнет гул мотора. Все слушали, и только тогда, когда кончалось терпение, кто-нибудь шепотом спрашивал, сколько времени.

Глава из повести «Его позвал Гиппократ». Книга будет выпущена в свет издательством «Детская литература» в 1973 году.

Случилось как-то так, что одна группа партизан во главе с командиром была на поляне, а вторая — осталась у землянки санчасти. Эти, вторые, как бы желали скрасить одиночество раненого летчика, за которым, еще не известно, придет ли самолет...

— Вдруг и сегодня не будет? — прошептал кто-то, осторожно посвечивая самокруткой.

— Не каркай! — одернул Иван Коркин.

Самокрутка юркнула во тьму.

— Андрейка, сколько времени? — у самой шеи прошипел Сашка Перец.

— Десять второго, я только смотрел, — ответил Андрейка, но все же попросил кого-то курнуть у него над рукой, и в свете окурка над часами склонилось сразу несколько голов.

— Скоро... — прошептал Василий, сидевший рядом с Андрейкой.

— А чего не вчера?.. — спросил Иван.

— Линия фронта — не шутка для двукрылого огородника, — ответил Василий со вздохом.

— Подождем и неделю, — встрял Сашка Перец, — только бы прилетел.

Но недели ждать не пришлось.

На Андрейкиных часах было двадцать пять второго, когда Василий воскликнул:

— Слышите?

— Ага! Есть! — тотчас ответил Сашка.

— Чего-то не пойму... — усомнился кто-то.

— Тише!

Все притихли на несколько секунд. Замерли, затаив дыхание, не шевелясь. Где-то тихонько потрескивало.

— Не слышу! — с досадой выдохнул Иван, оглушенный в бою на полустанке.

— Да вы слушайте — над лесом где-то идет! — снова сказал Василий, а через минуту звук мотора слышали уже все.

— Тихо, тихо! Послушаем, как шумит! Вдруг не наш?

С поляны прибежал посыльный и предупредил:

Минуты через три послышался снова звук мотора. Все замерли, прислушиваясь.

— Вернулся, что ли?.. — прошептал кто-то.

— Не должно быть...

— А вдруг?

— Это если точно знает наше место...

Звук приблизился. Вот самолет вышел на круг немного в стороне и теперь кружит над лесом.

— Вроде наш... — предположил Василий и осекся.

Несколько дней назад над лесом тоже про-

— Полная светомаскировка! Приказ командира!

— Самолет же! — в один голос сказали несколько партизан.

— Это проходит немецкий разведчик! Огни высматривает, чтобы засечь нас. Послушайте звук!

Звук действительно был чужим — прерывистым, осиным.

— Вот дьявол! А? Зажгли бы костры — и засек!

Немецкий самолет прошел, и вскоре звук его затих в противоположной от железной дороги стороне.

— В глубину лесов пошел, — сказал Василий.

— В глубину... — отозвался Сашка Перец, и Андрейка подумал, что он кивнул во тьме.

ходили самолеты. Раза три — немецкие, один раз наши ночные бомбардировщики шли в немецкий тыл, а через четверть часа партизаны слышали, как эти бомбардировщики обрабатывали какие-то объекты в прифронтовой полосе.

— Опять зашел на круг! — прошептал Василий и только успел это сказать, как на поляне ярко вспыхнул костер, за ним — второй и сразу же третий.

— Ура! — негромко воскликнул Андрейка.

— Тише, ребята, тише! — взволнованно повторял Василий. — Берите оружие — и к поляне! Вдруг что...

Все разбежались, только Андрейка не решился убежать, не заглянув к Павлу.

— Павел! — шепотом позвал он, втайне надеясь, что тот спит.

— У?! — тотчас отозвался летчик.

Андрейка понял, что он тоже ждет.

— Павел, я сбегая к самолету, а?

— Беги...

Андрейка прибавил света в лампе, прихлопнул дверь, чтобы ни один комар не залетел, и кинулся к поляне.

Самолет уже сочно трещал над самыми вершинами, делая последний, прицельный заход. Еще считанные секунды — и он огромной темной стрекозой заревел уже ниже леса, уже в пределах поляны. Было видно, как он толкнул колесами землю, запрыгал и подкатил к кустарнику. Мотор чихнул и замер. Сразу же наступила угнетающая тишина.

Костры еще горели яростно, и потому было хорошо видно, как в кабине качнулись головы людей. Осторожно откинулся один колпак и вместо человека показался ствол пулемета.

«Что такое?» — изумился Андрейка.

Партизаны, стоявшие полукругом, вскинули автоматы и винтовки, а в это время к самолету шел один командир.

Наступила самая отчаянная минута. Но вот в полной тишине было обронено у самолета несколько слов, после чего Андрейка увидел, как ствол пулемета убрался в кабину. Сразу же открылась и кабина пилота. Потом послышались веселые голоса, и вот уже командир, трясущий руку пилоту, скомандовал:

— Тушить костры!

— Тушить! — радостно пронеслось по партизанскому полукругу, и десятки ног затопали по поляне.

— Ручьев в землянке? — спросил командир кого-то.

— Тут был.

— Ручьев!

— Андрейка-а! — заорал Сашка Перец.

— Да тут я! Вот я! Чего орешь?

Андрейка приблизился к самолету. На лице он ощутил ток теплого воздуха, идущего от остановившегося мотора. Упоительно-сладко пахло бензином... Во тьме, наступившей снова, копошились у самолета люди, кричали, оттакая в сторону, в кусты, что-то тяжелое.

— На покатах бы надо откатить, на покатах! — слышался сквозь одышку голос Сашки Перца.

— Так донесем, — сопел Василий.

— Тихо ты на ногу-то, черт!

От самолета отошли двое. Андрейка сразу не распознал, кто они, и только после того, как командир позвал его, стало ясно, с кем он идет.

— Ручьев!

— Я тут!

— Проводи доктора к раненому!

— Есть! — радостно ответил Андрейка.

Он шел впереди. Продрался через кусты, вошел в расположение самого лагеря, удивля-

ясь, что доктор не отставал, хотя и тащил два чемодана или ящика — во тьме было непонятно.

— Сюда дайте! — Андрейка первым нырнул по земляным ступеням вниз, открыл дверь. — Сюда, смелее!

— Да я не боюсь, — ответил доктор.

Андрейка подмигнул Павлу, показал ему большой палец, что все, мол, в порядке, и прибавил в лампе огня.

— А тут темно, однако... Принеси еще лампу!

Он открыл чемодан и стал деловито вытаскивать инструменты и перевязочный материал.

— Что стоишь? Неси еще лампу!

— Больше нету, — ответил Андрейка, расставаясь с тем счастливым восторгом, с которым он привел доктора. «И чего рычит? Не в больницу прилетел...»

Доктор вздохнул, продолжая раскладывать инструменты, бутылочки, блестящие баночки и разные непонятные мелочи. Андрейка смотрел на все это сначала с интересом, а потом и с восторгом, радуясь, что наконец-то Павлу станет легче. Обо всем остальном — о том, какой доктор, улетит он сейчас насовсем или останется, будет учить или нет, — обо всем этом Андрейка пока не думал.

— Где помыть руки?

— Сюда!

Андрейка зачерпнул кружку воды, подал мыло.

«Не пойму, что за человек...»

— Что, накупался?

— А что? — удивился Андрейка.

— Или сахару много ел?

— Не ел.

— А чего зубы завязаны?

— Ранен я, — ответил Андрейка, глянув на доктора исподлобья, и веско добавил, вспомнив слова Анны Васильевны: — Сквозное пулевое!

— Ого! Обе щеки прошло?

— Обе.

— Феноменально... Где полотенце?

Андрейка помедлил, воровато пошарил глазами по землянке, потом подавил конфуз и выдернул подол своей рубахи.

— Во! Чище нету.

Доктор внимательно и долго смотрел на хозяина землянки, потряхивая в воздухе кистями вымытых рук, затем вздохнул и отошел к своим чемоданам. Там он достал белое, как снег, полотенце, присел на постель, на которой умер Николай, и долго всматривался в лицо Павла.

Андрейка смотрел на доктора из угла.

Вот он встал, сухощавый, етулый, надел белый халат. Глаза огромные, черные, задумчиво блуждали теперь по землянке, будто избегая встретиться с глазами Павла.

— Как тебя зовут? — негромко обратился он к Андрейке.

— Ну, Андрейка...

— Поставь-ка, ну-Андрейка, чурбан на скамейку, а сверху — лампу водрузи! Да поближе к больному! — он подождал, когда свет будет установлен правильно, и снова обратился к Андрейке, как приказал: — Сбегай к самолету, скажи там, чтобы готовили носилки минут через тридцать!

Андрейка исполнил все, как ему было поручено, и вернулся в землянку.

Врач даже не повернул головы. Он развязал самую опасную рану Павла и сквозь зубы цыкнул на Андрейку:

— Выйди, не пыли!

Андрейка остолбенел у входа, ничего не понимая, будто его ударили неожиданно по лицу. «Явился... Командует тут, а сам улетит сейчас. Сдрейфит. Я тут хозяин, не выйду...» — пронеслось в голове Андрейки, и он ответил вслух:

— Не выйду!

Уши доктора вдруг стали в свете лампы прозрачные и красивые, как флаг на солнышке.

«Пусть бесится, а я все равно не выйду, пока командир не прикажет...»

Однако доктор сдержался, а через минуту спросил:

— Чем эта рана была привязана?

— Настоями и листом...

— А кто мудрил?

— Я... мудрил.

Врач откинул на пол старые бинты и недоверчиво повернулся к Андрейке.

— Да кто же тебе разрешил заниматься этим делом? Ведь это не шутка, тут жизнь человека...

— Для жизни и делано, а не для смерти!

— Кто же тебя учил этому юродству?

— А это — мое дело! Кто учил! — не выдержал Андрейка. — Раскричался тут... Павел умирал, а вас ищи-свищи...

— Уму непостижимо... Уму непостижимо... Выжить с таким ранением без медицинской помощи!

Павел, лежавший с полуприкрытыми глазами, слегка шевельнулся, лицо его пошло красными пятнами, и он отчетливо, хотя и прерывисто, проговорил:

— Дед и он... спа-сли ме-ня...

— Хорошо, хорошо! Не надо разговаривать! — врач бережно и ловко вытер пот с лица Павла и принялся за перевязку.

Сначала он еще раз осмотрел рану, прощупал всю область поражения, сказал: «Тут за пулей не нырнешь...» — и стал обрабатывать рану спиртом. После этого он открыл бутылочку, намочил ватно-марлевый тампон чем-то ярко-желтым и смело приложил к ране.

Андрейка стоял у входа, приподымался на носки, заглядывая через плечо врача.

— Та-ак, та-ак... — уже мирно ворчал красноухий. — Ты, выходит, тоже врач?

— Гм! — Андрейка переступил с ноги на ногу, что означало: не нуждаюсь в похвалах!

— Тогда подойди ближе. Ассистируй, только руки помой.

— Уже мыл давно! — все еще с холодком ответил Андрейка.

— Давно — это не мыл, по-медицински!

Андрейка вымыл руки с мылом, смело подошел к полотенцу доктора и вытер руки.

— Где спирт? — спросил он, дивясь своему нахальству.

Доктор почему-то не удивился. Он лишь отвлекся на несколько секунд и подал флакон со спиртом. Андрейка обтер ладони этим жгучим и одновременно охлаждающим чудом.

— Придержи!

Андрейка придержал конец бинта.

— Прими!

Он осторожно подсовывал свою тонкую кисть под спину Павла — теплую, знакомую, с темными точками родимых пятен — и так же осторожно выводил бинт на свою сторону, передавал его врачу.

— Та-ак... Хорошо... А сейчас, на дорожку, надо поддержать организм глюкозой... Подайка автоклав!

Андрейка растерянно осматривал стол, заваленный десятками блестящих мелочей.

— Вон-вон, баночка длинная! Во!

У Анны Васильевны, вспоминал Андрейка, не было с собой таких инструментов, иначе она научила бы разбираться в них. Андрейка сожалел об этом, но, сожалея, стремился хоть сейчас вынести из этой встречи с врачом все, что только можно. Он жадно следил за каждым движением врача. Вот он достал шприц.

— Умеешь? — спросил Андрейку.

— Нет, — честно признался тот.

— Учись... Шприц уже продезинфицированный, иглы — тоже. А это — он показал на толстую пробирку, в которой колыхалась светлая, прозрачная жидкость, — это, значит...

— Глюкоза! — опередил его Андрейка.

— Верно! А ты откуда знаешь?

— Сами сейчас сказали.

— Молодец.

При этих словах Павел чуть улыбнулся и перевел длинный вздох облегчения.

— Ничего, ничего! Сейчас мы и боль снимем, — сказал ему врач, расценив этот вздох по-своему. — А пока — глю-ко-за!

Он словно играл теперь. Взял весело руку Павла, ловко перевязал ее красным шнуром выше локтя.

— Можно немного поработать пальцами? — спросил он раненого.

Павел пошевелил пальцами, сжимая их в кулак и разжимая, и тут произошло неожиданное: жилы руки, на самом сгибе ее и ниже, вздулись, как синие веревки.

— Хорошо... — удовлетворенно заметил врач.

Он набрал в шприц глюкозы, предварительно обломив конец ампулы, и ловко ввел иглу в жилу.

— Хорошие трубы...

Он чуть потянул поршень на себя — кровь вошла в шприц и покрасила глюкозу у самой иглы, потом он медленно надавил на поршень и глюкоза за какие-нибудь полминуты вся была в крови Павла, в его жилах. На месте ввода иглы показалась капля крови. Доктор приладил туда маленький тампон со спиртом и попросил Павла согнуть руку, зажать тампон.

— Перец у нас тут есть другой — Сашка.
— Ты тоже не хуже перца, а вот пойдешь учиться в институт, увидишь там покойника — и убежишь!

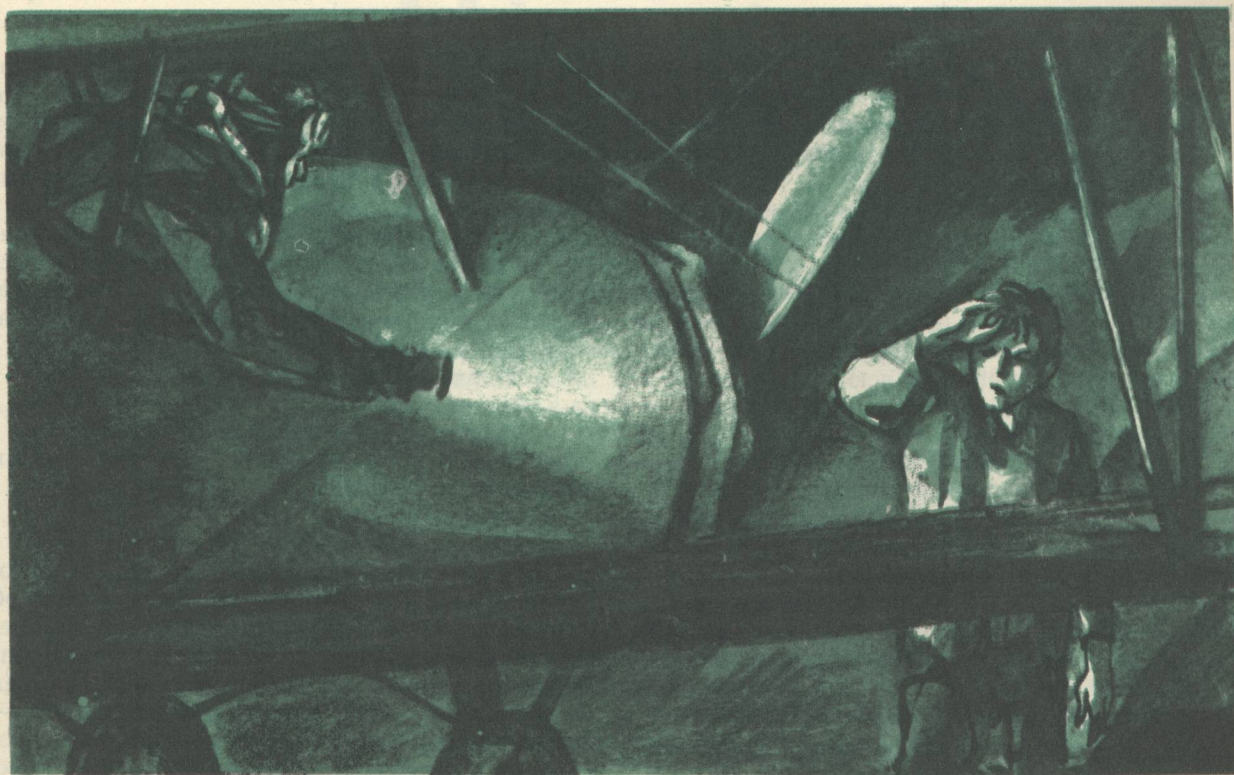
— Видел я покойников побольше других и не убежал чего-то!

— Ну, не ершишь! Верю...

Врач, однако, не стал пока делать второй укол. Он спросил:

— Как остальные раны?

— На ноге — пустяк; сквозное в мякоть. Уже не гноится.

— Хо-ро-шо... — с расстановкой проговорил он и вдруг задумался, словно прислушиваясь.

— Как думаешь, Андрейка, артерию подключичную не перебило?

— Нет.

— Почему ты думаешь?

— Если бы ее перебило — давно бы беда...

— Разумно... Молодец ты, Андрейка.

— А еще дед Корней смотрел — кровь не ташла.

— Ах, вон оно что! Дед и по крови умел определять?

— Он все умел!

— А ты?

Андрейка скромно пожал плечами.

— Доктором хочешь стать?

— Не хочу, а буду!

— Гм! Ну и перец ты, брат! — врач тем временем доставал другой шприц и маленькую ампулу с какой-то другой жидкостью.

— А в боку?

— А в боку тоже... как ее? Почти касательная... — вспомнил он выражение Анны Васильевны. — Привязано это... отсасывающее. Да вы посмотрите!

Доктор взглянул на часы.

— Нет, не успею: самолет должен до рассвета вернуться, а там — сразу в госпиталь. Немного осталось... Ну, что, герой, больно?

— Нем-но-го...

— Крепись! Главное, брат, жить теперь будешь, а боль на дорогу я сейчас сниму. Спать дорогой будешь! Смотри, Андрейка, вот это морфий, наркотическое. Усыпляет, и боли раненый не слышит.

— Опять колоть! Я и без укола усыплял настоем.

— Ты брось мне эти штучки! Хочешь стать доктором — учись серьезному делу! Вот смотри!

Доктор сделал Павлу укол морфия, в ту же руку, под кожу, и стал собирать инструменты

— Прощайся, а то сейчас уснет!

Андрейка подошел к Павлу.

Раненый смотрел на него из-под полуприкрытых век. Андрейка думал, что Павел разволнуется, но эти опасения были напрасны: он лежал спокойно — начал действовать морфий.

— Павел!

Ресницы чуть дрогнули, он широко открыл глаза.

— Прощай, Павел...

— Андрей-ка... нак-ло-нись...

Павел медленно поднял слабеющую уже руку, ладонью привлек Андрейку к себе.

— Спа-си-бо... друг... Пом-ни...

— Все помню, Павел.

Доктор вышел, а у землянки раздалась голоса, двое партизан появились с носилками.

— Андрейка! Скорей, сказали!

— Осторожнее!

Втроем положили Павла боком на носилки и понесли. Андрейка шел впереди, нащупывая дорогу.

Самолет стоял на старте. Его уже развернули за хвост, и теперь он должен был бежать по расчищенной поляне в другую сторону. Летчик с фонариком прошел всю трассу разбега, подошел к командирю.

— Порядок!

— Тогда — в добрый час!

Они пожали друг другу руки.

Андрейка в последний раз пробился к Павлу, когда его носилки готовились поднять в самолет, но летчик уже уснул.

— Эй! — дернул Андрейка какого-то партизана в темноте. — Лучше положите его! Да под спину подушку, а то рана у него на боку! Слышишь?

— Слышу! — ответил голос доктора.

Андрейка не смутился и постучал по самолету под самой кабиной пилота.

— Эй! Слышишь?

— Что такое? — высунулся пилот, разглядывая маленькую фигуру во тьме, но ничего не увидел и осветил Андрейку фонариком, прямо в лицо.

— В чем дело? — уже удивленно спросил пилот.

— Поосторожней, смотри! В ямину не ввалились!

— В воздухе только воздушные ямы! — улыбнулся пилот.

— Ладно, ладно умничать! На аэродроме не трянуло бы!

— Все будет в порядке, командир! — опять с усмешкой сказал пилот, и это заело Андрейку.

— Не ящики везешь — человека! — ядовито заметил он. — И не какого-нибудь там, а героя, понимать надо!

Эта поговорка, оставшаяся Андрейке от дедушки Корнея, совсем покорила летчика. Он перегнулся из кабины, протянул мальчишке руку.

— Будь спокоен, дружище! Прощай!

— Счастливого пути! — ответил Андрейка.

— Разойдись! — послышалась команда командира. — Зажечь один костер!

Под густой развесистой елью, невидимый сверху, вспыхнул одинокий костер. Он осветил поляну. Прошла еще минута, взревел мотор, а еще через минуту самолет побежал по поляне, незаметно оторвался от земли в самом конце взлетной полосы и над кустами, над макушками елей канул в темное небо.

— Тушить костер!

— Есть тушить!

Снова наступил мрак. Можно было расходиться по землянкам, но никто не уходил. Все слушали шум мотора. Летчик сделал разворот и, не набирая высоты, над самым лесом, пошел в сторону фронта, в сторону Большой земли, которая помнила о людях в лесах.

Андрейка в последний раз увидел, как тонкой змейкой блеснуло легкое пламя из раструбка выхлопной трубы и побрел к землянке. Кругом слышались шаги партизан, их голоса.

— Теперь живем!

— Новую взрывчатку доставили!

— Теперь что!

— Автоматы всем выдадут?

— Держи карман шире! Надо немецкими воевать...

— Когда операция?

— Завтра, наверно...

Андрейка медленно шел, вслушиваясь в голоса. Провожая Павла, он даже забыл об опасности, что командир отправит его самолетом в тыл, и сейчас, испугавшись задним числом, радовался: теперь он в отряде. «Да куда им без меня? — пустился он в рассуждения. — Отряд — такое дело, что в любой момент потребует перевязка, а кто будет делать? Доктор смотался... Вон Иван Коркин с пустяковой царапиной, а завтра все равно придет, хоть и бахвалился...» Сегодня ему хотелось поговорить еще с Сашкой Перцем или с Василием, и он уже направился было отыскать в темноте их землянку, но тут раздалась команда:

— Отбо-ой!

И все стало стихать в лагере.

Андрейка нашел свою землянку и стал грустно спускаться по земляным ступеням.

— Закрой плотнее дверь: комары! — услышал он голос доктора.

— Так вы здесь?! — удивился Андрейка, увидев доктора уже на заправленной новыми простынями койке.

— А где же мне быть? Ложись. Туши лампу! Спокойной ночи!

— Спокойной... — рассеянно ответил Андрейка, еще не зная, что ждет его завтра.

"РА-2" ПЛЫВЕТ К БЕРЕГАМ БАРБАДОСА

Ю. Сенкевич
Рисунки В. Топкова

Тогда же Жорж сообщил, что под лодкой нашел себе приют группер — рыба длиной в полтора метра — и что он очень дружелюбен. Мы нарекли его Нельсоном и решили не убивать.

Голубь очень скоро к нам привык. Мы выпустили его из клетки, и он живет свободно. Видимо, улетать не намерен. Назван он Юби, в честь знаменитого мыса.

Иногда Юби отлетает от лодки, но, сделав два-три круга, быстро возвращается назад. Недавно он чуть было не стал добычей двух хищных птиц, но вовремя улизнул и сел на хижину.

Хищные птицы совершенно не испугали Синдбада. Он сидел и дремал на носу. Кормит и поит Синдбада Жорж. Он не перестает удивляться синдбадовой глупости и почти каждый день с тоской вспоминает того, прошлогоднего нашего Синдбада, который, по всеобщему мнению, был значительно умнее и понятливее.

Днем нынешний Синдбад важно расхаживает по палубе, а ночью спит в корзинке-люльке, которая подвешена на носу. Он очень серьезный, неторопливый и сердитый. До сих пор он к нам не привык и сердится, недовольно крикает, когда кто-либо подходит слишком близко.

11. НАШИ ПАССАЖИРЫ

Ночь была тишейшей, лодка едва двигалась, ярко светила луна. Вдруг какая-то птица ударилась о парус, скользнула по нему. Взлетела. Сделала круг. И снова опустилась на крышу хижины.

Я позвал Санти, он дал мне сачок, и через минуту птица была поймана. Это оказался голубь, почти такой же, как наши сизари. На лапке у него кольцо, на кольце дата — 1968 г. и надпись «Испания». Так нас стало одиннадцать.

Одиннадцать потому, что среди кур вновь оказалась утка, и мы, как и в прошлом году, оставили ее и нарекли Синдбадом.

На следующий день к нам залетела еще одна птица, невероятно пестрой окраски, с длинным клювом. Никто из нас не знал, как она называлась. Она сидела на мачте, куда Норман подал ей поесть и попить в кружке. К вечеру «пеструха» спустилась вниз, залезла между крышей хижины и платформой и уснула.

На этом визиты пернатых не кончились.

Через сутки нас навестила еще птичка, на этот раз малюсенькая, вроде синицы, а с ней — две подружки. Они принялись чистить нашу лодку, ловить мух и жучков, что в изоляции водятся на борту.

Продолжение. Начало см.
в «Костре» № 11.

12. СУДОВОЙ ВРАЧ ВЕДЕТ ПРИЕМ

Джо утром сказал мне, что не спал из-за боли в пальце. Я посмотрел: нарыв небольшой, но лучше вскрыть. Итак, первая операция на «Ра-2»!

К операции готовились обстоятельно. Санти был наряжен операционной сестрой, я опоясался полотенцем и веревкой.

Карло и Кей навострили объективы. У них зрел план точных съемок.

По их замыслу, Санти должен был подать мне спирт и салфетку для дезинфекции рук, затем я попрошу у него резиновые толстенные перчатки, на манер тех, что используют электромонтеры.

Тур поглядывал на нас, как няня на расшалившихся ребят.

Начал давать анестезию — и чувствую, что шприц не идет. Он маломощный, слабенький, из пластмассы, — ничего не получается!

— Потерпишь, Жорж?

— Потерплю, давай скорее.

Сделал быстрый разрез, Жорж заорал неистово, — тем и кончилась его болезнь.

13. ПРИШЛОСЬ МНЕ ПОРАБОТАТЬ И ВЕТЕРИНАРОМ

Лечил Сафи — у нее на мизинце ноги содрана кожа, палец распух, кровоточил и гноился. Обработал, перевязал, потом обмотал всю ступню лейкопластырем и бинтом. Бедняжка долго хромала. Перевязывал я ее четырежды — четыре повязки она умудрилась содрать.

14. ЕЩЕ О САФИ

Днем она сидит на привязи возле капитанского мостика и старается что-нибудь стащить. С наступлением сумерек Жорж переносит ее в ночную резиденцию — специальный ящик с поддоном, который подвешен к потолку хижины. В этом ящике она спит вместе со своей любимой игрушкой — смешной и безобразной резиновой лягушкой.

Жена Тура Ивон говорила мне, что она предлагала Сафи множество игрушек, но обезьяна либо бросала их, либо ломала. А эту — полюбила и обращается с ней любовно и нежно, как с детенышем.

Однажды я по безработице отвязал Сафи от цепочки, на которой она обычно сидит днем, и, привязав на длинную веревку, пустил обезьяну гулять по палубе. Она резвилась на вантах, бегала по крыше хижины и мостику; Кей, конечно, ее снимал. Внезапно веревка развязалась, Сафи обрела свободу и пулей взлетела на верхушку мачты. Мы замерли от страха, ведь Тур не переживет, если Сафи упадет за борт. А он уже увидел ее с мостика и стал нам кричать, что Сафи на свободе, но мы и так

прекрасно это знали. Мы приманивали ее фруктами, орехами, конфетами... Ничего не помогало. Она сидела, весьма собой довольная, и, видимо, не собиралась спускаться. Наконец нас осенило: Санти принес игрушку. Увидев лягушку и услышав ее жалобный писк, Сафи моментально спустилась вниз и схватила ее. Тут беглянку и изловили.

Иногда мы устраиваем ей купание. Вначале она недовольна, но после — счастлива и любовно чешет свой ставший пушистым мех.

15. КОНЦЕРТ В „КЛУБЕ „РА-2“

«Концерты» возникали у нас всегда стихийно, обычно после ужина и обязательно в тихую погоду.

Первый «концерт» состоялся почти сразу после отчаливания, 20 мая.

Санти и Жорж устроили представление на носовой палубе. Оба «артиста» пели и плясали, наряженные в тельняшки. Зрители корчились от смеха.

Спустя неделю, вечером, solo выступил Карло. Когда после ужина все уселись на заваulinke и болтали о том о сем, Карло принес губную гармонику и полчаса наигрывал очень недурно.

Еще спустя неделю мы выяснили, что из нашего экипажа можно образовать неплохой хор. Мы чуть не до полуночи дружно разучивали песни разных народов, великолепно спелись — и сколько раз еще во время плавания звучали на палубе веселые и грустные мелодии!

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА

15 июня
Ход хороший.
Месяц в океане. Влажно
и душно.

18 июня
Солнечно. Шторм. Огромные
волны. Авария — поломка
весла.

19 июня
Сильный ветер. Лежим

в дрейфе. Сделано 35
миль.

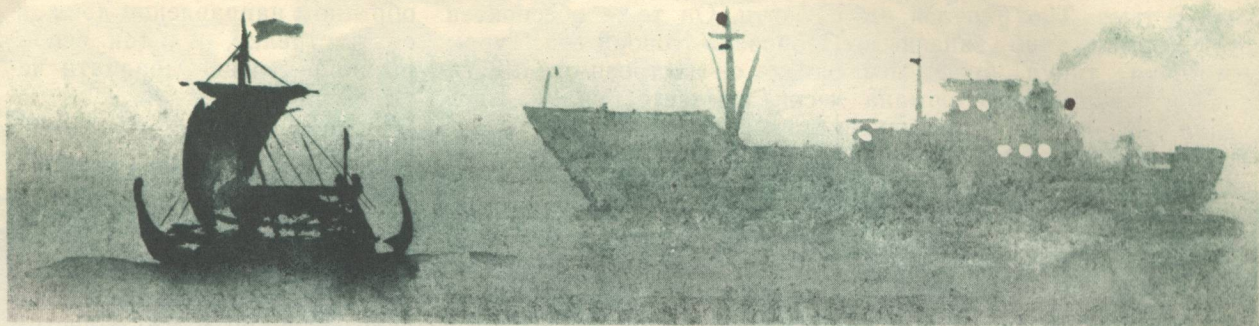
20 июня
Океан угрюм. Идем под
парусом.

22 июня
Прояснилось. Подняли
полный парус. Миновали
40 меридиан — вышли в Западное полушарие.

25 июня
40 дней в пути.

28 июня
Трудный ветер. Лодку за-
носит.

29 июня
Ясно.

16. ВСЕ МЫ — ПОВАРА

Как и в прошлом плавании, главным поваром был Карло Маури. А мы ему помогали в меру сил.

Однажды Кей весьма порадовал нас, приготовив японский суп, рис и салат. Он трудился часа два, как всегда кропотливо и добросовестно, и был искренне рад, когда мы единодушно хвалили и благодарили его.

Жорж, когда был в настроении, готовил всевозможные деликатесы, изумляя нас своими способностями и знанием французской кухни. Когда праздновали переход в Западное полушарие, Жорж морочил нам головы три часа, готовя какое-то несусветное блюдо. Оказалось — черные сухари, поджаренные с сыром, и овсянка с изюмом.

По поводу американского праздника — Дня независимости — Норман приготовил яичницу с беконом. Он делал это с огромным удовольствием и старанием и объяснял, что для правильного стряпания яичницы надо поджарить сначала бекон, потом слить расплавленный жир, подсушить бекон и лишь тогда бросать на сковородку яйца.

17. ВСТРЕЧИ В ОКЕАНЕ

Только кажется, что океан пустынен. Встречи, и самые разнообразные, происходили у нас едва ли не каждый день...

Однажды слева у кормы мы увидели небольшую акулу. Джо решил заняться ее ловлей и притащил громадный крюк, на который мы нацепили здоровенный кусок колбасы и опустили в океан. За бортом крюк болтался почти сутки, но без всякого эффекта. Акулу удалось увидеть еще раз ночью, вернее вечером, но она лишь подошла на свет наших фонариков и скрылась.

Следующая встреча была во время подводной прогулки Тура и Джо. Они столкнулись «лицом к лицу» с сопровождающими лодку тремя рыба-лоцманами.

На двадцать девятый день путешествия появились «португальские линейные корабли» — эти страшные медузы. Одну мы видели совершенно невероятных размеров, ее парус-поплавок был величиной со среднюю дыню.

18. „ОН СКАЗАЛ „ТИ-ТИ-ТИ“?“

Ночью с пятого на шестое июля нас разбудил Джо. Прямо на лодку шел корабль. Он догонял «Ра-2» справа. Мы вылезли на крышу и стали освещать фонариками парус. Вскоре с корабля нас заметили. Судно обогнало «Ра» и стало сигнализировать светом.

— Что он сказал? — спросил Тур.

— Я не знаю (Морзе для меня — темный лес).

— Он сказал — ти-ти-та-та?

— Тур, я не знаю.

Через некоторое время:

— Юрий, может быть, он сказал: та-та-ти-ти-та?

— Тур, — заорал я, — извини, но я не могу его понять.

Позднее мы хохотали до колик, вспоминая этот эпизод.

Все же мы продолжили наши переговоры, объяснили, кто мы, заявили, что помощь нам не нужна, пожелали друг другу приятного путешествия и разошлись.

19. НЕЛЕГКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ ДЕНЬ

Ровно год назад в океан вышла папирусная лодка «Ра-1». Утром, когда появился Тур, я спросил его:

— Ты помнишь, что сегодня большой праздник?

Он призадумался, потом лицо его осветилось.

— Мы стартовали?!

— Да.

Ветер дул отменно, и лодка ходко шла по волнам.

После завтрака занимались ревизией продуктов.

Норман решил переместить генератор с носа на корму, а Тур и Кей приспособили под мостиком подвесной моторчик для «Зодиака», который до сих пор не имел постоянного места.

Я постоял на вахте, потом вздремнул часок, потом вновь забрался на мостик.

К вечеру разгулялся ветер. Чем становилось темнее, тем он был крепче. На вахте был Кей, Тур, уходя спать, спросил его: «Как дела?» — «Все нормально». Но через пять минут

мы слышали хлопанье паруса. Вылетели на палубу. Кроме тьма. Тур ринулся на нос, Норман греб запасным веслом, я тянул брас. Все кричали и суетились. Нормана сменил Жорж, но безрезультатно, парус бешено бился, и рей колотил по верхушке мачты. Лодка трепетала под напором ветра и волн. Решили выбросить морской якорь. Океан ревел, волны захлестывали правый борт, и через минуту я вымок до ушей. Весло рвалось из рук, и раза два меня приподняло над палубой. Только страховочный фал спас, натянувшись и врезавшись в живот. Я греб минут пятнадцать, лодка начала разворачиваться, вот она приняла нормальное положение. Я бросил весло и стал отпускать натянутый брас, чтобы вернуть парус на место, но мы забыли о плавучем якорь — он развернул лодку вновь. Нужно начинать сначала. Прошло часа полтора, прежде чем все стало на место. Ветер дул со страшной силой, и лодка неслась со скоростью не менее четырех узлов. Одному вахтенному было не удержать лодку на курсе. Так мы и простояли эту ночь — по двое.

Кей был очень расстроен, и нам стоило немалых усилий убедить его, что виноват не он, а перемена ветра, и что это случилось с нами почти каждый день на «Ра-1».

20. ПЛАВУЧЕСТЬ, ПЛАВУЧЕСТЬ И ЕЩЕ РАЗ ПЛАВУЧЕСТЬ...

...И все-таки папирус пропитывается водой. Лодка стала оседать.

Нос и правый борт заливают вода, правда, она тут же уходит в промежуток между «сигарами», но от этого не легче, папирус успевает намокнуть.

Долго говорили с Жоржем по поводу носа, который погру-

жается в воду глубже и глубже. Подобную же беседу я имел с Санти. Он тоже обеспокоен. Пробовали говорить с Туром, однако он настроен оптимистически, ссылается на индейцев, которые обещали, что лодка будет плавать шесть месяцев. Правда, индейцы не имели представления об океанских волнах и о нашем грузе... Как бы там ни было, но последние два дня мы нервничали и не понимаем спокойствия Тура.

Чтобы заслониться от волн, мы соорудили справа у мостика брезентовую защиту.

Одновременно с этим мы подтянули веревку на корме и на носу, чем фиксируем изгиб носа и кормы.

Правда, «Ра-2» в океане уже 28 дней, а ведь на «Ра-1» через 25 дней мы уже пилили спасательный плот. И корма была залита полностью.

Однако к сороковому дню путешествия погружение стало угрожающим.

Теперь у Тура очередной «пунктик» — плавучесть. Каждый день придумывает он новые и новые уловки, чтобы использовать все, что плавает. Сейчас категорически запрещено выбрасывать за борт папирус, даже маленькие его кусочки, не говоря уже о деревяшках и кувшинах.

Плавучесть, плавучесть и еще раз плавучесть... Тур оказался прав: плавучести «Ра-2» хватило до Барбадоса.

21. ЧТО ТАКОЕ ВАХТА

Люблю вахты. Эта работа доставляет мне удовольствие. Процесс управления лодкой, если нет шторма, не сложен — знай поворачивай весло.

Первые несколько минут чувствуешь себя не очень уверенно, но потом постепенно срастаешься с кораблем, мостиком, веслами, океаном и ветром. Стрелка компаса поползла влево, надо двинуть рукоятку весла вправо, но ногами и скошенным глазом я чувствую

пришедшую волну, нос лодки ушел, сейчас вслед за ним в обратном направлении движется и стрелка, — и так непрерывно в течение двадцати четырех часов.

22. ВОДА ВЫДАЕТСЯ ПО НОРМЕ

Это произошло на двенадцатый день плавания. Мне показалось странным, что канистры разбросаны, я залез под мостик и взял одну из них. Она оказалась пустой, пустыми были и остальные три — невероятно, но факт.

Опросил всех. Никто воду не выливал.

За сутки мы потеряли около ста восьмидесяти литров. Этого при экономном пользовании могло хватить на две недели.

Теперь решено: литр каждому в индивидуальную фляжку на сутки, да на приготовление пищи шесть литров, итого четырнадцать литров в день. Пить воду из кувшина, который стоит на кухне, запрещено.

Впервые в жизни я понял великую цену глотка воды.

23. КНЮТ — ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ „КОН-ТИКИ“

Тур поделился своей мыслью создать музей древних лодок. Разговор сам собой перекинулся на нынешнего директора музея «Кон-Тики» Кнюта Хейгленда, который плавал с Туром на плоту через океан.

Оказывается, Кнют — национальный герой Норвегии. Он помешал немцам вывезти из страны тяжелую воду, необходимого для производства атомного оружия. Кнют был главой всех радистов норвежского подполья. Он награжден высшими орденами Англии, Франции, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции... Маленький, застенчивый человек...

РАССКАЗ

— Сегодня к нам придет... — начала Мария Флегонтовна.

И сразу разногласия:

— Герой Советского Союза!

— Композитор!

— Мастер на все руки! Человечков из кошечек делает!

— Вот и не угадали, — улыбнулась учительница. — К нам придет батрак.

Вопросов — ливень: живой или из книги, заграничный или наш, взаправду или вроде бы?

Не успела Мария Флегонтовна ответить — стук в дверь. Какой-то очень загорелый дедушка с белой, как у Деда-Мороза, бородой спрашивает:

— Сюда ли я попал? Это самый лучший, самый пятый класс?

Что ж оставалось делать, как не захлопать? Да так, что гость снял тюбетейку и обмахнул ее:

— Уф! Вот настоящая горячая встреча!

Оказывается, бывают такие люди.

Не поет, не танцует. Просто говорит, и вы глядите ему в рот, и пусть себе в это время гудит, сотрясая стекла, реактивный самолет —

никто не оглянется, все, по самую маковку, там — в давно прошедших годах, в чужой, неизведанной жизни...

Не сбиваясь и не торопясь, рассказывает гость:

...«О нашем мулле говорили: «Ученый!» Он заучил наизусть три толстые книги на арабском языке, из которых никто в кишлаке не понимал ни слова: тем таинственней казалось знание...

Даже тени мурлы я низко кланялся. Чтобы записать то, чего я не знал, не хватило бы и пяти толстых книг!

Не знал я, кто были мои родители, откуда пришел я в кишлак Учтут и кто определил меня в батраки к Сирожиддин-баю. Не знал, какова на вкус белая лепешка и тепло ли зимой в сапогах. Не знал, почему льет дождь: уж не опрокинул ли кто небо, точно казан с шурпой?

О вкусной шурпе я думал постоянно: хозяин был скуп, у такого и в пустыне горсти песку не выпросишь. Работу он спрашивал одинаково что с верблюда, что с человека; к ночи, бывало, сам не знаешь, живой ты или мертвый, есть ли еще душа в теле...

Внук у него был, Салим-байвачча, мальчишка жирный и белый, точно гусеница шелкопряда. Ходил он в красивом халате, круглая шапка оторочена куницей. Соскучившись, бросал в меня комьями глины, я же не смел и увернуться.

Бреду за овечьей отарой, одетый в дыры и заплаты, веревкой подпоясанный, — разве я завидовал тогда байвачче? Птице в небе не завидуют. На свете так было установлено: когда жарят шашлык, одним достается мясо, другим дым. Уж это я знал, эта премудрость была у меня у меня записана — байскими палками на тощей спине.

Овца, вот кому я завидовал! Попросишь хлеба, тебе дадут совет: «Подпоясайся потуже!» У овцы же еда — под копытом, соленая вода для нее — медовая вода, вся ее забота — жиреть. Правда, в конце концов с овцы снимут шкуру, но с бедняков и по семь шкур спускают богатые, властные.

Так дожил я до ваших лет, наверно. Мои годы никто не считал. И вдруг наступили странные времена. Тревога вползла в богатые дома, бедные же просияли. На базаре, в чайхане люди повторяли друг другу: богатырь по имени Ленин прогнал белого царя. По его слову у богачей отбирают несправедливо нажитое и все раздают неимущим: землю, скот, воду...

Такие слухи достигали и моих ушей, но изо рта не выходили: Россия далеко, а Сирожиддин-бай — на расстоянии взмаха плетки...

И вот однажды ночью, в степи, на мой чабанский костер набрел незнакомец.

От испуга я память потерял, такого он был необычного вида: лицо белое, как живот улягушки, волосы цвета верблюжьей шерсти, и был он безусым, как я, мальчишка!

Когда мой гость раскрыл рот, я думал, что раздастся шипение змеи, но он говорил по-нашему, вот что было чуднее всего, дети! И по нашему обычаю говорил сначала о том и о сем, не слишком задевающим слух. И лишь когда чай был выпит, ячменная лепешка съедена, а душа моя уже не сжималась от страха, он сказал о главном:

— Меня послал к вам Ленин. Ты знаешь, кто это?

Я боялся ответить: бай, даже когда его не было поблизости, замораживал мой язык! Наконец я осмелился:

— Немного слышал. Люди по-разному говорят. А где правда?

— Я расскажу тебе правду, — сказал тот человек.

Как он говорил! Каждое его слово было молотом, сокрушающим все семь небес, в которые мы привыкли верить. Мне казалось: после лютой и бескормной зимы наконец-то настала весна!

Поймете ли вы это, дети? «Эй, собакой вскормленный!» — прежде я не слышал иного оклика, и вдруг тебе говорят, что и ты человек, и для тебя это небо и этот простор степи!

...Должно быть, байские прислужники давно выслеживали этого приезжего. Ночь не прошла и полпути к утру, когда у моего потухшего костра заплясал взмыленный конь Сирожиддин-бая.

Хозяин как бы не видел чужого, он занес камчу надо мной:

— Болтаешь тут! А хозяйские овцы хоть подыхай?

Незнакомец — правду сказать, силачом он не выглядел, — вскочил и заслонил меня собою. Он стоял и смотрел, и взгляд его остановил камчу бая на взмахе!

Тогда я понял, как силен Ленин, если даже посланец его, безоружный, одинокий, заставил отступить самого Сирожиддина!

Вы улыбаетесь, дети? Да, да, тогда я думал, что мой хозяин небо и землю держит в своей засаленной мошне!

С той встречи я и веду счет своей жизни... Пошли скакать ее дни, как жеребята-двухлетки, и каждый приносил новые слова: ячейка, совет, колхоз, красная чайхана!

Шипел, злобствовал наш мулла: «Землю и воду разделили, одно небо осталось!» — «Доберемся и до неба!» — отвечал я. Мулла пугал нас колхозом: «Будете спать по семьдесят человек под одним одеялом, заставят вас забыть веру отцов». Но мы разучились бояться и вступили в колхоз. А тот рыжий, что в степи меня встретил, слово партии нам нес, наш Федор-ака...

Школа открылась. Плохо мне было в школе. Карандаш, как рыбка, выскользнул из заскорузлых пальцев. Буквы прыгали перед глазами, привычными глядеть в степную даль. Дети смеялись надо мной, великорослым.

Ушел я из школы. «Ты хочешь вступить в комсомол? — спросил меня Федор-ака. — А Ленин завещал комсомольцам: учиться, учиться, учиться!»

Вернулся я в школу. Пером скрипел, зубами скрипел — учился. О тех годах писал наш поэт Амин Умари:

*Глаза батраков, чабанов, что невеждами
прозваны были,
Наполнились строками книг...*

Что мне открылось в этих книгах, куда они повели — это уже вторая страница повести моей жизни. На сегодня хватит и первой, не так ли?»

— Так, так, — подсказала Мария Флегонтовна, делая знаки детям: устал ведь человек!
...Пятый класс сидел зачарованно. Перед ним была живая история!

Рисунок Г. Ясинского

ЖИВ ЕЩЕ ЭМИЛЬ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ!

ПОВЕСТЬ

Астрид Линдгрен

Рисунки Вьёрна Берга

Воскресенье 14-го ноября,

когда в Катхульте
был домашний экзамен,
а Эмиль запер отца
в „Триссовой будке“

Быстро приближалась осень, все более пасмурными и мрачными становились дни в Катхульте, во всей Лённеберге и во всем Смоланде.

— Ой, как студено! — говорила Лина, когда в пять утра ей приходилось вставать и в темноте брести на скотный двор. У нее, конечно, был фонарь, чтобы освещать дорогу, но свет его казался таким одиноким и жалким среди всей этой серости.

Пасмурно, пасмурно — вся осень была сплошными серыми буднями. Как огонек во мгле, нарушали их лишь праздники на том или ином хуторе либо домашние экзамены.

Тебе, я думаю, неизвестно, что такое домашние экзамены, но в те времена люди обязаны были хотя бы приблизительно знать, что написано в библии и в катехизисе. И поэтому приходилось время от времени устраивать экзамен и выяснять, что они знают и чего не знают, притом не только дети, которых принято мучить экзаменами, но все — и стар и млад. Такие вот домашние экзамены устраивались по очереди на всех хуторах в Лённеберге, и если экзамены сами по себе бывали не очень веселыми, то следовавшие за ними пиры — куда лучше. Приглашались все без исключения, даже призреваемые бедняки из богадельни. И все, кто мог дотащиться до хутора, приходили: ведь после экзамена можно было наесться так, что впору лопнуть.

Однажды в ноябре домашний экзамен должен был быть в Катхульте, и от этого все повеселели, в особенности Лина, которая любила, когда на хуторе бывал экзамен.

— Если бы не эти вопросы... — говорила она: — Иногда я просто не знаю, что отвечать.

И в самом деле, Лина не очень-то была сведуща в библии. Пастор это знал и задавал ей самые легкие

вопросы, потому что он был человек добрый. В прошлый раз он занятно и долго рассказывал об Адаме и Еве, которые жили в райских кущах Эдема. И он думал, что все, даже Лина, хорошенько выучили эту историю. И вот, когда настал черед Лины экзаменоваться, пастор весьма дружелюбно спросил:

— Ну, Лина, как звали наших первых предков?

— Тор и Фрейя, — и глазом не моргнув, ответила Лина.

Мама Эмиля покраснела от досады, услышав глупый ответ Лины. Потому что Тор и Фрейя это ведь парочка древних богов, в которых жители Смоланда верили еще в языческие времена, несколько тысячелетий тому назад, задолго до того, как им довелось услышать хоть самую малость о библии.

— Ты как была, так и осталась язычницей, — сказала мама Эмиля Лине. Но та стала защищаться:

— А их так много, этих богов, что у меня в голове они все перемешались! И почему это именно я должна их всех помнить?

Правда, пастор был очень добр, ни словом не обмолвился о том, что Лина ответила невпопад, и стал тут же рассказывать, как бог создал землю и всех людей и сколь удивительно его создание.

— Даже ты, Лина, настоящее чудо, — заверил слушанку пастор.

Он стал ее спрашивать, осознала ли она это и не думает ли она о том, как удивительно, что бог создал именно ее.

— Да, думаю, — ответила Лина, и, поразмыслив еще немного, продолжила: — Понятное дело, в том, что именно меня он создал, ничего мудреного нет. Правда, загогулины, что у меня в ушах, вот те, сдается мне, трудновато было сложить.

Тут мама Эмиля снова покраснела. Ей казалось, что когда Лина городит глупости, она позорит весь Катхульт. А тут еще из угла, где сидел Эмиль, донесся звонкий смех. Бедная мама Эмиля! На домашнем экза-

мене смеяться не полагалось. Ей было очень стыдно, и она не могла успокоиться, пока экзамен, наконец, не кончился и можно было перейти к пиршеству.

Мама Эмиля приготовила столько хорошей еды, сколько обычно готовила для своих пиров, хотя папа и пытался отговорить ее от этого.

— Самое важное все-таки библия и катехизис, а ты больше налегаешь на мясные тефтели и сырны лепешки!

— Всему свое время, — разумно ответила тогда мама. — Катехизису — свое время, а сырной лепешке — свое.

Да, в самом деле, настало время и для сырной лепешки, и все, кто был на домашнем экзамене в Катхульте, ели и блаженствовали. Эмиль тоже съел целый воз сырных лепешек с вареньем и сливками, но только он досыта наелся, как подошла мама и сказала:

— Эмиль, будь добр, выйди и запри кур!

Обычно куры свободно разгуливали целыми днями, но когда наступал вечер, их надо было запирасть, потому что в сумерках лиса подкрадывалась к ним из-за угла.

Уже почти стемнело, но Эмиль подумал, что все-таки хорошо уйти на минутку от жары в комнате, от болтовни и сырных лепешек. Почти все куры уже сидели на своих насестах: только Лотта-Хромоножка и еще несколько других дурных кур рылись в земле под дождем. Эмиль загнал их в курятник и хорошенько запер дверь на защелку. Пусть теперь приходит лиса, если хочет. Рядом с курятником находился свинарник. Эмиль мимоходом заглянул к Заморышу и обещал принести ему вечером остатки пиршества.

— На тарелках всегда что-нибудь остается, когда едятся все эти обжоры, — сказал Эмиль, и Заморыш захрюкал в предвкушении лакомого блюда.

— Я вернусь попозже, — пообещал Эмиль и как следует, на защелку, запер и свинарник.

За свинарником находилось отхожее место, да, так оно в те времена называлось. Тебе, может, кажется, что это не очень красивое слово. Но у отхожего места в Катхульте было и другое, более красивое название. Оно называлось «Триссова будка», в честь работника по имени Триссе, который давным-давно, во времена прадедушки Эмиля построил этот нужный домик.

Эмиль запер курятник, запер он и свинарник, и мимоходом, не подумав, запер и Триссову будку. Ему бы учесть, что кто-нибудь может там находиться, поскольку дверь он запер снаружи. Но в том-то и дело, что Эмиль никогда долго не думал. Он мигом запер дверь, а потом проворно помчался домой, напевая на ходу:

— Теперь я запер, теперь я запер, теперь я запер всюду всё!

Папа Эмиля, сидевший как раз в Триссовой будке, услышал его веселую песню и испугался. Рванувшись

вперед, он попытался открыть дверь. Точно, она была закрыта, и папа Эмиля завопил:

— Эмиль!

Но Эмиль уже успел удрать и, к тому же, он так самозабвенно распевал свою песенку, что ничего не услышал.

Бедный папа! Он так рассердился, что в нем все заклокотало. Ну, слыханное ли это дело! Да и как он вообще выберется отсюда? Он дико забарабанил в дверь, бил и колотил кулаками, но что толку? Тогда он начал пинать дверь ногами. Он так дубасил дверь, что у него свело пальцы. Но этот Триссе дело свое знал: крепкая и добротная дверь ничуть не подалась. Папа Эмиля свирепел все больше и больше. Он начал орать и выворачивать карманы в поисках складного ножа. «Хоть бы удалось сделать щелку в дверях, — подумал он, — такую, чтобы просунуть в нее кончик ножа и отодвинуть задвижку». Но складной нож лежал в кармане его рабочих брюк, а ведь сегодня на нем был праздничный костюм. Папа Эмиля долго стоял, шипя от злости. Нет, ругаться он не ругался, потому что он был ведь церковный староста и все такое, но он прошипел целую тираду об Эмиле и об этом самом Триссе, который не сделал даже настоящего окна в Триссовой будке, а лишь небольшое оконце высоко над дверью. Папа Эмиля злобно поглядел на крошечное оконце, потом еще несколько раз сильно пнул дверь ногой и уселся в ожидании.

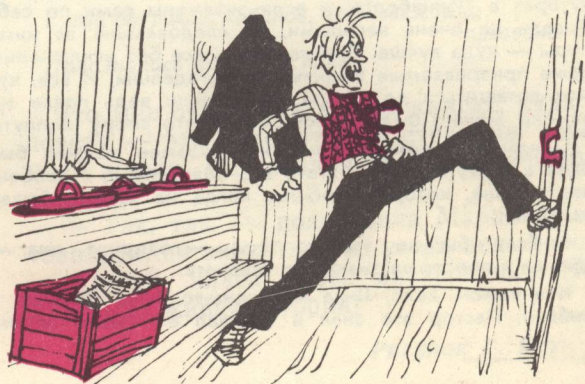
В Триссовой будке было целых три сиденья, и на одно из них он и опустился. Папа сидел, скрежеща зубами от бешенства и кровожадно ждал, чтобы кто-нибудь пришел, у кого появится нужда в Триссовой будке.

«Но мне его жаль, потому что первого, кто войдет сюда, я убью», — подумал он. И это было в самом деле несправедливо и не очень хорошо со стороны папы Эмиля. Но ведь надо учесть, что он был очень зол.

Над Триссовой будкой сгустилась тьма; папа Эмиля все сидел и ждал, но никто не приходил. Он слышал, как по крыше забарабанил дождь, и стало еще мрачнее.

Он злился все больше и больше. Нет, в самом деле; он должен сидеть здесь, в темноте и одиночестве, пока все остальные наслаждаются светом, веселятся и пируют за его счет! Этому надо положить конец, он должен выбраться отсюда. Выбраться! Пусть даже через оконце над дверью!

— Потому что я по-настоящему разозлился, — громко сказал папа и поднялся.

В Триссовой будке стоял ящик со старыми газетами. Папа Эмиля прислонил его к двери, затем взобрался на него сам. «Да здесь не очень высоко», — подумал он. Маленькую раму папа вынул без труда, а потом, высунув голову через оконце, стал смотреть, не идет ли кто-нибудь, чтобы позвать на помощь.

Никого не было видно, но зато ему на затылок со страшной силой обрушился проливной дождь. Вода текла за воротник рубашки, и это было совсем не приятно. Но ничто не могло остановить папу Эмиля; да пусть на него обрушится всемирный потоп, он все равно должен выбраться отсюда.

С большим трудом протиснул он сквозь оконце руки и плечи, а потом стал потихоньку продвигаться вперед.

«Если разозлиться как следует, дело пойдет», — подумал он. Но тут как раз и застопорило. Вконец застопорило. Папа так застрял в оконце, что лицо его посинело: он размахивал руками и ногами, но ему удалось лишь опрокинуть ящик. И вот он висел теперь безо всякой опоры и не мог продвинуться ни вперед, ни назад. Несчастный!

Что может сделать церковный староста, когда одна часть его туловища висит на проливном дожде, а другая — в отхожем месте? Звать на помощь? Нет, он этого не делает: не делает, потому что знает лённебержцев. Ему известно, что если эта история разнесется по всему приходу, поднимется непристойный хохот, который не смолкнет до тех пор, пока во всей Лённеберге и во всем Смоланде есть хоть одна живая душа. Нет, звать на помощь он не будет!

Между тем Эмиль, вернувшись домой, радостный и довольный, делал все, что в его силах, чтобы развлечь маленькую Иду. Ей было смертельно скучно на домашнем экзамене, поэтому он вышел вместе с ней в при-

хожую, и они стали примерять галоши. В прихожей стояли длинные ряды галош, глубоких и мелких. Маленькая Ида хихикала от восторга, когда Эмиль расхаживал в галошах пастора и бормотал: «таким образом» и «кроме того», точь-в-точь как пастор. Но под конец все галоши оказались разбросанными по прихожей, а так как Эмиль был аккуратным, он собрал их все в кучу, — набралась целая гора галош.

Потом Эмиль вдруг вспомнил про Заморыша, которому дал обещание принести чего-нибудь на ужин. Завернув на кухню, он наскреб немного остатков и с банкой в одной руке и с фонарем в другой вышел в дождь и в темноту, чтобы подкормить немного своего поросенка.

И тут, ой, я содрогаясь, когда думаю об этом! И тут он увидел своего отца! А отец увидел его. Ой-ой-ой, вот как иногда бывает!

— Беги за Альфредом! — прошипел папа. — И скажи ему — пусть захватит с собой килограмм динамита и пусть эта проклятая Триссова будка сравняется с землей!

Эмиль сбежал за Альфредом, и тот сразу явился, но не с каким-то там динамитом — этого, вероятно, папа всерьез и не думал, — а с пилой. Да, папу Эмиля не-

обходимо было выпилить, иначе освободить его было невозможно.

Пока Альфред пилил, Эмиль, взобравшись на маленькую лесенку, держал в страхе и тоске зонтик над своим бедным папой, чтобы его не мочил дождь. Ты, конечно, понимаешь, что Эмилю было не очень весело на этой лесенке, папа непрерывно шипел под своим зонтиком и говорил о том, что он сделает с Эмилем, как только освободится. Он ни капельки не был благодарен Эмилю за его заботу о нем и даже за зонтик. Что ему от этого зонтика, раз он все равно промок, простудится и схватит воспаление легких. «Это как пить дать», — подумал Эмиль, но сказал другое:

— Не, ты не простудишься, ведь главное, чтобы ноги были сухие.

Альфред поддержал мальчика.

— Главное, чтобы ноги были сухие, это точно!

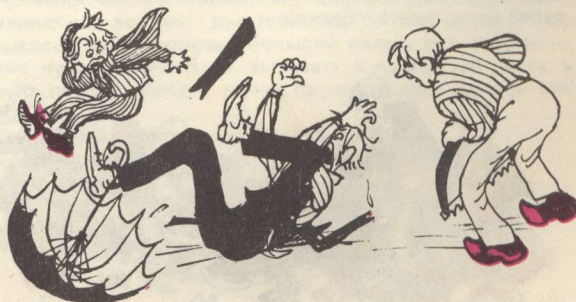
А ноги у папы Эмиля и в самом деле были сухие, этого отрицать нельзя. Но все равно он был вне себя, и Эмиль страшился той минуты, когда папа освободится.

Альфред пилил так ретиво, что только опилки летели, а Эмиль был настороже. В тот миг, когда Альфред кончил пилить, а папа Эмиля тяжело бухнулся на пол, в тот самый миг Эмиль отшвырнул зонтик и кинулся во всю прыть в столярку. Он ворвался туда в самую последнюю секунду и успел задвинуть защелку, прежде чем подоспел папа. Папа скоро устал стучаться в запертые двери. Прошипев лишь несколько бранных слов по адресу Эмиля, он исчез. Ведь ему прежде всего нужно было показаться на пиру. Но сначала — незаметно прошмыгнуть в комнату и надеть сухую рубашку и жилет.

— Где ты был так долго? — спросила мужа мама Эмиля.

— Об этом мы после поговорим, — глухо ответил папа.

Так кончился домашний экзамен в Катхульте. Пастор затынул, как всегда, псалом, а лённебержцы чистосердечно вторили ему на разные голоса. «От нас уходит светлый день, к нам не вернется он», — пели они.

Всем пора было собираться домой, погрузиться в ноябрьскую мглу. Но когда они вышли в прихожую, чтобы одеться, первое, что они увидели при слабом свете фотогенной лампы, — гору галош на полу.

— Какое злодеяние! Это мог сделать только Эмиль, — сказали лённебержцы. И все они, включая пастора с пасторшей, битых два часа сидели на полу и примеряли галоши. Потом, довольно кисло поблагодарив и попрощавшись с хозяевами, они исчезли в темноте, под дождем.

С Эмилем они попрощаться не могли: ведь он сидел в столярке и вырезывал своего сто восемьдесят четвертого деревянного старичка.

Суббота 18-го декабря,

**когда Эмиль выкинул такой номер,
что все его проделки
были забыты и прощены
и вся Лённеберга ликовала**

Приближалось рождество. Однажды вечером все жители Катхульты сидели на кухне и занимались каждый своим делом. Мама Эмиля пряла, папа сапожничал, Лина чесала шерсть на кардах, Альфред с Эмилем стругали зубья для граблей, а маленькая Ида упрямо пыталась вовлечь Лину в веселую игру и щекотала ее, мешая работать.

— Играть-то надо с тем, кто боится щекотки, — твердила маленькая Ида. И она была права, так как Лина в самом деле боялась щекотки.

Ида тихонько подобралась к Лине, читая стишок, под который шла эта игра:

Дорогие мама с папой,
Дайте мне муки и соли,
Заколю я поросенка,
Он визжать начнет от боли.

При слове «визжать» Ида указательным пальчиком тыкала Лину, а Лина, к превеликому удовольствию девочки, всякий раз взвизгивала и хохотала.

Когда папа услышал слова «Заколю я поросенка», это, вероятно, послужило толчком для его мысли, и он внезапно изрек нечто ужасное:

— Да, теперь уж и рождество близко, пора, Эмиль, заколоть твоего поросенка.

Эмиль выронил ножик и во все глаза уставился на отца.

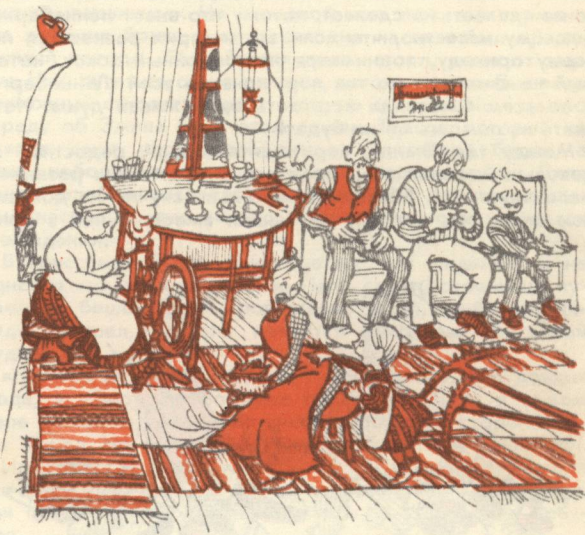
— Заколоть Заморыша! Не будет этого! — сказал он. — Ведь это мой поросенок, мой поросенок, который дал обет трезвости! Ты что, забыл про это?

Конечно, папа ничего не забыл. Но он сказал, что никто во всем Смоланде никогда не слыхивал про поросенка, который служил бы просто для забавы. Любый крестьянин знает, что как только поросенок подрастает, его закалывают, — для того поросят и держат!

— Разве ты этого не знаешь? — спросил папа. Конечно, Эмиль это знал и сперва не нашелся что ответить, но потом ему в голову пришла хорошая мысль.

— Я знаю, что некоторых боровов оставляют в живых, чтобы они стали производителями. И Заморыш станет таким.

Эмиль знал то, чего, может быть, не знаешь ты. А именно: производитель — это такой поросенок, который станет папой целой уймы маленьких поросят.

— Да, это хорошо, — сказал папа. — Но тогда нынче в Катхульте будет постное рождество. Ни окорока, ни колбасы, ни кровяного пудинга.

— Дайте соль мне и муку, пудинг живо испеку, — сказала маленькая Ида.

— Заткнись с твоим пудингом! — рявкнул Эмиль. Потому что он знал: для пудинга нужны не только мука с солью, но и поросьячья кровь.

Только не кровь Заморыша! Пока Эмиль жив, этого не будет!

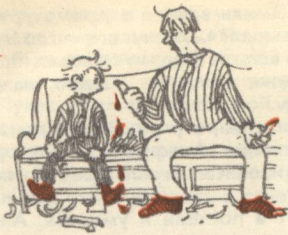
Некоторое время в кухне стояла тишина, зловещая тишина. Но внезапно Альфред помянул черта. Он обрвал большой палец острым ножом.

— От того, что ругаешься, легче не станет, — строго сказал папа. — И я не хочу слышать в своем доме ругательств.

Мама Эмиля достала чистую полотняную тряпицу и перевязала Альфреду палец. И он снова принялся строгать зубья для граблей. Это было славное зимнее занятие: все грабли проверяли, и если где зубья пришли в негодность, строгали новые. Так что когда наступала весна, все грабли были в порядке.

— Так, значит, нынче в Катхульте будет постное рождество, — повторил папа Эмиля, мрачно глядя перед собой.

Эмиль долго не спал в тот вечер, а наутро разбил копилку и взял из своих денег тридцать пять крон. Потом он запряг Лукаса в старые розвальни и поехал в Бастефалль. Домой он вернулся с отличным поросен-

ком, которого втащил в свинарник к Заморышу. Потом он пошел к отцу.

— Теперь в свинарнике два поросенка, — сказал он. — Можешь заколоть одного, но смотри не ошибись.

Эмиля распирало от бешенства, которое иногда находило на него, и

он даже забыл о том, как говорит с отцом. Ведь ужасно выкупить жизнь Заморыша, убив другого несчастного поросенка. Но Эмиль не видел лучшего выхода. Иначе отец, который не признает поросенка для забавы, не оставит Заморыша в покое.

Два дня Эмиль не заглядывал в свинарник, предоставив Лине носить еду обоим пороссятам. На третий день он проснулся в крошечной тьме и услышал страшный пороссячий визг. Поросенок визжал громко и пронзительно, точно его режут, потом внезапно настала тишина. Эмиль подышал на заиндевшее стекло, так что образовался пар, и стал смотреть во двор. Он увидел, что возле свинарника горит фонарь и движутся темные тени. Он понял, что поросенок уже мертв, а Лина собирает кровь. Потом Альфред с папой ошпарят кипятком и разделают тушу. Затем явится Креса-Майя и вместе с Линей они будут мыть и полоскать в пивоварне пороссячий кишк. Настал конец бастефалльскому поросенку, которого купил Эмиль!

«Вот тебе и «Заколю я поросенка, он визжать начнет от боли», — пробормотал Эмиль. Он снова забрался в кровать и долго плакал.

Но так уж устроен человек, что он свои огорчения забывает. Сидя в полдень в свинарнике и почесывая Заморыша, Эмиль задумчиво сказал:

— Ты жив, Заморыш! Вот как по-разному бывает на свете! Ну, да ты живи!..

Эмиль хотел забыть бастефалльского поросенка. И когда на завтра Креса-Майя с Линей сидели на кухне и не покладая рук очищали от жира кости, а мама Эмиля хлопотала над рождественским окороком и укладывала его в специальный рассол, Лина пела «Веет хладом, хладом с моря», а Креса-Майя рассказывала о привидениях на пасторском чердаке, у которых нет головы, Эмиль уже блаженствовал. Он больше не думал о бастефалльском поросенке, а только о том, что скоро рождество, и о том, как хорошо, что наконец-то понастоящему выпал снег.

— Вот и снежок, — сказала маленькая Ида, потому что так говорят в Смоланде, когда идет густой снег. А снег, в самом деле, шел. День клонился к вечеру, снегопад все усиливался и усиливался, поэм задул ветер и поднялась такая метель, что, выглянув за дверь, с трудом можно было разглядеть скотный двор.

— Похоже, быть буре, — сказала Креса-Майя. — Как я домой-то попаду?

— Останешься ночевать, — успокоила ее мама Эмиля. — Можешь спать вместе с Линей в кухне на диване.

— Да, но будь добра, лежи тихонько, потому что я боюсь щекотки, — попросила Лина старушку.

За ужином Альфред пожаловался на свой палец. — Болит! — сказал он.

Мама Эмиля размотала тряпицу, чтобы посмотреть, что с пальцем и почему он не зажил.

Зрелище, которое представилось ее глазам, было не из приятных: рана не затянулась, палец покраснел, нагноился и распух. А от пальца к запястью шли короткие красные полоски.

У Кресы-Майи загорелись глаза.

— Заражение крови, — сказала она. — Опасное дело.

Мама Эмиля принесла бутылку и наложила повязку, смоченную сулемой, на руку Альфреда.

— Если до утра не станет легче, лучше тебе съездить к доктору в Марианнелунд, — сказала она.

Никто не припомнит такого снегопада и такой

бури, какие бушевали в ту ночь над Смоландом. И когда наутро обитатели Катхульты проснулись, весь хутор, казалось, утонул в огромном мягком белом сугробе. А буря не утихла. Шел снег, и дул ветер, так что на двор носа не высунешь. В трубе завывал ветер — у-у! Никто никогда ничего подобного не видывал.

— Придется Альфреду целый день снег сгребать, — сказала Лина. — Хотя он может этого и не делать, все равно зря.

Альфред не убирал снег в тот день. Его место за кухонным столом за завтраком пустовало, и о нем не было ни слуху ни духу. Эмиль забеспокоился. Надев шапочку и накинув пальтишко, он разгреб снег у кухонных дверей и быстро проложил себе дорогу к людской, которая находилась бок о бок со столяркой.

Лина увидела Эмиля через кухонное окно и приветливо кивнула головой.

— Умно, что Эмиль убрал снег, — сказала она, — теперь он может быстро добежать в столярку. Ведь никто не знает, когда она ему понадобится.

Глупая Лина, она не понимала, что Эмиль пробирался к Альфреду.

В людской было холодно, Альфред не затопил печь. Он лежал на своем диванчике и не хотел вставать. Есть он тоже не хотел. Он вроде не голоден. Тут Эмиль еще больше забеспокоился. Уж если Альфред не хотел есть, значит, стряслось что-то серьезное.

Эмиль принес дров и затопил печь, а потом побежал за мамой. Она тут же пришла; собственно говоря, пришли все — и папа Эмиля, и Лина, и Креса-Майя, и маленькая Ида, потому что теперь все они всполошились.

Бедный Альфред, он лежал и только моргал глазами. Он был горячий, как камин, а все равно его знобило. Красные полосы на руке продвинулись далеко к подмышкам, страшно было смотреть.

Креса-Майя озабоченно покачала головой.

— Как дойдут они до сердца, эти полоски, тогда конец, тогда он помрет.

— Тише, — приказала мама Эмиля, но не так-то легко было утихомирить Кресу-Майю. Она знала, по меньшей мере, полдюжины людей в одном только Лённебергском приходе, которые умерли от заражения крови, и добросовестно их всех перечислила.

— Но это вовсе не значит, что мы не должны пытаться исцелить Альфреда, — добавила она.

Она думала, что Альфреду полегчает, если взять клочок его волос и лоскут рубахи и зарыть это все в полночь к северу от дома, а потом прочитать какое-нибудь хорошее заклинание. Она знала одно такое: «Тьфу и еще раз тьфу, пришло от сатаны — к сатане уйди, так оно и будет, тьфу и еще раз тьфу!»

Но папа Эмиля сказал, что вполне достаточно того заклинания, вернее ругательства, которое произнес Альфред, когда порезал большой палец. И если Креса-Майя нужно что-нибудь зарывать к северу от дома в такую погоду, среди ночи, то пусть она делает это сама.

Креса-Майя зловеще покачала головой.

— Да, уж будь что будет, ох-ох-ох!

Эмиль пришел в бешенство.

— Что это за бабе хныканье! Альфред скоро поправится, понятно тебе?

Тут Креса-Майя пошла на попятный.

— Ну да, миленький Эмиль, поправится он, конечно, поправится!

И она похлопала Альфреда по плечу.

— Конечно, ты поправишься, Альфред, уж я-то знаю! Но тут же взглянув на дверь людской, она пробормотала про себя:

— Хотя непонятно, как они смогут протащить гроб через такую узкую дверь!

Услыхав это, Эмиль заплакал. В страхе он схватил отца за рукав пальто.

— Мы должны отвезти Альфреда к доктору в Марианнелунд.

Тут мама и папа как-то чудно поглядели друг на друга. Ни за что на свете нельзя было попасть сегодня в Марианнелунд, это они знали. Да, они были совершенно беспомощны, но тяжело было признаться в этом Эмилю, когда он стоял рядом с ними такой убитый. Ведь и папе с мамой всячески хотелось помочь Альфреду, да только они не знали, как им подступить, и что ответить Эмилю, тоже не знали. Папа, не вымолвив ни слова, убрался из людской. Но Эмиль не сдавался. Куда бы ни шел отец, он следовал за ним по пятам: плакал, кричал, грозил, а потом принялся дерзить. И подумать только, отец не сердился, а лишь тихо говорил:

— Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!

Лина ревела на кухне во весь голос, причитая:

— А я-то думала, что к весне мы поженимся, а теперь прости-прощай свадьба, помрет теперь мой Альфред! И останусь я вековать с четырьмя простынями и целой дюжиной полотенец, хорошенькое дело!

Эмиль наконец понял, что помощи ждать неоткуда. Тогда он пошел назад в людскую. Он просидел с Альфредом целый день, это был самый длинный день в жизни Эмиля. Альфред лежал и только моргал глазами. Иногда он поднимал веки и говорил:

— А, ты тут, Эмиль.

Эмиль смотрел, как за окошком бушует метель, и ненавидел ее так горячо, что его ненависть могла бы растопить снега во всей Лённеберге и во всем Смоланде. «Видимо, засыплет снегом весь мир», — думал Эмиль, поскольку снег все падал и падал.

Зимние дни коротки даже для того, кто просто сидит и ждет, как Эмиль. Вскоре начало смеркаться, а потом и совсем стемнело.

— А, ты тут, Эмиль, — снова сказал Альфред, но ему все труднее было говорить.

Мама Эмиля принесла мясной бульон и заставила Эмиля поесть. Она пыталась накормить и Альфреда, но он не хотел есть. Вздохнув, мама ушла.

Поздним вечером пришла Лина с наказом от мамы: Эмилю пора ложиться спать. И как только могло такое прийти в голову!

— Я буду спать на полу рядом с Альфредом, — заявил Эмиль.

Так он и сделал.

Он приволок себе старый матрас и лошадиную попону, — больше ему ничего было не нужно. Он вообще не мог спать. Он лежал без сна и смотрел, как угли опадают в печи, и слушал, как тикает будильник, и как порывисто дышит, а порой и стонет Альфред.

Видимо, время от времени Эмиль впадал в дремоту, но всякий раз, вздрогнув, просыпался. Душу его жгло горе. Проходила ночь, и он все острее чувствовал, как все неладно: скоро будет уже слишком поздно, навеки поздно что-либо изменить.

И вот когда часы показали четыре утра, Эмиль понял, что ему надо делать. Он отвезет Альфреда к доктору в Марианнелунд, или пусть и он сам и Альфред погибнут в дороге.

— Нечего тебе лежать тут в постели и умирать, Альфред, нечего!

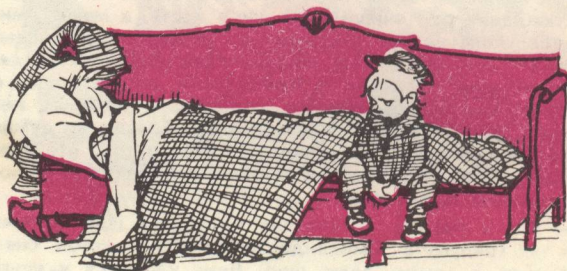
Он не произнес это вслух, он только подумал. И тут же принялся за дело. Главное — уехать, прежде чем кто-нибудь проснется и ему помешает. В запасе у него был час до того времени, когда поднимется Лина доить коров. За этот час все и надо провернуть.

Никто не знает, чем занимался и как надрывался в тот час Эмиль. Надо было выкатить из сарая сани, вывести из конюшни и запрячь Лукаса. Альфреда надо было вытащить из кровати и отнести к саням. Последнее было самым трудным. Бедняга Альфред ковылял, тяжело навалившись на Эмиля. А когда ему наконец удалось добрести до саней, он упал головой вниз на овчины, да и остался лежать, словно уже был мертв.

Эмиль укутал Альфреда так, что торчал только кончик носа, сам уселся на козлы, натянул вожжи и стал понукать Лукаса: пора было трогаться в путь. Но Лукас повернул голову и недоверчиво взглянул на Эмиля. Ведь это же неслыханно дурацкая попытка — пуститься в путь в такую метель, неужто Эмиль этого не понимает? — Теперь решаю я, — сказал Эмиль, — а потом все будет зависеть от тебя, Лукас.

В кухне зажегся свет, значит, Лина уже встала. В последнюю минуту Эмиль с лошадьёю и санями прорвался сквозь катхультские ворота и сквозь снег и ветер выехал на проселочную дорогу.

Ой, какая бушевала буря! Снег облеплял уши и забивал глаза, так что Эмиль ничего не видел, а ему

хотелось, по крайней мере, различать дорогу. Он вытирал лицо рукавицей, но по-прежнему не видел дороги, хотя к саням были прикреплены два фонаря. Нет дороги. Только снег. Но Лукас множество раз бывал в Марианнелунде. И может, в глубине своей лошадиной памяти он примерно знал, куда эта дорога ведет. А Лукас был жилист и вынослив, с такой лошадьёю в самом деле можно пускаться в путь и в метель. С трудом он перетаскивал сани через сугробы. Ехали они медленно, делая сильные рывки всякий раз, когда сани натыкались на какую-нибудь преграду; но все же мало-помалу они продвигались по направлению к Марианнелунду. Частенько Эмилю приходилось соскакивать на дорогу и разгребать снег.

— Становишься сильным, если это необходимо, — объяснил он Лукасу.

И действительно Эмиль стал сильнее, и действительно первые полмили дело спорилось, но потом стало трудно; да, потом стало просто ужасно трудно. Эмиль устал, лопата стала страшно тяжелой, и он не мог больше как следует разгребать снег. Он заоченел, в сапоги его набился снег, пальцы ныли от холода, да и уши тоже, несмотря на шерстяную шаль, которую он повязал поверх шапки, чтобы не отморозить уши. Все это

было, в самом деле, ужасно, и мало-помалу мужество начало ему изменять. Подумать только, а что если папа был прав, когда сказал: «Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!»

Лукас тоже потерял свой задор. Все труднее и труднее становилось ему вытаскивать сани, когда они застревали. А под конец случилось то, чего все время боялся Эмиль. Сани внезапно рухнули вниз, и Эмиль понял, что они очутились в канаве.

Да, они очутились в канаве, да там и застряли. И как Лукас ни надрывался, ни тянул сани, и как ни тянул и ни толкал их Эмиль — у него даже кровь пошла из носа, — ничего не помогло: сани как стали, так и остались стоять.

Тут на Эмиля напало такое бешенство, он так разозлился и на снег, и на сани, и на канаву, и на все вместе взятое, что точно ума решился. Он поднял вой, похожий, должно быть, на вой первобытного человека. Лукас испугался, Альфред, быть может, тоже, но в нем не было заметно никаких признаков жизни. Внезапно Эмилю стало страшно.

— Ты жив еще, Альфред? — боязливо спросил он.

— Не-е, теперь я, верно, умер, — хрипливо, странным и каким-то страшным голосом ответил Альфред.

Вся злость у Эмиля прошла, и осталось только горе. Он почувствовал себя таким одиноким. Хотя там, в саях, и лежал Альфред, он был совсем один и некому было ему помочь. Эмиль не знал, что ему теперь делать. Охотнее всего он лег бы в снег и заснул, чтобы ничего больше не видеть.

Но неподалеку, у дороги стояла усадьба, та самая, которую Эмиль называл «блины». И вдруг он увидел, что на скотном дворе светится огонек, и в нем затеплилась маленькая надежда.

— Я схожу за помощью, Альфред, — сказал он.

Альфред не ответил, и Эмиль пошел. Он пробивался сквозь глубокие сугробы, и когда ввалился на скотный двор, то походил на снежную бабу.

На скотном дворе был сам хозяин «блинов». И он очень удивился, увидев в дверях катхультского мальчишку, засыпанного снегом, залитого кровью, лишей из носа, и слезами. Да, Эмиль плакал, он не мог удержаться от слез, он знал, какого труда ему будет стоить заставить хозяина «блинов» выйти в снегопад на дорогу. Он был строптив, этот Блинопек, но он все-таки понял, что это необходимо, и отправился с лошадью, веревкой, разными инструментами и вытащил сани из канавы, хотя все время что-то злобно бормотал про себя.

Будь у хозяина «блинов» хоть какая-нибудь совесть, он, вероятно, попытался бы помочь Эмилю добраться до Марианнелунда, но он этого не сделал. Эмилю с Лукасом пришлось своими силами продолжать свой тяжкий путь, пробиваясь сквозь сугробы. Оба устали, двигались все медленнее и медленнее, и настал час, когда Эмилю пришлось сдаться. Он был больше не в состоянии что-либо делать. Он не мог даже приподнять лопату.

— Не могу больше, Альфред, — сказал он и заплакал.

До Марианнелунда оставалось лишь несколько километров, и глупо было сдаться, когда они уже так близко.

Альфред не издал ни звука. «Наверное, помер», — подумал Эмиль. Лукас стоял, склонив голову, и вид у

него был такой, будто ему стыдно. Даже и он ничего больше не мог.

Эмиль сел на облучок, да так и остался сидеть. Он тихо плакал, его засыпало снегом, а он не шевелился. Конец всему и пусть метет сколько угодно, — больше его ничто не интересовало.

Он дремал, ему хотелось спать. Он хотел уснуть, сидя на облучке, невзирая на весь этот снег. «Как хорошо!» — подумал он.

...Кругом уже не было никакого снега и никакой зимы. Стояло лето. Они с Альфредом спустились вниз к Катхультскому озеру и купались. Альфред хотел научить Эмиля плавать. Смешной Альфред, разве он не знает, что Эмиль уже умеет плавать? Ведь Альфред сам научил его много-много лет тому назад, разве он забыл? И Эмиль показал ему, как хорошо он умеет плавать. А потом они вместе плавали, плавали без конца и заплывали все дальше. И в воде было так чудесно, и Эмиль сказал: «Ты и я, Альфред!» И он ждал, что Альфред, как обычно, ответит ему: «И я так думаю, ты и я, Эмиль!» Но вместо этого послышался звон колокольчиков. Нет, он явно ослышался. Какой может быть звон колокольчиков, когда купаешься?

С трудом разомкнув глаза, Эмиль вырвался из своего сна. И тут он увидел снегоочиститель! Сквозь метель шел снегоочиститель. А тот, кто вел машину, во все глаза смотрел на Эмиля, словно увидел привидение, а не засыпанного снегом мальчишку из Катхульты, что в Лёнеберге.

— А что, дорога расчищена до самого Марианнелунда? — живо спросил Эмиль.

— Да, — ответил тот, кто вел машину. — Успеешь, если поспешишь. Через полчаса будет та же беда!

Но и получаса Эмилю было достаточно.

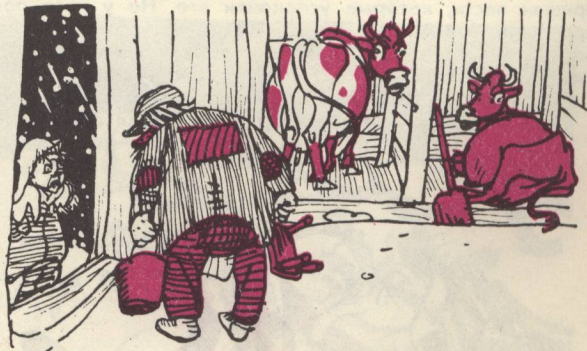
Приемная доктора была битком набита людьми, когда туда ворвался Эмиль. Доктор как раз высунул голову из кабинета, чтобы взглянуть, кто на очереди к нему лечиться. Но тут Эмиль заорал так, что все подскочили:

— В саях во дворе Альфред! Он помирает!

Доктор был неглуп. Он позвал двоих стариков, из тех, кто сидел в приемной, они внесли Альфреда в дом и положили его на операционный стол.

— Старики и старухи, ступайте по домам! Я займусь серьезным делом!

Эмиль рассчитывал, что Альфред поправится почти в ту же самую секунду, когда явится к доктору, но, увидев, что доктор покачал головой примерно так же, как Креса-Майя, он испугался. Подумать только, а что, если уже поздно, что, если нет средства вылечить Альфреда? Стоило подумать об этом, как ему стало невыносимо больно, и, глотая слезы, он подступил к доктору:

— Ты получишь мою лошадь, если вылечишь его... и моего поросенка тоже, только вылечи! Как думаешь, что-нибудь получится?

Доктор долго смотрел на Эмиля.

— Сделаю, что смогу, но я ничего не обещаю!

Альфред лежал на столе, не подавая никаких признаков жизни. Но внезапно он открыл глаза и смущенно взглянул на Эмиля.

— А, ты здесь, Эмиль! — сказал он.

— Да, Эмиль здесь, — подтвердил доктор, — но теперь лучше ему ненадолго выйти, потому что сейчас я буду тебя оперировать, Альфред!

По глазам Альфреда было видно, что он испугавшись не привык он к докторам и к операциям.

— Я думаю, он немного боится, — сказал Эмиль. — Может, лучше мне остаться с ним?

Доктор кивнул головой.

— Ну, раз уж ты справился и доставил его сюда, то справишься, верно, и с этим.

И Эмиль, взяв здоровую руку Альфреда в свою, все время держал ее, пока доктор оперировал другую руку. Альфред не издал ни звука. Он не кричал и не плакал: плакал только Эмиль, но так тихо, что никто этого не услышал.

Эмиль смог вернуться домой с Альфредом только накануне рождества. Уже вся Лённеберга знала тогда о его великом подвиге, и все ликовали.

— Этот катхультский мальчишка всегда был мне по душе, — твердили все в один голос. — И отчего некоторые клеветничают про него! Все мальчишки озорники...

Эмиль привез маме с папой письмо от доктора, и там, среди всего прочего, были и такие слова: «Вы можете гордиться своим мальчиком». И мама Эмиля записала в синей тетради: «Боже мой, как это утешило мое бедное материнское сердце, которое так часто сокрушалось об Эмиле. И уж я позабочусь о том, чтоб все в Лённеберге узнали об этом».

Но какие же беспокойные дни пришлось им пережить в Катхульте! В то ужасное утро, когда обнаружилось, что Эмиль с Альфредом исчезли, папа Эмиля так расстроился, что у него заболел живот и ему пришлось лечь в постель. Он не верил, что еще когда-нибудь увидит Эмиля в живых. Но потом из Марианнелунда пришли вести, которые успокоили его. Но у него по-прежнему болел живот, пока Эмиль не вернулся и не ворвался в его комнату, чтобы отец увидел: вот он, снова дома.

Папа взглянул на своего сына, и глаза его заблестели.

— Ты хороший мальчик, Эмиль, — сказал он.

А Эмиль так обрадовался, что сердце подскочило

у него в груди. Право же, это был один из тех дней, когда он очень любил своего папу.

А мама стояла рядом и лопалась от гордости.

— Да, он что надо, наш сынок! — сказала она, потрепав кудрявые волосы Эмиля.

Папа лежал, прижав к животу горячую крышку от кастрюли, это смягчало боль. Но теперь крышка остыла и ее необходимо было снова подогреть.

— Это я могу, — живо вскричал Эмиль, — я привык теперь ухаживать за больными!

Папа одобрительно кивнул головой.

— А ты можешь дать мне стакан сока, — сказал он маме Эмиля.

Да, теперь ему было хорошо, теперь ему оставалось только лежать и чтобы все за ним ухаживали.

Но у мамы были другие дела, и прошло полчаса, пока она вспомнила про сок. Только она стала его наливать, как услышала из комнаты дикий вопль. Кричал папа Эмиля. Ни секунды не мешкая, мама вбежала в комнату, и в тот самый миг крышка от кастрюли покатила прямо ей навстречу. Она едва успела отскочить в сторону, но от испуга выплеснула сок, он брызнул на крышку. Крышка зашипела.

— Горе мое луковое, сколько времени ты подогревал крышку?! — спросила она Эмиля, который стоял перед ней в совершеннейшем смущении.

— Я думал, что она должна нагреться примерно как утюг, — сказал Эмиль.

Выяснилось, что пока Эмиль был на кухне и грел на плите крышку, папа задремал. А когда Эмиль вернулся и обнаружил, как мирно спит его папа, он, конечно, не захотел будить его, а осторожно сунул крышку под одеяло и положил ее отцу на живот. Да, неудачно вышло, сильно она нагрелась!

Мама Эмиля сделала что могла, желая успокоить мужа.

— Ничего-ничего, сейчас принесу известковой мази, — пообещала она.

Но папа Эмиля встал с постели. Он сказал, что боится лежать в постели теперь, когда Эмиль вернулся домой. Да и вообще пора поздороваться с Альфредом.

Что касается Альфреда, то он сидел на кухне, очень бледный, с рукой на перевязи, но радостный и довольный, а вокруг него в полном восторге хлопотала Лина.

Вместе с Кресой-Майей они начищали медную посуду: все горшки, и миски, и сковородки должны были блестеть и сверкать к рождеству. Но Лина уже не могла заниматься своим делом. Она суетилась вокруг Альфреда с тряпкой для чистки посуды в одной руке и с миской, где лежала сырная лепешка, — в другой. Она вела себя так, словно нежданно обнаружила в своей кухне золотой слиток. Маленькая Ида не сводила с Альфреда глаз. Она так пристально смотрела на него, будто не знала, в самом ли деле человек, который вернулся домой, их прежний Альфред.

Креса-Майя переживала одну из самых великих минут своей жизни. Не закрывая рта, болтала она о заражении крови. Альфред может радоваться, что дело кончилось так, как оно кончилось.

— Но ты не очень-то задирай нос, потому как заражение крови порой бывает тяжким и долгим. Глядишь, и снова расхвораешься, когда уж думаешь, что здоров. Да, право слово, это так.

В тот вечер в Катхульте было очень уютно. Мама Эмиля достала из кладовой свежую кровяную колбасу, и начался настоящий пир. Все вместе — Эмиль, и его мама, и папа, и маленькая Ида, и Альфред, и Лина, и Креса-Майя — сидели в празднично убранной кухне в величайшей радости и веселье. Да, то был настоящий праздничный вечер со свечами на столе и всем прочим. И эта колбаса — она была бесподобно хороша — коричневатая, поджаристая. Они ели ее со свежей брусникой. Особенно много ел Альфред, хотя ему мудрено было справляться только одной рукой. Лина с любовью смотрела на него, и вдруг ей в голову пришла замечательная мысль.

— Послушай-ка, Альфред, раз у тебя нет никакого заражения крови, мы можем пожениться к весне, верно?

Альфред испугался так, что даже подскочил и проспал уйму брусники на брюки.

— Этого я не обещаю, — сказал он. — У меня ведь есть еще один большой палец, так что неизвестно, может, у меня и в нем будет заражение крови.

— Ну уж нет, — возразил Эмиль, — тогда я закопаю тебя к северу от дома, я это обязательно сделаю, потому что везти тебя в Марианнелунд еще раз я не смогу. Креса-Майя злобно взглянула на Эмиля.

— С тебя станется ломать комедию со всего. Это мне известно, — обижено сказала она.

И вот теперь, когда они сидели при свете рождественских свечей и было так хорошо и даже немного торжественно, мама Эмиля вытасила из кармана передника письмо и прочитала всем то, что доктор написал об Эмиле. «Им не помешает послушать такое письмо», — подумала она.

После того, как письмо было прочитано, все замолчали. Стало тихо, потому что они услышали значительные и красивые слова. Наконец маленькая Ида произнесла: — Это о тебе, Эмиль!

Но Эмиль сидел смущенный и не знал, куда деваться. Все смотрели на него, а он этого терпеть не мог, поэтому он упрямо глядел в окошко. Но и то, что он там увидел, не способствовало бодрости его духа. Он увидел, что снова идет снег, и понял, кому завтра рано вставать и убирать этот снег.

Он снова принялся за кровяную колбасу, но ел ее, опустив глаза, и иногда лишь быстро поднимал их, чтобы посмотреть, не глядят ли еще на него.

На него смотрела только мама. Она не могла оторвать взгляда от своего любимого мальчика. Он был так мил — розовощекий, кудрявый, с кроткими голубыми глазами. «Да он точь-в-точь рождественский ангел», — думала она. Доктор подтвердил, что она имеет право гордиться им.

— Чудно, — сказала мама Эмиля. — Порой, когда я смотрю на Эмиля, мне кажется, что когда-нибудь он будет великим человеком.

Папа Эмиля явно сомневался в этом.

— Каким еще великим? — удивился он.

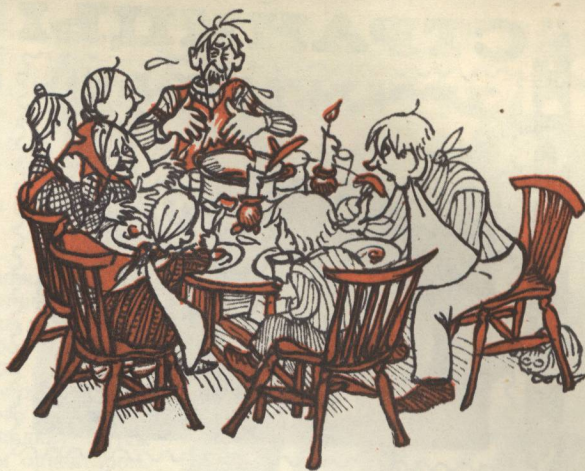
— Да откуда мне знать? Может, председателем муниципалитета или кем угодно.

Лина разразилась непристойным хохотом.

— Быть того не может, чтобы председателем муниципалитета стал эдакий озорник!

Мама Эмиля строго посмотрела на нее, но, так ничего и не сказав, еще раз сердито обнесла всех по кругу кровяной колбасой.

Эмиль положил себе еще кусочек на тарелку и, медленно поливая брусничным вареньем колбасу, начал раз-

мышлять над тем, что сказала мама. А что, если он в самом деле станет председателем муниципалитета, когда вырастет? Может, это не так уж и глупо? Ведь кому-нибудь надо же быть председателем!

Затем он начал размышлять над тем, что сказала Лина. Если он станет таким председателем, который озорничает... какие бы тогда придумать проделки?

Налив в стакан молока, он продолжал размышлять. Проделки председателя муниципалитета должны быть почище обычных мальчишеских. Их вот так мигом, с бухты-барахты не придумать. Он поднес стакан к губам, чтобы сделать глоток. И в эту самую минуту ему пришла в голову еще одна по-настоящему забавная проделка... И тогда он покатился со смеху, а молоко разлилось по столу, и, как обычно, досталось папиному пиджаку. Однако папа Эмиля не очень рассердился: нельзя ведь ругать того, кого так расхвалил доктор и кто совершил такой удивительный подвиг. Папа Эмиля ограничился лишь тем, что стряхнул с пиджака молоко и чуть сурово сказал:

— Да, сразу видно, кто вернулся домой!

— Не надо так говорить, — попросила мама.

Папа замолчал и погрузился в размышления о своем сыне и его будущем.

— Сомневаюсь, чтоб Эмиль стал председателем муниципалитета, — сказал он наконец. — Но все же из него может получиться дельный парень. Если, конечно, ему суждено быть живу-здорову.

Мама Эмиля удовлетворенно кивнула головой.

— Да, да! Если бог этого захочет!

— И если этого захочет сам Эмиль! — сказала маленькая Ида.

Эмиль плутовски улыбнулся.

— Поживем — увидим, — сказал он. — Поживем — увидим!

И настал вечер, и настала ночь, и все тихо и мирно уснуло. А снег сыпал и сыпал на Катхульт, на всю Лённебергу, на весь Смоланд.

Перевели со шведского
Л. Брауде и Е. Милехина

Раздел ведет писатель Н. Сладков

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

КАК КАБАН ЗАЙЦА СПАС

Уже в начале зимы озера в тростниках замерзли. Но вода подо льдом все убывала и убывала. Где мелко, там лед улегся прямо на дно, а над глубокими ямами повис на тростниках, как крыша.

Ночью заяц выскочил на «крышу», проломил тонкий лед и ухнул в черную яму! Перепугался: ни жив ни мертв. А когда очнулся — попытался выпрыгнуть. Но куда там: над головой ледяные закраины! Да и тесно, не разбежишься.

Всю ночь просидел косою в яме, поглядывая на звезды в проломе над головой. А потом завывла метель, понесло снег и замело дыру. Тут бы и конец косому. Но на заячье счастье в ту же яму свалился здоровенный кабан. Чуть зайца в лепешку не раздавил. Еле успел он к стенке прижаться.

Кабан не заяц: для него ледяные закраины не преграда. Как начал кабан прыгать, рылом пихать, клыками пороть! Все разворотил, разбросал. Сам выскочил и зайца спас.

М. Заверев

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Читатель Володя Иванов прислал рассказ о своих наблюдениях. Интересный рассказ. И нам подумалось: а почему бы и другим ребятам не прислать свои рассказы? И почему бы нам самые интересные из них не напечатать? И вот — для пробы! — печатаем.

РАССКАЗ ВОЛОДИ

Пришли мы в лес и удивились: тишина! А что тут летом творилось! Кричали птицы, шумели листья, порхали бабочки, копошились разные жуки-пауки. Ну, птицы, понятно, на юг улетели. А куда насекомые подевались? Где они?

— Тут, тут, тут! — вдруг услышали мы. Смотрим, дятел на трухлявом пенке сидит, носом стучит, показывает: тут, тут, тут! Разбили пенек топором: действительно — тут! И жуки, и комары, и какие-то мошки.

Было это еще в ноябре. С тех пор мы собрали по дятловой указке целую коллекцию насекомых, зимующих в пнях. А сейчас все дятлы еловыми и сосновыми семенами питаются, шишки разбивают, им сейчас не до нас. Но не растерялись мы, синиц в помощники взяли. Они не хуже дятлов знают, куда насекомые от зимы прячутся. Так что коллекция наша растет!

МИГ

ВЫПЬ

Тростники, непроходимые болота — вот где живет выпь. Мало кто видел эту несуразную, сутулую птицу. Днем и ночью прячется выпь в тростниках. И не знает никто, что она там делает. Только изредка послышится ее голос, похожий на рев: «Э-дуу!»

Захотелось мне поближе узнать скрытую жизнь выпи. В самом недоступном месте, на куче плавающего тростника, я нашел ее гнездо. В нем сидели птенцы: разного роста, длинноногие, большеклювые, со вздутыми животами и злыми глазами. А глотки, что за глотки! Пасти-саквояжи, пасти-кошелки!

Я сделал скрадок и прожил в скрадке неделю, но мать-выпь так и не показала, хоть я и слышал, как она шлепала в тростниках по воде. Птенцов выпь ухитрялась кормить не показываясь! Она подкладывала им рыбу в гнездо, высовывая из тростников один только нос! И греть птенцов она приходила ночью, когда ничего не было видно.

Тогда я решил поставить лампу-вспышку. Снимал наугад, по шороху — и получилось. Проявив пленку и

напечатав снимок, я наконец увидел, как выглядит выпь.

После ночной съемки я обнаружил, что птенцы из гнезда... исчезли! Выпь, обеспокоенная моей возней у ее гнезда, построила в стороне новое и ночью перетаскала в него птенцов!

А. Лухтанов

ШТАБ „КЕДР“

Дежурный. — инженер зеленого строительства
Ирина Несторовна Сурина

Светло и чисто сейчас в школьном саду — все запорошило снегом. Четко видны стволы молодых деревьев, тонкие ветки кустарников.

Именно сейчас, когда закончены все работы, когда убраны в кладовку грабли и лопаты, хорошо пройтись по саду, захватив с собой план пришкольного участка (обычно он хранится в кабинете директора школы).

Надо нанести на план посадки этого года. Рулеткой измерим расстояние от новых деревьев и кустов до ближайшего постоянного ориентира (например, стены школы, дорожки, ограды, спортивной площадки). Затем от точки, в которой линия замера пересеклась с постоянным ориентиром, измерим расстояние до ближайшего угла, выступа двери и т. п. Как говорят специалисты, привяжем точку.

Теперь нанесем посадку на чертеж. Действуем в обратном порядке: от угла здания отмерим расстояние вдоль линии стены до найденной точки, а потом из точки проведем перпендикуляр длиной от стены до дерева.

Деревца принято изображать кружочками с диаметром один—два сантиметра, а кустарники — волнистой линией.

Планы школьных участков могут быть в масштабе 1:100, 1:200, 1:500, поэтому до начала работы посмотрите, какой масштаб у вашего чертежа.

Когда все посадки будут нанесены на план, сразу станет видно, как теперь выглядит школьный участок, где деревьев и кустов много, а где их нет совсем, где они близко к стенам здания, а где далеко.

Есть такая ошибка: кусты сажают редко, а деревья часто. Посмотрите на ваш план! Не делаете ли вы эту же ошибку?

Надо делать наоборот, деревья сажать в группах, через три—шесть метров, а кустики скученно, через полметра—метр. Только очень красивые кусты сажают поодиночке.

Деревья лучше всего высаживать в ряд вдоль ограды или вдоль входной аллеи, но не вдоль стен школы, — пройдет несколько лет, и от разросшихся тополей и берез в классах станет темно.

Хорошенько разглядели свой план? Теперь положите на него кальку, а на кальку перенесите те посадки, которые вам нравятся. Карандашом другого цвета отметьте, что бы вам хотелось пересадить. Подумайте и нарисуйте на плане, куда можно пересадить деревья или кусты. И если участок покажется вам пустоватым (не забывайте оставить место для опытных делянок, цветников!), то дорисуйте растения там, где их не хватает.

Теперь подсчитайте, сколько потребуется деревьев и кустарников и каких пород. Весной по этим сведениям вы составите заявку и получите из питомника только то, что вам действительно нужно.

ЧТО БЫ БЫЛО, ЕСЛИ БЫ...

...ВДРУГ ИСЧЕЗЛИ ВСЕ ПЧЕЛЫ!

Исчезли бы пчелы — и не стало бы меда. Но это только начало!

Исчезли бы фрукты: груши, яблоки, персики, абрикосы, сливы, черешни. Некому стало бы опылять их цветы! Да разве одни фрукты? Постепенно исчезли бы все цветы, а не стало бы цветов — не стало бы плодов и семян. Вымерли бы насекомые, птицы и звери, которые питаются плодами, семенами и цветковыми растениями. А за ними погибли бы хищники, для которых травоядные звери и зерноядные птицы служили добычей. С годами бедствие все расширялось бы и расширялось. На земле наступило бы царство злаков, осок, мхов, лишайников, папоротников. Ливни размыли бы почву, не скрепленную плотным дерном. Понизился бы уровень грунтовых вод и погибли бы последние, еще уцелевшие леса. Неправильная катастрофа! И только потому, что исчезли все пчелы...

КОСЯ ТЕРКИН

Рисунки

Т. Васильевой

ВСЁ О ЛАРИСЕ

В одном из последних выпусков «Спортивной газеты» XII Всесоюзной спартакиады школьников ей было посвящено всего полторы строчки в разделе «Легкая атлетика»: «Длина. 1. Л. Петрова (Азербайджан) — 6,12». Конечно, 6,12 это не мировой рекорд. Это результат на 25 см ниже всесоюзного достижения по прыжкам в длину для девушек. Но это лучший результат XII Всесоюзной спартакиады школьников. Причем, И. Кошелева, спортсменка из Москвы, занявшая второе место, отстала от Ларисы Петровой на целых двадцать сантиметров.

Лариса — капитан команды девушек Азербайджана. Ей семнадцать лет. В этом году она окончила школу, окончила

с хорошими и отличными оценками. Что дальше? Институт физкультуры и затем тренерская работа. Уже сейчас она первая помощница тренера и любимица детворы дома, в котором живет. Она рассказывает ребятам о спорте, дает советы и вообще, как она говорит, любит возиться с малышами.

Мастер спорта по многоборью Роман Петрович Пшигочкус, тренер Петровой:

Лариса очень целеустремленная девушка. Никогда на тренировке я не слышал от нее: «Я устала». Она знает только: должна выполнить, должна сделать. В спортивную школу она пришла пять лет назад. Сначала около года занималась многоборьем, потом специализировалась по прыжкам в длину. Сейчас продолжает заниматься спринтом. В тот день, когда Лариса заняла первое место, она бежала стометровку. Правда, в этот раз не очень удачно, а вот весной на

закавказских соревнованиях среди взрослых — пятое место, стометровка за 12,0.

Можно удивляться, как ей не везет и как стойко она переносит травмы. За два последних года: в 1971 году в Москве — растяжение, тем не менее — 5,72. И в том же году в Сочи, спустя несколько дней после травмы, — 5,65. А травма очень тяжелая. На сборах в Кисловодске сорвавшееся ядро ударило Ларису по щиколотке толчковой ноги. Это было 22 апреля, а нынче, в июле, она занимает первое место. Ее упорство удивляет, она вся в спорте.

Давид Сергеевич Зорьян, засл. тренер Аз. ССР; тренер тренера Ларисы:

Такие результаты дает только сочетание трудолюбивого тренера и трудолюбивого спортсмена. Теперь впереди одесские соревнования с ГДР и Будапешт: матч СССР—Венгрия. Я уверен, что в этом году она прыгнет на 6,15. Станет мастером.

Подруги по команде:

В команде Ларису очень любят. Вот в Вильнюсе на сборах мы жили в не очень удобном месте, и Ларисе, она член юношеской сборной, предлагали перейти в хорошую гостиницу, где разместили взрослых спортсменов, — она отказалась, осталась с подругами.

Главный судья Быковский В.Ф., летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза:

Впереди целая жизнь. Желаю дальнейших успехов.

Лариса Петрова (после награждения):

Победа всегда приятна. В пятом классе я на школьных соревнованиях прыгнула на четыре метра, и вот, кажется, этого все началось.

МЛАДШАЯ СЕСТРА

С Джиловян Рексима мы познакомились в автобусе, в котором она вместе со своим тренером возвращалась домой с соревнований:

— Плаванием я занимаюсь с 1956 года. Мастера спорта получила в 1970 году в Ереване на первенстве республики. В 1969 году в Полтаве по старым нормативам всего 0,7 не хватило до мастера. А через полгода выполнила.

Плаваю с шести лет. У нас возле дома был маленький бассейн. Когда попала к тренеру Градовскому Александру Николаевичу, сначала плавала на спине. Около года. Потом на водном празднике случайно сдала на третий разряд в стиле брасс. И вот с тех пор... Да, на отборочных соревнованиях я

двести метров проплыла лучше, за 2.49,5. А нынче, хотя и второе место, но только 2.50,3.

Последнее время я занималась очень много, пришлось даже музыку бросить. Александр Николаевич требует полной отдачи. И ставит мне в пример мою сестру Асмик — тоже его ученицу. Асмик — первая армянка мастер спорта по плаванию. У нас в семье все занимаются спортом: и брат третьеразрядник, и младшая сестра легкоатлетка. Александр Николаевич говорит, что если буду работать, как Асмик, то попаду в Монреаль. Пока, говорит, все мои результаты за счет способностей. Я люблю плавание. Этот вид спорта развивает. Почему я так говорю? У меня родители медики, но я и са-

ма так считаю. Асмик сейчас учится на химфаке в университете. Я тоже хочу поступить на химфак.

Она всегда для меня была примером, я все время за ней тянулась.

Очень хочу попасть в Монреаль. Да, я уже участвовала в международных соревнованиях — в прошлом году на первенстве Европы среди юниоров.

Первая большая победа была в Риге на соревнованиях на приз «Комсомольской правды». К финалу я пришла восьмой, последнее место, и вдруг — третья в финале.

Александр Николаевич говорит, что вся работа впереди, что мы еще только начинаем работать.

ДВОЕ СО ШПАГАМИ

Удивительно не похожи друг на друга эти двое ребят, занявших первое и второе места в соревнованиях по фехтованию на шпагах на XII спартакиаде школьников. Женя Ананьев из города Видное Московской области — спокойный, уверенный, сдержанный. Движения быстрые, но плавные. Фарит Фахрутдинов из Казани — нервный, резкий в движениях, в перерывах между боями продолжает переживать прошедший бой. После боя Женя улыбается, кажется, сразу забывает про бой, смеется и болтает с болельщиками и болельщицами.

Женя выигрывает бой ровно. Обычно сразу начинает вести в счете. Фарит дважды за полуфинал сумел выиграть бой, проигрывая 0:4. После каждого укола кричит «дурным» голосом и прыгает.

Оба — 1955 года рождения. Женя в этом году хорошо окончил школу, собирается по-

ступать, это уже давно решено, в московский Институт железнодорожного транспорта. О себе рассказывает с иронией, немного заученно от стеснения: «В детстве переболел всеми детскими болезнями. Неделию назад объелся зеленых яблок. Люблю петь, но не умею. Фехтованием занялся совершенно случайно — школьный товарищ пошел записываться в спортивную школу и позвал с собой за компанию. Он давно бросил, а я занимаюсь». И вдруг совершенно серьезно, обнаружив упорство, настойчивость: «Мне всегда меньше всех везло. Долго не было результатов. Несколько лет на всех соревнованиях проигрывал из-за одного боя или из-за одного укола». Видно, победа далась ему нелегко, ей предшествовала напряженная работа.

Фарит ни о чем, кроме фехтования, раньше и думать не хотел. Он бы и школу бросил, если бы можно было. Восьмой

класс окончил еле-еле. Правда, в девятом пришлось подтянуться — под угрозой оказались занятия спортом. Фехтование — это его страсть, сильная, и скорей всего надолго. После каждого боя, независимо, выиграл или проиграл, собой доволен.

Бой Ананьев — Фахрутдинов выиграл Женя. Этот бой был очень спокойный. Оказавшись в одной команде (РСФСР), ребята подружились. Фарит в глубине души понимает, что победа Жени заслуженная. Во всех остальных боях Ананьева Фарит болел за Женю, переживал, нервничал, что-то выкрикивал, болел открыто, искренне.

В последний день соревнований киевлянка Ира Карнаева победила в беге на сто метров с барьерами. На трибунах дружно и громко за нее болели ее одноклассники из 179-й школы.

НЕ УПУСКАЙ СЛУЧАЯ!

Если ты намерен в будущем играть на первенство мира по шахматам или по шашкам, то тебе нужна хорошая тренировка, а ее даст тебе

ЧЕМПИОНАТ АРЧЕБЕКА!

Одержав победу на чемпионате АРЧЕБЕКА, ты можешь получить приз, ты можешь получить 4-й, 3-й и даже 2-й разряд.

Старт — в январе. Запись началась. Примут всех!

Не умеющие играть могут вступить в специальный отряд рыцарей, где их быстро научат премудростям игры.

А теперь — бери бумагу, перо, пиши: «Прошу записать меня...»

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

Международный гроссмейстер Юрий Авербах продолжает рассказывать об окончании «ферзь против пешки на седьмой линии».

— Что же получается, когда пешка ладейной? Почему для этого случая непригоден показанный в «Костре» № 11 выигрышный маневр? Вот простой пример — белые: Krb5, Фd3; черные: Kpg1, p.h2.

Ход 1. Фg3+ заставит черного короля стать под пешку, но есть ли от этого польза? Нет! Белые не могут приблизить своего короля, а должны пойти ферзем: иначе будет пат.

Также получается и со слоновой

пешкой — белые: Krb5, Фd3; черные: Kpg1, p.f2.

1. Фg3+ Kph1! Черные попросту отдадут пешку, но... побить ее нельзя опять-таки из-за пата! Пешка грозит пойти на f1, и белые вынуждены снова шаховать, ничего не добившись.

Вот почему против ладейной или слоновой пешки на седьмой линии ферзь не выигрывает, если его король далеко удален. Но если король вблизи от пешки, то... Впрочем, об этом я расскажу в другой раз.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Узнаете лихого лыжника? Это же Знай! А следят за ним Незнай и Полузнай. Они уже спустились с горы и отвечали на вопрос, задаваемый каж-

дому у финишной ленточки — сделали ли тут белые ничью?

— Ничью! — сказал Незнай. — Смешно! Я буду играть черными, и пусть кто-нибудь попробует ничью

сделать, когда у меня две лишние пешки. Смешно!

А так ответил Полузнай:

— Проиграть-то белыми я бы сумел... А вот ничью!... Если черные захотят, тогда и белые смогут...

Ох, не просто понять Полузнай!

Теперь все ждут, что скажет на финише Знай. Как вы думаете — покажет ли он, как белым спастись?

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Сегодня кабина принимает рыцарей-шашкистов. Заходите, пожалуйста, — вы выйдете из нее с весом большим, чем зашли: ведь опыт, который вы приобретете, что-нибудь да весит!

Зашли? Хорошо. Перед вами два окончания. Автор — известный шашечный композитор из Кисловодска Г. Маркосов.

А. Белые: D.g7, пр.d4, g5; черные: D.d6, пр.e7.

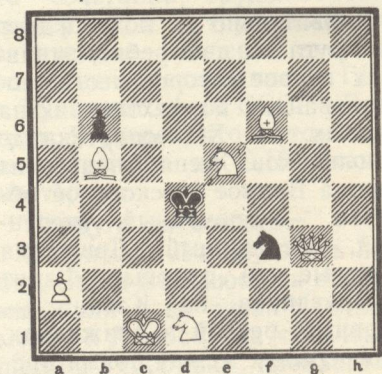
Б. Белые: D.h8, пр.e5, g1; черные: пр.a5, g3, h2.

Нужно найти, как белые выиграют. А ведь чтобы выиграть, белым необходимо иметь три дамки. Следовательно, вы должны найти способ провести белые простые в дамки.

КТО? КТО? КТО?

Кто решит задачу Вани Руснака из Тересвы? Белые: Kрс8, Фа8, Кс6, п.c4; черные: Kрд6, п.e6.

Кто решит задачу Сережи Орлова из Назарова? (см. диаграмму).

Кто решит задачу Валерия Проница из Одессы? Белые: Kрс2, Кс3, Kd5, пп.b2, b3; черные: Кра1, п.c5.

У Вани и у Сережи — мат в два хода, а у Валерия — в четыре.

Рыцари! Кто примет вызов этих лучших архебековцев? Кто выйдет с честью из заочного единоборства?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 9. Для рыцарей — 1.b8Л! Скорая помощь — 1.gel! ac1 2.ed2 и т.д.Х.

«Костер» № 10. Для рыцарей — 1.g6h4 2.g7h3 3.Kpf7h2 4.g8Ф h1Ф — и у белых ферзь и у черных ферзь, но — 5.Фа8+, и белые выигрывают.

КОТЕЛ

Мой котел,
мой котел,
Ты мне друга
нашел.

Сделал дед
тебя мой.
На тебе
мое имя
сокрыто
в резьбе.
И костер
я развел,
чтобы друг мой
пришел,
чтоб кипящий
котел
речь о предках
повел.

Чингиз Гуссейнов

*Рисунок
А. Гуссейнова*

ПЕТУХ

Самая вышла во двор покормить цыплят. Разбрасывая зерно, она заметила, как один большой красивый петух клевал маленького петушка.

— Не совестно тебе, — сказала Самая. — Когда видишь лису, небось прячешься в курятнике, а при виде цыпленка петушишься?

Хикмет Зия

ЗАГАДКИ

Много иголок,
да все без ниток.

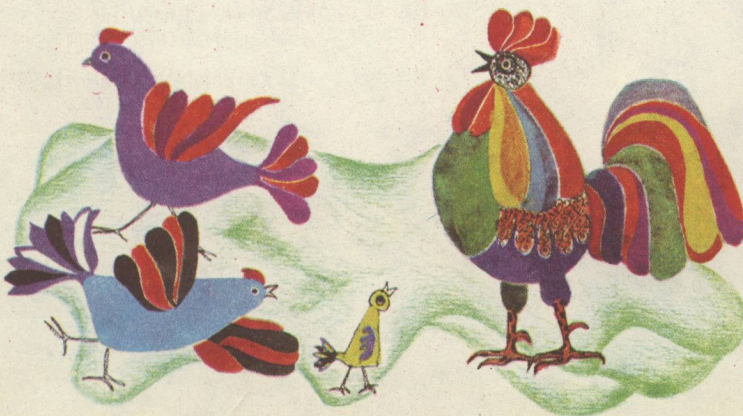
(Ежик)

По суху не бежит,
с крыльями, а не летит.

(Рыба)

Краса гор —
на голове — забор.

(Олень)

*Рисунок
Г. Атакишиева*

СКАЗКА О ПЛЮЩЕ

Когда-то давным-давно Плющ был крохотным зеленым ростком. Однажды возле Плюща уселся Воробей и завел с ним такую беседу:

— Знаешь ли ты, Плющ, что в нашем лесу живет Соловей? Он очень красиво поет.

— Нет, — ответил Плющ, — не знаю.

— А знаешь ли ты, что этот самый Соловей очень любит тебя. У нас в лесу все птицы только и думают о Соловье, о его пении. А сам Соловей днем и ночью думает о тебе, Плющ. Странно, не правда ли?

С тех пор загрустил Плющ. Ему очень хотелось увидеть Соловья, но он был маленьким зеленым ростком. И никто ему не мог помочь. Даже дружелюбный Воробей.

Но вот однажды вековой Дуб, возле которого рос Плющ, сказал:

— Я помогу твоей беде. Не печалься. Уцепись за меня и расти побыстрее. Тогда ты сможешь увидеть не только Соловья, но и солнце, и луну...

Плющ так и сделал. Он рос, рос, рос и в один прекрасный день увидел Соловья.

— Откуда ты, прекрасное растение?

— Как, ты не знаешь меня? — удивился Плющ. — Значит, Воробей обманул меня, — грустно сказал он. Я Плющ...

— Плющ, дорогой, это ты. Но ведь ты такой крошечный.

— Чтобы увидеть тебя, я вырос.

Счастливо запел Соловей, засвистал на весь лес. Он был так рад. Вот с тех самых пор Плющ всегда стремится вверх.

Мурзага Мамедов

Рисунок А. Азимова

КАК ВЫСОКО!

Ирада не бывала до сих пор еще ни разу у подножья гор. Стоит и вверх глядит из-под руки — Бегут, звеня, по склонам родники, Теряется вершина в синеве. Вдруг шапка покатилась по траве: — Вот это да! А ведь еще вчера Не знала я, как высока гора. Там на вершине снега белизна, А здесь внизу цветущая весна. Наш дом в Баку — двенадцать этажей, Но тибетейка с головы твоей Не свалится, смотри хоть целый день На крышу дома, ежели не лень. Гора многоэтажней всех домов. Ее вершина выше облаков. А сколько все же этажей?

Скажи,
Как сосчитать утесов этажи?

*Гусейн Аббасзаде
Перевел М. Еремин*

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КОЗЛЕНОК

Не поверите мне вы,
я нарвал в саду травы,
ароматной и зеленой,
но не хочет есть козленок.
На скалу, под небосклон,
есть траву забрался он.

*Тофик Махмуд
Перевел Л. Виноградов*

*Рисунки
А. Гуссейнова*

СОДЕРЖАНИЕ

Мы живем в стране Советов дружную семью говорит Председатель Совета Национальностей Я. С. Насриддинова	1
Стихи поэтов братских республик	3
По следам легенды рассказ Ювана Шесталова рисунки Т. Оболенской	5
10-е Большое Путешествие „Костра“ оформление М. Беломлинского	12
Партизанский врач глава из повести В. Лебедева рисунки Ю. Шабанова	37
„Ра-2“ плывет к берегам Бар- бадоса главы из книги Ю. Сенкевича рисунки В. Топкова	43
Живой, а не из книжки рассказ З. Тумановой рисунки Г. Ясинского	47
Жив еще Эмиль из Лённе- берги! повесть Астрид Линдгрен рисунки Бьёрна Берга	49
Зеленые страницы ведет Н. Сладков	58
Спорт	60
Арчбек шахматы и шашки	62
Уголёк журнал для малышей	63

«ПОДАРКИ РАЗДАЕМ, ТАНЦУЕМ И ПОЕМ!»

Демьяша предлагает увлекательную новогоднюю игру. Играть можно один на один или команда на команду.

На шестнадцатиклеточном поле вы расставляете подарки, как показано на картинке. Чтобы не путать, где чья, одна сторона выставляет, например, конфеты, другая — мандарины. Затем бросает жребий. Кому выпало начинать, тот двигает свой подарок на одну из свободных клеток. Ходить можно вперед или вбок на одну клетку по горизонтали или вертикали. Брать — так же, как и в шашках, перешагивая через подарок партнера на свободную клетку вперед, вбок и назад, но в отличие от шашек, не по диагонали, а только по горизонтали или вертикали. Брать нужно столько раз, сколько подарков подставлено. Брать подставленные подарки обязательно. Если у вас была возможность взять, но вы сделали ход, не взяв подарок или серию подарков, они все равно снимаются с доски и вежливо вручаются вам, а партнер делает очередной ход.

Выигрывает тот, кто сумеет первым вручить все свои подарки партнеру. Проигравший должен спеть или станцевать что-нибудь веселое.

ОТВЕТЫ НА № 11.

1. Демьяше надо крутить ручку против часовой стрелки.
2. Кроссворд «Только чемпионы». По горизонтали: 1. Тобиан. 4. Скобла. 7. Давенпорт. 10. Смит. 13. Хенн. 14. Конноли. 15. Уичмен. 16. Дрымбе. 19. Носсейр. 21. Трой. 22. Оган. 25. Карпентер. 26. Невала. 27. Морроу. По вертикали: 1. Томпсон. 2. Акар. 3. Манкин. 5. Карр. 6. Алтонен. 8. Дидриксон. 9. Вейнберга. 11. Колесов. 12. Олбрайт. 17. Роттман. 18. Манолиу. 20. Санеев. 23. Халл. 24. Тето.

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтальев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодина, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терехинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор

М. С. Беломлинский

Корректор

В. А. Маевская

Технический редактор

В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-17839. Подписано к печати 31/X 1972 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600000 экз. Заказ № 3154. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград. Кромверкская ул., 7.

47-38

25 н.

Индекс
70445